

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

МАХМУДОВА ФАРАНГИС СИРОЖИДИНОВНА
**Лексико-семантическое поле «добро/зло» в таджикской и китайской
языковых картинах мира**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности

10.02.19 – Теория языка

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шамбезода Хусрав Джамшедович

Душанбе - 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1 Основные понятия лингвоконцептологии.....	12
1.1 Основные понятия когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии...12	
1.2 Различные подходы к описанию концепта.....24	
1.3 Языковое сознание.....34	
1.3.1 Ассоциативное сознание.....34	
1.4. Различные подходы к описанию картины мира.....44	
Выводы к 1 главе	48
Глава 2. Языковая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в таджикском и китайском языках.	50
2.1. Лексическая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в таджикских словарях.....50	
2.2. Фразеологическая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в таджикском языке.....74	
2.3. Лексическая объективизация концепта ДОБРО/ЗЛО в китайских словарях.....86	
2.4. Фразеологическая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в китайском языке.....106	
2.5. Сопоставительный анализ концепта ДОБРО/ЗЛО на основе языковой объективации в таджикском и китайском языках.....137	
Выводы к 2 главе	140
Заключение	142
Список литературы	149

Введение

Возродившийся интерес к изучению языка, как социального феномена обуславливается антропологизмом современной лингвистики. Человек, носитель языка, с присущими ему особенностями стоит в центре исследований. Результатом возрождения интереса к языку как средству коммуникации и познания стало широкое распространение термина концепт в лингвистической литературе. Для современной лингвистики главенствующими вопросами стали вопросы формулировки содержания понятия «концепт», а также его корреляции с такими понятиями, как «смысл», «понятие», «представление».

Считается, что каждый язык имеет свою определенную систему концептов, благодаря которой носители языка усваивают, структурируют, классифицируют и объясняют весь поток информации, которая поступает к нам из окружающего мира.

На современном этапе развития лингвистической науки определяющим является признание неразрывной связи языка с человеческим мышлением и духовно-практической деятельностью носителей языка. Особое значение приобретает вопрос определения места языка в процессе формирования особой этнической языковой и культурной картин мира. Анализ лексико-фразеологической системы позволит увидеть влияние языка на мировосприятие: создает ли каждый язык особое «видение мира», или же этническая особенность каждого языка «наслаивается» на универсальные логические единицы. Последние десятилетия отмечены появлением лингвистических исследований, показывающих, что изучение системы и структуры языка дает объективные данные, позволяющие судить о базовых ценностях обслуживаемой этим языком культуры. Культурно-исторически детерминированные представления о добре и зле обуславливают поведение как отдельного индивидуума, так и социума в целом. Изучение концептов «добро» и «зло» в различных культурно-языковых сообществах способствует

межнациональному пониманию посредством соотнесения своих социально-культурных стереотипов поведения со стереотипами представителей других культур. Центральное место в языковой картине народов мира занимают концепты, связанные с морально-нравственными оценками человека, к которым следует отнести добро и зло. Они рассматриваются как наиболее общие понятия морали, предельные полярные характеристики человеческого мира.

Приоритетными для современных лингвистических исследований последних десятилетий становятся вопросы определения содержания понятий «концепт» и «концептосфера», соотношения языка и сознания, выявления этнокультурного компонента в составе лексического значения слова и т.д. . (Ю.С. Степанов, Д.С. Лихачев, Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Г.И. Берестнев, Искандарова Д.М., Давлатмирова М.Б. и др.). При этом значительное внимание в современной лингвистике уделяется специфике экспликации индивидуально-авторских концептов, формирующих концептуальную систему художественного произведения, в соотношении с концептосферой определенной культуры (В.В. Вербицкая , Е .В. Севрюгина, Ю.В. Миронова и др.); а также способом реализации лингвокультурных концептов, выражающих представления об основных чертах этноменталитета и особенностях национального характера (В.В. Маслова, А. Вежбицкая, А.Д. Шмелев, В.И. Карасик, Н.В. Сафонова, Н.Ю. Моспанова, Худойбердиева Д.Ч. и др.).

Актуальность данного исследования определяется необходимостью всестороннего рассмотрения и анализа корпуса языковых выражений ключевых концептов мировой культуры, к которым относятся анализируемые нами концепты «добро» и «зло», недостаточной изученностью концептосфер носителей таджикского и китайского языков, а также значимостью выявления смыслового наполнения концептов,

обозначающих ценности для различных социальных и возрастных групп. Актуальным считаем также частичное привлечение к проводимому анализу сопоставительных данных таджикского и китайского языков, поскольку подобный анализ способствует выявлению национального своеобразия лингвистических языковых репрезентаций исследуемой нами философско-этической категории. В исследованиях таджикских ученых не рассматривались концепты «добро» и «зло» как одни из самых значимых понятий в лингвокультурах таджиков и китайцев на лексикографическом, паремиологическом и дискурсивном материалах. Наше исследование проводилось в основном с опорой на работы российских, западных и китайских ученых Проблемы взаимообусловленности языка и культуры, влияния коллективного языкового сознания на формирование национально-специфических концептов разработаны в трудах А. Вежбицкой, Й.Л. Вайсгербера, Г.Д. Гачева, В. фон Гумбольдта, О.А. Корнилова, В.А. Масловой, Э. Сепира, С.Г. Тер-Минасовой, Б. Уорфа и других. Основные положения теории концепта как предмета исследования когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, нашли отражение в работах А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, Т. ван Дейка, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Р.И. Павлениса, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.И. Тхорика, Н.Ю. Фанян и других авторов.

Вопросам объема и содержания понятия «оценка», природы и типов языковых оценок, статуса оценки как лингвистической категории посвящены исследования В.И. Абаева, Н.Д. Арутюновой, Е.В. Бабаевой, В.А. Василенко, Е.М. Вольф, Л.П. Дроновой, А.Ф. Журавлева, А.А. Ивина, М.А. Лукьяновой, Т.В. Маркеловой, М.В. Пименовой, Т.В. Писановой, О.В. Сахаровой, Л.Н. Столович, В.Н. Телии, В.И. Шаховского и других исследователей.

Работы Ю.Д. Апресяна, Н.Н. Болдырева, Т.В. Булыгиной, М.К. Голованивской, Р.С. Кимова, В.В. Колесова, В.В. Красных, И.Ю. Марковиной, О.Г. Почепцова, Ю.А. Сорокина, Е.В. Урысон, Т.А. Фесенко,

А.Д. Шмелева посвящены проблемам выявления особенностей языковых картин мира и специфике национального менталитета.

Вопросы моделирования языковой личности разработаны В.И. Карасиком, Ю.Н. Карауловым, Е.В. Красильниковой, К.Ф. Седовым, И.И. Халеевой.

Несмотря на значительный задел теоретических и практических предпосылок исследования многие аспекты данной проблемы остаются недостаточно разработанными. В частности открытыми остаются вопросы, связанные со способами языковых репрезентаций ценностей, анализом аксиологических картин мира.

В основу диссертационного исследования положена гипотеза о том, что «добро» и «зло» являются базовыми лингвокультурными концептами, определяющими ценностные ориентиры. Они представляют этическую оппозицию «хорошо-плохо», синтезируя общечеловеческие ценности и особенности национального языкового сознания.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются концепты «добро»/«зло», являющиеся доминантными единицами в структуре аксиологических концептосфер таджикской и китайской лингвокультур. Предпринятое исследование направлено на верификацию гипотезы о том, что содержание концептов «добро» и «зло» обусловлено мировидением, мироощущением и базисными представлениями индивидов как членов разных лингвокультурных сообществ, сформировавшимися в их сознаниях через деятельностный контакт с окружающим миром во всем его разнообразии и многомерности восприятия.

Предметом исследования выступают этноспецифичные лингвокультурные характеристики данных компонентов, особенности вербализации концептов «Добро» и «Зло» в лексической и фразеологической системе таджикского и китайского языков.

Цель исследования - выявление универсальных и этноспецифических компонентов концептосфер добра и зла, представляющих собой ключевые мировоззренческие категории, путем семантического анализа соответствующих лексем и паремических единиц в таджикском и китайском языках.

Для достижения поставленной цели в ходе диссертационного исследования предполагается решить следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать научное понятие «концепт» в историконаучном и теоретическом освещении, выработать его определение и выявить особенности его классификации, устройства и функционирования.

2. Определить этическую значимость дихотомической парадигмы «добро - зло» как ядерного компонента фрагмента таджикской и китайской языковой картины мира.

3. Определить структуру и содержание категориальных концептов «Добро» и «Зло».

4. Выявить семантические компоненты и средства их выражения в области пересечения концептов «Добро» и «Зло».

5. Рассмотреть лексикографическую характеристику концептов «добро»/ «зло».

6. Провести анализ ценностных элементов концептосфер добро и зло во фразеологических единицах таджикского и китайского языков.

Методологической основой исследования послужили труды по философии языка (В. Фон Гумбольдт, Д.С. Лихачев, А.Ф. Лосев, Ю.М. Лотман, М. Хайдеггер) основные положения теории концепта как единицы исследования при сопоставлении лингвокультур (С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов), концепции взаимосвязи языка и культуры (Н.Н. Болдырев, И.Л. Вайсгербер, А. Вежбицкая, Г.Д. Гачев, Р.С. Кимов, О.А. Корнилов, В.А. Маслова, Э. Сепир, С.Г. Тер-Минасова, Б. Уорф), лингвоаксиологии (Ю.Д. Апресян, Е.В.

Бабаева, Т.В. Булыгина, В.И. Карасик, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев, Д.М. Искандарова, М.Б. Давлатмирова, Х.Дж. Шамбезода, Э. Шоев, А.О. Пак, Чжоу Югуан, Чжунвэнь да цыдянь, Цыхай.

Материалом исследования послужили толковые, энциклопедические, паремиологические словари. В качестве текстового иллюстративного материала по речевой реализации когнитивных моделей, воплощенных в лексике, фразеологизмах и поговорках, используются контексты, извлеченные методом сплошной выборки из различных произведений мастеров слова таджикской и китайской литературы, а также были использованы материалы Национального корпуса таджикского языка и Национального корпуса китайского языка.

В качестве основных положений на защиту выносятся следующие:

1. Концепты «добро» и «зло» включают в себя морально-нравственные, религиозно-философские, субъективно-психологические, прагматические характеристики соответствующих понятий, которые отображены в сознании носителей таджикского и китайского языков и репрезентированы в виде когнитивных признаков, характеризующих анализируемые концепты.

2. Концепты «добро - зло», представленные в таджикском и китайском языках, позволяет утверждать, что в структуре данных языков, а именно в их аксиологическом фрагменте выражаются не два, четко противопоставленных друг другу концепта («добро» - «зло»), а единый антонимический концепт, где соответствующие понятия не всегда строго ограничиваются друг от друга, что подтверждается наличием репрезентаций этих противопоставленных ментальных понятий посредством идентичных языковых средств .

3. Концепты «Добро» и «Зло» представляют оппозицию, являющуюся одной из базовых этических оппозиций, отражающих важные элементы таджикского и китайского языкового сознания.

4. Выявленные лексикографические характеристики ядерных элементов концептосфер «добро» и «зло», а также этноспецифичные положительные и отрицательные элементы национального языкового сознания таджиков и китайцев, зафиксированные во фразеологических единицах, позволяют констатировать традиции доминирования духовных ценностей в аксиологическом пространстве как таджикской, так и китайской лингвокультур.

5. Оценочные характеристики лингвокультурных концептов «добро»/«зло» сводятся к оппозиции «хорошо - плохо». Вариативность ценностной оценки напрямую связана со сменой приоритетов современной эпохи в таджикской и китайской лингвокультурах.

6. В концептуальной оппозиции «Добро - Зло» существует зона пересечения, где выделяются собственные содержательные компоненты, репрезентированные различными языковыми средствами, и происходит нейтрализация оппозиционности.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в том, что впервые была предпринята попытка языкового анализа этических концептов «Добро» и «Зло» в китайском и таджикском языках, во-вторых, в работе исследованы языковые способы обозначения и выражения этических представлений народов двух культур, соотнесенных с понятиями «добро» и «зло». На материале таджикского и китайского языков:

- установлено смещение смысловых акцентов, произошедшее в таджикской и китайской картинах мира применительно к аксиологическому аспекту концептосфер «добро»/«зло»;

- подтверждено, что отношения смежности и сходства, отражающие основные виды связей между явлениями объективной действительности, лежат в основе возникновения и закрепления подавляющего большинства словесных ассоциаций в языковом сознании;

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие когнитивной лингвистики, уточняя интерпретацию духовных ценностей в аксиологическом пространстве разных лингвокультур. Содержащиеся в ней результаты наблюдений и выводов могут способствовать дальнейшей разработке теоретических проблем когнитивной лингвистики, в том числе ее аксиологического аспекта, лингвокультурологии, лексикологии, семасиологии и лингвистики текста.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его материалов и выводов в университетских курсах теории и практики перевода, межкультурной коммуникации, в спецкурсах по лингвокультурологии и лингвоаксиологии, спецкурсов по проблемам когнитивной лингвистики и лингвистическому анализу художественного текста.

Методы исследования. В процессе работы использовался комплекс различных методов, среди которых основными были следующие: структурно-семантический, метод сплошной выборки, а также приемы контекстуального, компонентного, и этимологического анализа. Также применяется компаративистский метод, находящий все большее распространение в современной науке для выявления типологических особенностей национальной культуры, приемы дефиниционного анализа на материале сплошной выборки; методика интерпретативного анализа; компонентный и концептуальный анализ; элементы количественного анализа.

Апробация работы. Теоретические положения исследования изложены в опубликованных научных статьях и докладывались на научных конференциях «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики – 26.10.2018 г.», «XXIII Славянские чтения – 26.04.2019 г.», «XXIV Славянские чтения – 24.04.2020г.». Основные положения диссертационного

исследования обсуждалась на заседании кафедры восточных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета. По теме диссертации опубликовано 6 статьи, в том числе три статьи в журнале из перечня ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава 1 Основные понятия лингвоконцептологии

1.1. Основные понятия когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии

Конец прошлого и начало нынешнего века выдвинули для лингвистики новые задачи, связанные с парадигмой антропоцентризма, новыми задачами функциональной лингвистики, появляется новое видение внутреннего содержания основных единиц языка, вылившееся в когнитивное направление. Основная нагрузка антропоцентрической парадигмы выпадает на анализ роли человек в языке и языка в человеке. Основными направлениями исследования указанного аспекта становятся быстро развивающиеся когнитивная лингвистика и лингвокультурология. Первая изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформации языка. Целью когнитивной лингвистики является пояснить, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления окружающего мира, пояснить процесс накопления знаний и проанализировать системы, которые обеспечивают различные виды деятельности с информацией. Вторая, лингвокультурология, возникшая на стыке лингвистики и культурологии, изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании. В ее задачи входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [Степанов, 1997: 216. Маслова, 2004:28]. По определению Эмиля Бенвениста лингвокультурология создана «на основе триады — язык, культура, человеческая личность и представляет лингвокультуру как линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» [Бенвенист 1974, с. 45]. До последнего десятилетия прошлого века лингвокультурология не воспринималась как самостоятельное направление языкознания, как в свое время скептически относились к социолингвистике, психодингвистике, этнолингвистике. Как и многие дисциплины, родившиеся на стыке наук, она имела достаточно длительный период становления. Лишь в начале XXI века

именно в России она признана как самостоятельная отрасль науки со своим объектом, предметом, задачами. «Лингвокультурология – закономерная ступень в области филологических и других гуманитарных наук, научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией (лингвистикой)» [Воробьев, 1997: 32].

История когнитивной лингвистики начинается с симпозиума Массачусетского университета в 1956 году, на котором ученые пришли к выводу, что существуют определенные процессы восприятия, обработки, запоминания информации, осмысления, умозаключения и передачи знаний и должна быть особая наука, изучающая эти процессы. Столь объемное назначение когнитивной лингвистики породило ее связь со многими научными дисциплинами, среди которых следует назвать математику, логику, философию, антропологию и некоторые другие. Однако первое упоминание о концепте относится к первой трети XX века, когда в 1928 году в статье С. А. Аскольдова «Концепт и слово» автор дал первое понятие термина: «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997: 279]. На современном этапе развития данного направления можно привести ни один десяток определений концепта. Так, например, В. Н. Телия рассматривает «концепт», как «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [Телия, 1996: 288]. Рассматривая сущность концепта, исследователи особо отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека, познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка. «Концепт являет собой выражение этнической специфики мышления, и его вербализация обусловлена лингвокогнитивно этнокультурно маркированной ассоциативной компетенцией носителя концептуальной системы» [Фесенко, 2000: 144]. Для В. В. Колесова концепт — «исходная точка семантического наполнения слова и конечный предел развития» [Колесов, 1992:39]. З. Д.

Попова и И. А. Стернин рассматривают концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой «квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 1999: 35].

С. А. Юлтимирова определяет три основных подхода к анализу концепта: лингвистический, когнитивный, культурологический [Юлтимирова, 2006: 47]. Лингвистический подход представлен в трудах С. А. Аскольдова, Д. С. Лихачева, В. В. Колесова, В. Н. Телия. Так, например, Д. С. Лихачев, следуя за С. А. Аскольдовым, утверждает, что концепт существует для каждого лексического значения, и предлагает рассматривать концепт как алгебраическое выражение значения. Сторонники когнитивного подхода относят концепт к явлениям ментального характера. Например, З. Д. Попова и И. А. Стернин причисляют концепт к мыслительным явлениям, определяя его как глобальную мыслительную единицу, «квант структурированного знания». Сторонники третьего подхода (Степанов Ю. С., Слышкин Г. Г.) особое внимание уделяют культурологическому аспекту утверждая, что вся культура понимается как своего рода комплекс концептов и связей между ними. Концепт понимается ими как центральная ячейка культуры в ментальном мире человека. «В структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д». [Степанов, 1997: 824].

В когнитивной лингвистике под концептом понимается «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Воробьев, 1996: 90]. С точки зрения когнитивной лингвистики концепт локализован в сознании: концепты — комплексные дискретные единицы сознания, при помощи которых осуществляется процесс человеческого мышления. Концепты выступают как единицы хранения человеческого знания [Попова, 1999: 336].

Все исследователи признают, что концепты имеют языковую объективацию, то есть выражены языковыми средствами. «Концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире» [Пименова, 2004: 8]. Однако только часть концептуальной информации имеет языковую «привязку» (вполне можно утверждать, что значительная), но часть информации представлена в психике иным образом, ментальными репрезентациями другого типа, а именно образами, картинками, схемами и т. п.

Предметом исследования лингвокультурологии является лингвокультурный концепт, концепт мыслится как «культурно-ментально-языковое» образование, своего рода «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [Степанов, 2001: 14]. Мысль о взаимосвязи между языком и культурой еще в конце XIX века была высказана известными немецкими учеными – братьями Гримм и Вильгельмом фон Гумбольдтом. В. Гумбольдт разработал базовые понятия лингвокультурологии, обосновав «философию языка» через исследование проблемы языка и мышления. По мнению ученого, все языки развиваются по-своему, а культура отражается, прежде всего, в языке. Он первым использовал понятие «языковой картины мира»: «Каждый язык содержит в себе самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встаёт между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. Человек окружает себя миром звуков, чтобы воспринять в себя и переработать мир вещей. Эти наши выражения никоим образом не выходят за пределы простой истины. Человек преимущественно – да даже и исключительно, поскольку ощущение и действие у него зависят от его представлений, – живёт с предметами так, как их преподносит ему язык изнутри себя» [Гумбольдт

,1984: 80]. Именно это положение Гумбольдта было заложено в фундамент теоретических основ лингвокультурологии.

Во Франции основы лингвокультурологии были заложены в трудах Фердинанда де Соссюра и его ученики Шарль Балли и Альбер Сеше. Достаточно высока роль работ такого известного лингвиста как Эмиль Бенвенист. В известной работе «Общая лингвистика» Э. Бенвенист показал связь лексики языка с историей и культурой носителей языка: «Мы только начинаем понимать, какой интерес представляло бы точное описание истоков словаря современной культуры». [Бенвенист, 1974: 397] именно в работах Э.Бенвениста впервые встречается понятие «дискурс», которое обозначает во французском языке «речь вообще». Известный французский философ Люсьен Леви Брюль показал культурную обусловленность человеческого мышления: «Как заметил К.Леви-Строс, язык есть одновременно и продукт культуры, и её важная составная часть, и условие существования культуры. Более того, язык – специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов». (Цитируется по: [Маслова, 2001:183]). Труды французского биолога и гуманиста Пьера Тейяра де Шардена также сыграли свою роль в формировании современной лингвокультурологии: «Человек без труда занимает возмещаемое нами центральное место – вершину (на данный момент) антропогенеза, который сам венчает космогенез» [Тейяр де Шарден 1987: 38-39].

В США в начале 20 века идеи культурологии были заложены в трудах известного лингвиста и культуролога Эдварда Сепира: «Культура – это социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни, ценностный отбор, осуществляемый обществом» [Сепир, 1993:79]. Сепира утверждает, что словарь – носитель развития культуры. Все изменения в лексической системе языка связаны с

изменениями в истории и культуре носителей языка. По гипотезе Сепира-Уорфа, язык определяет нормы мышления и поведения и формы культуры.

В России идеи американских и западноевропейских учёных получили развитие в исследованиях Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни. Фёдор Иванович Буслаев высказал идею о том, что язык может отражать мысль нации, языкового коллектива в целом. А.А. Потебня утверждал, что «Всякий языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [Винокур 1959: 211].

Если говорить об условной периодизации истории лингвокультурологии, то отмеченный выше этап следует считать первым периодом. Вторым периодом следует связать со становлением лингвокультурологии как отрасли науки. Третий период следует связать с появлением фундаментальных работ в данной области – настоящее развитие науки.

На всех перечисленных этапах развития лингвокультурологии наблюдались противоречивые суждения по поводу сущности науки, хотя все взгляды объединяет нечто общее: лингвокультурология – результат взаимодействия языка и культуры, закрепившиеся друг в друге. По мнению В.В. Красных, это «...дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных, 2003:375]. В.В. Воробьев считает, что «лингвокультурология – это аспект языкознания, изучающий проблему отражения национальной культуры в языке; раздел семасиологии». [Воробьев, 1997: 37]. Причисленными авторами исследований в области лингвокультурологии несколько отраслей. Одной из наиболее известных направлений – это исследование конкретной лингвокультурной ситуации. Другим аспектом является диахронный анализ лингвокультурного состояния

определенного этноса в его динамике. Не менее значимой является сравнительная лингвокультурология, на основе которой всплывают самые интересные лингвокультурологические проявления одних и тех же реалий на материале разных языков и разных культур. Близка к ней сопоставительная лингвокультурология, которая на сегодня является одной из самых динамично развивающихся направлений. Интересы направления лингвокультурной лексикографии сосредоточены вокруг составлением лингвострановедческих словарей. Как ответвление от них признается фразеологическое направление. По мнению Г.Ю. Богдановича сформировалось ещё одно направление лингвокультурологии – «полингвокультурология, или мультилингвокультурология» [Богданович, 2002:28]

Исследовали концептов и проблем лингвокультурологии, которые на наш взгляд являются взаимодополняющими, во многих работах противопоставляют как выполняющие различные задачи, или разграничивают их по специфическим аспектам выполняемых функций. Так, например, Г. Г. Слышкин. разграничивая когнитивный концепт и лингвокультурный концепт, сводит эти отличия к следующему:

«1) для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, то есть может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка;

2) для когнитивиста каждому слову соответствует свой концепт; для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц (концептами являются лишь абстрактные сущности)» [Слышкин, 2004: 22].

С. Г. Воркачев отмечает: «Лингвокогнитологические исследования имеют типологическую направленность и сфокусированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений. Интерес лингвокультурологов фокусируется на изучении специфического в составе ментальных единиц и направлен на накопительное и систематизирующее описание отличительных признаков конкретных культурных концептов» [Воркачев, 2001: 43—44].

Можно привести еще десяток работ, в которых основной проблемой ставится проблема разграничения культурного и когнитивного концептов, однако все они будут сводиться к тому, что именно ценностная сторона культурного концепта отличает его от когнитивного концепта. По меткому определению Г.Г. Слышкина: "лингвокультурный концепт обладает сложной многоярусной системой, составляющую: понятийную, образную, ценностную, поведенческую, собственно-языковую» [Слышкин, 2000: 128]. Когнитивная лингвистика стремится выявить типы концептов: схема, фрейм, сценарий и пр. Результатом лингвокультурологических исследований становятся словари, но не слов, а концептов — основополагающих понятий культуры (ценностей) «Проблема научного статуса лингвокультурологии неразрывно связана с непрекращающимися дискуссиями относительно её места в ряду смежных гуманитарных дисциплин, особенно это относится к лингвострановедению, межкультурной коммуникации, этнолингвистике, когнитивной лингвистике» [Зиновьева, 2016: 48].

Целью исследования лингвокультурного концепта является познанием национальной культуры, которая отражена наивной картиной мира носителей языка и именно она формирует национальное самосознание. Язык вплетается в концептосферу культуры. По мнению Д.С. Лихачева "концептосфера языка - это в сущности концептосфера русской культуры... Национальный язык - это не только средство общения, знакомая система для

русской культуры" [Лихачев, 1993: 250], но и является основой определения лингвокультурного концепта.

В когнитивных исследованиях достаточно популярна полевая модель концепта, согласно которой концепт состоит из ядра и периферии, именно указанная модель используется и в нашем исследовании. Известный когнитивист В. И. Карасик предлагает рассматривать культурный концепт «как многомерное смысловое образование, в котором выделяются понятийная, образная и ценностная стороны. Понятийная сторона концепта — это языковая фиксация концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов. Образная сторона — это зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые характеристики предметов, явлений, событий, которые в том или ином виде отражены в нашем сознании. Ценностная сторона концепта характеризует важность этого образования, как для индивидуума, так и для коллектива» [Карасик, 2002: 375].

В когнитивной лингвистике и лингвокультурологии используется интегративный подход к изучению языка, заключающийся в синтезе знаний смежных, связанных с лингвистикой и культурологией наук. Именно поэтому в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии развивается огромное количество направлений, таких как политическая лингвистика, объектом изучения которой является политический дискурс, аксиологическая лингвистика, предметом изучения которой становятся ценности. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология обнаруживают с одной стороны сходные черты: интегративный подход к языку, максимальное внимание к диаде «язык — человек», стремление к исследованию концептов и картины мира. С другой стороны, очевиден факт разграничения этих понятий.

Различные подходы и неодинаковое неоднозначное толкование термина «концепт» указывают, прежде всего, на его двустороннюю

сущность. С одной стороны как значения языкового знака (лингвистическое и культурологическое направления), с другой стороны как содержательной стороны знака, представленной в ментальности (когнитивное направление). Конечно же, подобное разделение условно, перечисленные интерпретации связаны между собой. Концепт как ментальное образование в сознании человека дает выход на концептосферу (именно от степени владения культурой, т. е. уровня образованности, воспитанности, интеллигентности, зависит концептосфера конкретного человека), что в данном понимании синонимично культуре, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием каждого человека. Трудно не согласиться с В.И. Карасиком, который отмечает, что "лингвокультурный концепт — это многомерное культурно-значимое, социопсихологическое, смысловое образование в коллективном сознании, опредмеченный в той или иной языковой форме, в которых выделяются ценностная, образная, понятийная сторона" [Карасик, 2002: 477]. Поэтому верным является утверждение, что когнитивный подход к концепту предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход — направление от культуры к индивидуальному сознанию.

Когнитивная лингвистика и лингвокультурология тесно связаны между собой, однако они обладают специфическими особенностями и каждый из направлений имеет свой объект и методы его анализа. Когнитивная лингвистика — это «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент — система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Кубрякова 1996: 53]. Главное различие этих двух научных направлений заключается в том, что когнитивная лингвистика изучает, какую роль в репрезентации играют когнитивные механизмы, лингвокультурология изучает, как культурные

феномены отражаются в языке его носителей. Различны и стратегические цели двух отраслей знания: когнитивной лингвистики пытается «понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией» [Маслова, 2004: 296], то есть исследует язык в рамках триады «язык – человек – познание». Триада лингвокультурологии отличается последним компонентом - «язык – человек – культура».

Концепт, будучи главным объектом анализа как когнитивной лингвистикой, так и лингвокультурологии, подходы к нему у каждого направления свой. По мнению Г.Г. Слышкина, различие в подходах к анализу концепта заключаются в том, что «1) для когнитивиста одному концепту соответствует одна языковая единица; для лингвокультуролога концепт обладает свойством полиапеллируемости, то есть может и должен реализовываться при помощи целого ряда единиц языка; 2) для когнитивиста каждому слову соответствует свой концепт; для лингвокультуролога именами концептов является ограниченное число культурно значимых единиц (концептами являются лишь абстрактные сущности)» [Слышкин, 2004: 33]. Когнитивный концепт предопределяет движение от индивида к культуре следующим образом: индивид получает первичную информацию, которые дают ему фоновые знания. Со временем фоновые знания обогащаются и когнитивный концепт переходит в лингвокультурный концепт. Отношение Ю.С. Степанова к культурным концептам выражено в следующем определении: "Не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, - нет, это "пронизывание" более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований - концептов. Концепты - как бы сгустки культурной среды в сознании человека" [Степанов, 1997: 824]. Практически во всех исследованиях по когнитивной лингвистике

подчеркивается, что концепт - единица оперативного сознания, выступающая как целостное, нерасчлененное представление в процессе отражения объективного мира человеческим сознанием. Человеческое сознание отражает содержание определенных знаний, накопленных в результате деятельности человека и смыслы познания окружающего мира в "квантов" знания. Процесс мыслительной деятельности и конструирования концептов является способом концептуализации. Сопоставительные работы в области концептов свидетельствуют о том, что отсутствие языкового выражения для какого-либо концепта не является знаком его отсутствия. Концепт может быть достоянием какой-либо малой группы носителей языка не быть общеязыковыми. Или просто могут быть коммуникативно нерелевантными. Такие концепты обнаруживаются при контрастивных исследованиях, когда не обнаруживается соответствий.

Несмотря на обилие серьезных монографических работ, наличие сформировавшихся когнитивных школ, в когнитивной лингвистике остаются до конца не решенными, многие вопросы, среди которых следует, прежде всего, выделить отсутствие общепризнанной теории и единого понятия концепта, вопрос о структуре и классификации концептов, отсюда вытекает вопрос о типология концептов, и, конечно же, не до конца решена проблема способов концептуализации. Именно поэтому лингвокультурологический подход к анализу концептов способствовал широкому привлечению различных комплексных методик анализа.

1.2. Различные подходы к описанию концепта

С появлением нового направления в лингвистике – когнитивной лингвистики – в последние 20 лет прошлого столетия и на современном этапе в лингвистической науке сформировалось понимание того факта, что носитель языка – это носитель определенных концептуальных систем. Концепты - ментальные сущности, в них объединены знания о мире. Система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности.

В предыдущем параграфе нами были рассмотрены различные подходы к концепту и его определению. Исходя из изложенного следует отметить, что при таком различии подходов к концепту различаются и подходы к его изучению. В литературе по когнитивной лингвистике выделяются следующие основные направления: психолингвистическое, логическое, философско - семиотическое, семантико - когнитивное (или лингвокогнитивное), лингвокультурологическое. Психолингвистический подход предполагает рассмотрение концепта как явление, тесно связанное с психическим аспектом организации коммуникации. Как отмечает Е.С. Кубрякова, концепт - это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, 1996: 90]. Для психолингвистов концепт – сущность, которая не поддается прямому наблюдению, и потому при описании концепта «ни одно из предполагаемых суждений не может претендовать на роль истины в последней инстанции, хотя каждому разрешается надеяться, что он в определенной мере приблизился к пониманию сути рассматриваемого феномена. мы смотрим на

один и тот же объект с разных позиций, а это означает, что каждый из нас видит лишь часть картины, которую, по меньшей мере, неосторожно (а иногда и опасно) принимать за картину в целом» [Маслова, 2004: 143.]. Исходя из этого концепт концепт исследуется с позиций комплексного подхода, который интегрирует результаты исследований во многих областях гуманитарного знания. К методам лингвокультурологии следует отнести совокупность аналитических приемов, операций и процедур. Условно их можно разделить на лингвистические, культурологические и социологические: фреймовый анализ; методы полевой этнографии, открытые интервью, метод лингвистической реконструкции культуры, традиционные методы этнографии; приемы экспериментально-когнитивной лингвистики, психосоциокультурологический эксперимент; лингвокультурологический анализ текстов, являющихся подлинными хранителями культуры.

Логический подход анализирует концепт посредством логических методов, отводя языку второстепенную роль. Они определяют концепт как мысль, которая содержит в обобщенной виде предметы и явления объективной действительности посредством установления их свойств и отношений. Концепты все разнообразие предметов и явлений к чему-то единому, классифицируя информацию по определенным категориям.

Философско-семиотическое исследует когнитивные основы знаковости языка, рассматривая язык как одну из совершенных знаковых систем. Для нашего исследования интерес представляют семантико-когнитивное и лингвокультурологическое направления, которые исследуют концепт в непосредственной связи с его языковым выражением, выявляют языковую репрезентации.

Достаточно подробно семантико-когнитивное направление нашло теоретическое обоснование в трудах Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, Д.С. Лихачева, Е.М. Поздняковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернин и других известных исследователей. Они рассматривают концепт как ментальные

единицы. Н.Н. Болдырев утверждает, что человек мыслит концептами. Анализируя и сравнивая разные концепты он формирует формируются новые концепты [Болдырев, 2001: 23-24]. Из работ сторонников данного направления следует вывести следующее: 1) концепт - это единица сознания; 2) концепт отражает тот или иной элемент действительности; 3) в своей мыслительной деятельности человек оперирует концептами; 4) концепт антропоцентричен.

Другое направление – лингвокультурологическое, достаточно глубоко представлено в работах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, С.Г. Воракачева, В.В. Красных и других ученых. Они рассматривают концепт как единицу ментальной информации, тесно связанной с национальной культурой. «Национальный концепт – самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченная национально-культурной маркированностью» [Прохоров, 2009: 26]. Так Ю.С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», с одной стороны, и то, что позволяет человеку самому входить в культуру или даже влиять на нее, с другой стороны. [Степанов, 2001: 43].

М.В. Никитин отмечает взаимосвязь концепта со значением: "говоря о понятиях и значениях, мы по существу имеем дело с одним и тем же предметом – концептуальным уровнем абстрагирующих, обобщающих единиц сознания... Поскольку значения – те же понятия, они сохраняют за собой всё то, что относится к понятиям: их содержание, структуру, системные связи, характер отражательной природы и т.д." [Никитин, 1996: 760]. Но значение М.В. Никитин отличает от концепта связанностью знака. Концепт же включает, наряду с разносубстратными единицами познания, и вербализованные знания, так как несмотря на возможность разведения

понятий концептуальной и языковой картин мира, "нельзя отрицать их существенного пересечения и наложения, а также их постоянного взаимодействия и взаимообогащения" [Серебренников, 1988: 108].

М.В.Никитин в монографии "Основы лингвистической теории значения" (1988) выделяет два уровня сознания – уровень значений и уровень понятий. Если эти понятия обозначить в современной терминологии, то это языковой и концептуальный уровни. Структура языкового уровня является специфична для конкретного языка и связана с особенностями его строя. Семантическая система языка выразит общие универсальные понятия. Они не зависимы от языка и являются универсальными для всех людей независимо от языка. «Наличие универсального понятийного уровня обеспечивает успех перевода языка на язык и возможность людям, говорящим на разных языках с разными системами значений, понять друг друга» [Никитин, 1988: 42].

В рамках лингвокультурного подхода существуют различные взгляды на природу концепта и его этнокультурную специфику, о чем было сказано в предыдущем параграфе. В своих рассуждениях мы приняли, как наиболее удачную, точку зрения С.Г. Воркачева, который утверждает, что все концепты обладают этнокультурной спецификой [Воркачев 2002: 17]. Исследования двух последних подходов объединяет общее видение выявления сущности концепта через изучение его языковой репрезентации. Лингвокультурологический подход рассматривает концепт в качестве посредника между человеком и культурой (Н.Д. Арутюнова, Г.И. Берестнев, А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и др.). Концепт как лингвокультурное явление – «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке. Его формирование – процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами...» [Прохоров,

2009: 27]. Влияние культуры на человека осуществляется именно в виде ментальных образований – концептов. Концепт реализуется в рамках определенного контекста, так как посредством коммуникации человек осмысливает реальное значение «в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.» [Лихачев, 1997:23-24]. По мнению Д.С. Лихачева, концепт не прямо возникает из значения слова, а «является результатом столкновения словарного значения с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1997: 23-24]. Лингвокультурология рассматривает явления языка в тесной связи с человеком, его мышлением, духовно-практической деятельностью. Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*linguamentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Прохоров, 2009:23]. Описываемые подходы дополняют друг друга, характеризуя усвоение культуры индивидуальным сознанием. Они представляют соотнесение коллективного и индивидуального. Концепт, с одной стороны, отражает, с другой - формирует образ мышления и культурное пространство носителей языка. «Лингвокогнитивный подход это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный подход это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Прохоров, 2009: 24]. . Говоря о важности этого явления, можно процитировать Ю.С. Степанова: «Человек пронизан для культуры, более того — он пронизан культурой. И если уж представлять себе это состояние в виде какого-либо образа, то не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела, — нет, это “пронизывание” более определенное и структурированное: оно

осуществляется в виде ментальных образований — концептов. Концепты — как бы сгустки культурной среды в сознании человека» [Степанов, 2004: 42].

Трактовка концепта варьируется в зависимости от приоритетов направления исследования, однако все вышеуказанные подходы базируются на общем положении: концепт является ментальным образованием.

В целях определения границ концепта в языковой картине мира необходимо провести анализ особенностей представления об анализируемом понятии, определить ключевые слова-репрезентанты, проанализировать словарные статьи лингвистических словарей, выявить корпус национально значимых контекстов, описать структуру концепта.

Если говорить о методах лингвокультурологии, то, прежде всего, следует отметить метод концептуального анализа, как самый древний метод концептологии. Посредством данного метода изучался концепт через обращения к языковым данным. Казалось бы пересекаются концептуальный и лексический анализ слова, которые в основе своей существенно отличаются друг от друга. Их содержательные задачи и цели в определенном степени противопоставлены друг другу: лексическая семантика идет от формы к содержанию, а концептуальный анализ — от единицы смысла к языковым формам выражения.

Анализ работ, посвященный данной проблеме, показывает, что с понятием концепта нельзя на прямую связать ни один из известных методов: «между разными авторами нет согласия в том, каков набор процедур, который следует считать концептуальным анализом, но нет согласия и в том, что же следует считать результатом» [Фрумкина, 1995: 96]. Концептуальный анализ — это такое понятие, под которое нельзя подвести определенный набор методов или ожидаемых результатов; к этому явлению относятся любые процедуры, имеющие своей целью экспликации концептов.

Одной из актуальных задач когнитивной лингвистики остается разработка методологии лингвокогнитивного анализа, которая давала бы представление

о принципе отражения в языке концептов. При этом основной целью лингвокогнитивного исследования остается изучение значения слов, репрезентирующий концепт. Это, прежде всего, семантическая структура слова, парадигматика, синтагматика, этимология слова, частеречная представленность единиц и т.д. В исследованной литературе нами обнаружены следующие основные приемы лингвокогнитивного описания концептов:

- Определение ключевого слова;
- Анализ семантической структуры данного слова;
- Лексический анализ ключевого слова (синонимов и антонимов);
- Лексическая сочетаемости ключевого слова;
- Лексикографический анализ ключевого слова;
- Фразеологическое поле ключевого слова;
- Словообразовательный анализ поля ключевого слова;
- Описание концепта как набора признаков, необходимых для определения места данного концепта среди других в языковой структуре.

Среди исследователей нет единого понимания структурирования концептов: например, Н.К. Рябцева считает, что концепт имеет строгую структуру, а З.Д. Попова, И.А. Стернин отрицают эту мысль. Менее опровержимыми являются результаты экспериментальных данных (ассоциативный эксперимент), а также анализ лексикографических источников. То и другое применено в нашем исследовании.

Ассоциативный эксперимент достаточно часто используется в психолингвистике, психологии, социологии, психиатрии. Эффективность использования методики ассоциативного эксперимента в целях исследования лексики сегодня является неоспоримым. Он достаточно полно выявляет содержание концепта в когнитивном сознании носителей языка и классифицирует концептообразующие признаки, выявляет не только

семантику слова, но и языковые стереотипы, специфические черты менталитета. При использовании данного эксперимента выявляется ассоциативное поле, «фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженное в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок, и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева, 1986: 239]. Обобщенные результаты, полученные в ассоциативных экспериментах, объединяют признаки, которые позволяют ранжировать их в полевой модели концепта.

Наиболее распространённым методом лингвокультурологического анализа концепта является концептуальный. Метод концептуального анализа направлен на изучение концепта через языковые данные, прежде всего посредством анализа семантической структуры слова. Несмотря на то, что оба типа анализа практически должны отражать в конечном лингвокультурный анализ концепта, они отличаются друг от друга. Они достаточно близки по содержанию и целям, хотя имеют некую противоположность. Лексическая семантика ведет анализ от формы к содержанию, а концептуальный - от единицы от значения к форме выражения. Целью семантического анализа является толкование слов, концептуальный анализ представляет знания о мире, сформированные культурой носителей языка.

Несмотря на многочисленные исследования в данной области, стройной и строгой методологии концептуального анализа в лингвокультурологии не сложилось. Существующие работы объединены общей целью исследования, методы достижения цели не связаны единой методологией. Когнитивная лингвистика изучает языковые формы с позиций того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы концептуализации объективной реальности в языке. По мнению Поповой З.Д., Стернина И.А.. итогом любого лингвокогнитивного исследования должна стать «когнитивная интерпретация полученных лингвистических

результатов, которая предполагает моделирование структуры концепта по результатам описания средств его языковой объективации. Данная методика осуществляет когнитивное обобщение результатов лингвистического описания языковых средств, вербализующих концепт: факты языкового сознания, выявленные различными лингвистическими и психолингвистическими методами, обобщаются и интерпретируются как факты когнитивного сознания. Результатами когнитивной интерпретации являются описание структуры концепта, т.е. когнитивных слоев, вычлняющихся в них когнитивных секторов и образующих их когнитивных признаков; ядернопериферийное упорядочение слоев концепта; описание интерпретационного поля как совокупности концептуальных (ментальных и оценочных) стереотипов, утверждений, вытекающих из понимания и интерпретации концепта сознанием народа» [Попова, Стернин, 1984:68–69].

Огромное количество исследований, посвященных описанию концептов, проводится в сравнительно-сопоставительном аспекте, что дает основание для использования методов контрастивной лингвистики. Подобные исследования (наше исследование также является именно таковым) дают возможность представить национальную специфику концептов, отраженную в семантике репрезентирующих данный концепт слов. Сравнительно-сопоставительный предполагает выделение лексической группировки слов, репрезентирующих концепт в исходном языке и в другом или других языках. Затем выявляются национально-специфические компоненты значения слова через безэквивалентную лексику и лакуны в лексике и семантике, несовпадение как ядерных, так и периферийных сем.

По меткому определению А. Вежбицкой, различия словарного состава языков в конечном итоге приводят к различиям ядерных ценностей соответствующих культурных сообществ. Любая культура может быть исследована через сопоставительный анализ "ключевых слов" языка. "Ключевые слова" представляют ядерные ценности той или иной

лингвокультурной общности. Вслед за А. Вежбицкой А.Д. Шмелёв также считает основным направлением исследований в области языка и культуры сопоставительное изучение культур через их ключевые слова. Он считает, что «именно лингвоспецифичные концепты не только отражают, но тем или иным образом формируют образ мышления носителей языка. В процессе овладения языком (точнее, значениями слов) индивид начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным родным языком, и принимает концептуализацию мира, характерную для соответствующей культуры [Шмелёв, 2002: 12]. А.Д. Шмелёв утверждает, что «современные методы изучения лексической семантики показывают, что значения даже тех лексических единиц, которые имеют переводные эквиваленты в других языках, обладают национальной специфичностью. Лексико-семантический анализ позволяет выявить эти лингвоспецифичные конфигурации смыслов» [Шмелёв, 2002: 12].

Таким образом, нами были представлены различные подходы к пониманию сути явления концепт и методики его анализа. По методам сбора материала и практики анализа, организации ассоциативного эксперимента, а также методике моделирования концептов наше диссертационное исследование достаточно точно вписывается в лингвокогнитивный подход. Однако выделение рациональной, культурологической и оценочной характеристик концептов добро/зло в определенной степени подводит нас к позициям лингвокультурологического анализа.

1.3. Языковое сознание

Термин «языковое сознание» в лингвистических исследованиях является дискуссионным и не нашло однозначного определения. Достаточно часто данный термин используется в работах по психолингвистике, тем самым сближая лингвистику и психологию в части организации речемыслительной деятельности. Термин «языковое сознание» также используется в исследованиях по философии, лингвистике, литературоведению и культурологии. Активное его использование отмечено в середине XX века в работах по структурной лингвистике. Основные исследования в области языкового сознания связаны с исследованием когнитивно-семиологической теории слова. При изучении концепта становится ясно, что он имеет языковую объективацию и тесно связывает его с сознанием. Термин «языковое сознание» принадлежит В. Гумбольдту, который понимал под ним «способность сознания к рефлексии при речеобразовании над адекватностью претворения мысли в слово; способность рефлексии языкового коллектива над путями оформления неязыкового материала в языке» [Портнов, 1994:370]. Известный исследователь Е.Ф. Тарасов под языковым сознанием понимает «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью языковых средств - слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасова, 2003: 26].

Исследователи указанного феномена по-разному определяют свое отношение к указанному понятию и вкладывают достаточно далекие друг от друга позиции. Так, И.А. Стернин единственным объективным методом изучения языкового сознания признает ассоциативный эксперимент. Именно он способен реконструировать и показать связь языковых единиц и сознания. Здесь следует упомянуть таких исследователей, как Ю.Н.

Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева и многие другие, которые провели многочисленные исследования ассоциативно-вербальной сети. Они пришли к интересному выводу о том, что словарный запас в определенной степени достаточно полно представляет его языковое сознание. Ядро языкового сознания ориентирует его в окружающей мире и составляет основу его языковой картины мира. По И.А. Стернину языковое сознание - это только часть когнитивного сознания, которая обеспечивает механизмы языковой деятельности. Так как речевая деятельность - компонент коммуникативной деятельности, И.А. Стернин разделяет «языковое сознание» и «коммуникативное сознание». Коммуникативное сознание – это совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, обеспечивающие коммуникативную деятельность [Стернин, 2004:44-51]. Он выделяет несколько уровней исследования языкового сознания: уровень лингвистического описания (описание значений и использования языковых единиц в отрыве от психологии говорящего); уровень психолингвистического описания языковых фактов (через результаты экспериментальных исследований, в частности, например, ассоциативных экспериментов); уровень нейролингвистического описания (на уровне нейрофизиологических процессов в мозге).

И.В. Привалова связывает языковое сознание с этнической культурой: «Этноязыковое сознание – это ансамбль когнитивно-эмотивных и аксеологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» [Попович, 1975: 299]. Этноязыковое сознание объединяет три типа пространства: лингвистическое, когнитивное и культурное. Этноязыковое сознание является частью национального языкового сознания. Н.Ф. Алефиренко связывает использование термина «языковое сознание» с изоморфизмом генетического и языкового кодов как «глубинного механизма перекодирования информации из когнитивных структур в структуры

языковые» [Алефиренко, 2003:96]. По его мнению «Этнокультурная специфика языкового сознания обусловлена системой духовных ценностей, традиционным укладом и культурными стереотипами, кодифицированными в прототипических признаках, а также в поговорках, идиомах, метафорах и других устойчивых стилистических фигурах – языковых структурах, служащих средствами концептуализации действительности» [Алефиренко, 2005:112]. В языковом сознании объединены две сущности: идеальная – сознание как психический феномен, и материальная – произносимый или записываемый феномен речи. Несмотря на то, что в языке есть нематериальная часть, заключенная в хранении, формировании в форме языка для передачи мысли, материальная часть для носителя языка представляется более выраженной.

Словарь лингвистических терминов Ахмановой О.А. определяет языковое сознание как «особенности культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах данного языка» [Арутюнова, 1991:87]. Согласно данному определению в языковом сознании зафиксировано психическое своеобразие народа, отраженное в особенностях грамматической системы языка, в условиях его функционирования. Языковое сознание – зафиксированные в языке особенности базовых моделей сознания, специфичные для носителей конкретного языка.

В исследованной нами литературе по рассматриваемому вопросу выделяются квантовые уровни реализации языкового сознания:

- индивидуальное языковое сознание;
- коллективное языковое сознание;
- универсальное языковое сознание.

Индивидуальное языковое сознание – способность человека отображать действительность через язык и сохранять эту информацию. Системный характер индивидуального языкового сознания способствует

отображению в «языковом сознании» носителей языка внеязыковую окружающую объективную действительность. Окружающая действительность также представляет собой строгую и стройную систему, в основе функционирования которой лежат универсальные законы. Язык также системен, что обуславливает системность языкового сознания. Системность по рассмотренному принципу формируется и на уровне коллективного и универсального языкового сознания. Коллективное языковое сознание формируется в результате совместной деятельности общества, носителей одного языка. Коллективное языковое сознание может формироваться на уровне любого языкового сообщества, использующее один язык в основных сферах коммуникации.

Универсальное языковое сознание – это в определенной степени условное понятие. Его следует рассматривать как некое общее понятийное поле, единое для всех или большого количества народов, как результат мыслительной деятельности всех людей, пользующихся языком как средством коммуникации. Определяющая сущность языка заключается в его двух объединенных функциях: с одной стороны, он служит средством общения, с другой стороны, является орудием мышления. Именно поэтому сознание и язык объединены в неразложимое единство, они предопределяют друг друга. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка, отсюда такое серьезное внимание как в психолингвистике, так и в лингвокультурологии уделяется понятию языковое сознание. Между сознанием и языком установлена органическая связь. Эту связь нельзя разорвать, не нанеся ущерба одному из составляющих языковое сознание компонентов. Исследование проблемы соотношения языка и сознания невозможно без учета как особенностей функционирования языкового сознания в речемыслительной деятельности человека, так и специфики статуса самого сознания как средства познания культуры. Языковое сознание следует рассматривать как часть национального общественного сознания.

Национальное сознание определяет специфичность языковых сознаний конкретных этносов, соотнесенное с национальной культурой говорящего на данном языке народа. Задачей нашего исследования состоит как раз в выявлении специфики национальных языковых сознаний носителей таджикского и китайского языков на основе сравнения лингвокультурологических и ассоциативных полей. Различие языкового сознания таджиков и китайцев обнаруживает как универсальные, так и специфичные стороны, что легко специфическими условиями формирования этносов, к основным из которых, кроме типа хозяйственной деятельности, специфики этнической структуры и т.д., следует, прежде всего, отнести особенности восприятия объективного мира и его концептуализации. Важность изучения языкового сознания определяется не только тем, что оно является средством познания собственной культуры, но и тем, что оно является довольно продуктивным орудием познания чужой культуры, а также как средство познания своей культуры.

1.3.1 Ассоциативное сознание

Прежде чем перейти к анализу ассоциативного сознания, следует рассмотреть вопрос об ассоциации. Под ассоциацией многие исследователи (начиная с античности в учениях Платона и Аристотеля, в средние века в работах Джона Локка и современных исследователей) понимается закономерно возникающая связь между предметами, явлениями, фактами, отражёнными в нашем сознании и закреплёнными в памяти. Факт существования ассоциации подкрепляется результатом сосуществования в нашем сознании большого количества образов, между которыми есть какое-либо сходство. Самое простое определение: ассоциация – это связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое по сходству или по смежности.

С точки зрения психологов ассоциация является результатом абстрактного мышления, потому является одним из самых важных

характерных признаков человека. Психологи связывают ассоциативное сознание с уровнем интеллекта: чем выше интеллектуальные особенности человека, тем больше ассоциаций возникает у него по отношению к одному предмету, и наоборот. В связи с тем, что связи между предметами или явлениями осуществляются на уровне их специфических характерных признаков, то принято выделять ассоциации следующих видов: *ассоциации по сходству* (внешнее сходство), *по контрасту* (по противоположным признакам), *по смежности, причинно-следственные* ассоциации (явления, связанные причиной и следствием), *по смыслу* (часто подобные ассоциации с какими-либо жизненными ситуациями для конкретного индивида или группы людей). Например, на стимул «ДОБРО» чаще всего используются ассоциации: зло, добрый, человек, доброта, делать. Слово «добро» является ассоциацией к одобрение, доброе, доброволец, благодетель, добрая. Достаточно большое поле ассоциации на стимул «добро» в русском языке.

Ассоциации к слову «Добро»

Имя существительное

• Зло	• Грешник	• Победит
• Чужое	• Творец	• Олицетворение
• Творило	• Истина	• Таможня
• Справедливость	• Заповедь	• Идеал
• Худо	• Противоположность	• Служение
• Древо	• Бедняк	• Свершение
• Добродетель	• Благодать	• Лита
• Нравственность	• Бытие	• Пословица
• Воз	• Эгоизм	• Плакат
• Милосердие	• Святость	• Гордыня
• Порок	• Несправедливость	• Воплощение
• Мораль	• Познание	
• Праведник	• Добро	

Имя прилагательное

• Хозяйский	• Добродетельный	• Бескорыстный
• Нравственный	• Извечный	• Барский

- Этический
- Благой
- Вселенский

Глагол

- Награбить
- Творить
- Пожаловать
- Пропадать
- Отплатить
- Вкусить
- Восторжествовать
- Нажить
- Вершить
- Содеять
- Сеять
- Олицетворять
- Отличать

Наречие

- Зло
- Добром
- Худо
- Поровну
- Токмо
- Добро
- Предостаточно
- Радушно

- Абсолютный
- Праведный
- Абстрактный

- Воплощать
- Разуметь
- Доводить
- Накопить
- Познать
- Сотворить
- Припрятать
- Веровать
- Проповедовать
- Проистекать
- Благословлять
- Порождать
- Отстаивать

- Изначальный
- Колхозный
- Нечестивый

- Наставлять
- Грешить
- Побеждать
- Желать
- Довести
- Воздать
- Приветствовать
- Поприветствовать
- Отличить
- Вкушать
- Сулить
- Стеречь
- Копить

Количество ассоциаций на тот или иной стимул прямо пропорционально количеству лексических значений.

Толковый словарь Ушакова

ДОБРО, добра, мн. нет, ср. Старинное название буквы "д".

ДОБРО, нареч. в знач. утвердительной частицы (обл.). Хорошо, ладно. Добро! будет старуха царицей. Пушкин. Добро пожаловать (торж.) - приветствие гостю.

ДОБРО, с частицей "бы" или "б" (к-рая с личной формой глаг. образует сослаг. накл.), союз условный, употр. в соответствии с последующим противительным союзом "а то" (простореч.). Пускай бы еще, можно было бы примириться, допустить, если бы... Добро бы было в гору или в ночную пору, а то и под гору и днем. Крылов. Добро бы убивал, скажем, или коней крал, а то так попал (в тюрьму), здорово живешь. Чехов.

ДОБРО, добра, мн. нет, ср. 1. Положительное начало в нравственности, противоп. зло. Люди стремятся к истине, добру и красоте. 2. То, что хорошо, полезно, приятно. Добра вам, добра желаю. Из этого добра не выйдет. Нет худа без добра. Пословица. От добра добра не ищут. Пословица. 3. Доброе дело, добрые поступки. Делать много добра. 4. Личное имущество, пожитки. Сундуки полны добра. 5. Дрянь, что-н. негодное (разг. фам. ирон.). Такого добра нам и даром не нужно. Поминать добром (разг.) - вспоминать с благодарностью, хорошо отзываться о ком-н. Не к добру (разг.) - угрожает дурными последствиями. По добру, по здорову - см. добрый.

Толковый словарь Даля

ДОБРО, ср. вещественно, все доброе ср. имущество или достаток, стяжание, добришко, особ. движимость. Все добро или доброе мое пропало. У них пропасть добра по сундукам. Всякое добро прах. | В духовн. знач. благо, что честно и полезно, все чего требует от нас долг человека, гражданина, семьянина; противоположно худу и злу. | Название буквы Д. |

Нареч. хорошо, ладно. Приходи же. Добро, приду. | Ладно, кстати, впору. Аль ужь добро идти? пора. | Твер. ненужно, непочто. Мне туда ехать добро, не надо. | Угроза: ужо, воть я тебя. Добро, попадешься ты мне! | С частицей бы, если бы, когда б, пусть бы. Добро бы путный был, а то шатун. | В Сиб. особ. с част. бы, хорошо бы, ладно бы, рад бы. Добре бы в рай да грехи не пушают. Добро бы овец водить, да волки давят. | То же что добре нареч. малорос. кур. орл. калужск. тамб. хорошо, ладно | церк. добре, добро, хорошо, ладно, по добру, по правде, путем, порядком; | совсем, вовсе, до корня. Добрить кому, желать и делать добро; потворствовать, кривить душой в чью поользу. -ся, возвр. и страдат. по смыслу речи. Добритель м. -ница ж. кто добрит что, кого или кому. Добреть, плотнеть, толстеть, тучнеть, жиреть. Жить да молодеть, добреть да богатеть! заздравный привет. | Становиться добрее, милостивие, укрощая и исправляя себя. | Добровать, жить в добре, в обилии, покое, холе и довольстве. Добруй, поколе добруется, безлично. Добрует он, да не сдобровать ему. будет худо. Доброта, добрина ж. прочность, достоинство вещи; качество выработки, отделки, качество самого припаса. | Арх. животы, добро или имущество. У него всякой доброты много. | Доброта, добродушие, доброжелательство, склонность к добру, как качество человека. Доброта без разума пуста. Не ищи красоты, ищи доброты (досужества). Добрость ж. изредка употреб. вм. доброта и доброты. Добротный, пск. добристый, хорошей доброты, крепкий, прочный, плотный, ценный.

В толковом словаре таджикского языка «ДОБРО» дается лишь в его основном значении и толкуется через синонимы и примеры: хубӣ, нағзӣ; кори хайр. Некий кунӣ, ба чоӣ ту некий кунанд боз, В-ар бад кунӣ, ба чоӣ ту аз бад бадтар кунанд. Некий набувад сазои бадкирдорӣ. Зарбулмасал. некий андешидан хайрхоӣ кардан, Қасе, к-ӯ некий андешад ба ҳар кас, Ба некий дар чаҳон соҳибқирон аст.

Любой предмет окружающего объективного мира представлен в сознании определенным образом. Образы на ассоциативном уровне,

соединяясь друг с другом, образуют некие ассоциативные комплексы, которые и определяют связи одетого образа с другим. У каждого образа имеется определенный ограниченный круг ассоциаций, который может вывести его на связи с другими образами. В результате в языке образуется огромное ассоциативное поле, которое обладает определенной спецификой для каждого конкретного языка. Его специфичность будет исходить, прежде всего, из значимости предмета в широком смысле слова для носителей языка, познания данного предмета с точки зрения качества и функций, определения нитей связи с другими близкими предметами. В зависимости от степени связей будет определяться уровень ассоциативной связи предметов и явлений.

Язык как бы предопределяет ассоциативное сознание. Широкий круг возможностей ассоциативному сознанию дают ассоциации разного уровня сложности: ассоциативный уровень сознания связывает различные представления в систему ассоциаций, которую принято называть макроассоциированием. Наше сознание становится универсальным в результате сопоставления вещей и процессов между собой, в результате чего появляется возможность одни вещи объяснять через сравнение с другими. Само сопоставление следует считать одной из наиважнейших функций ассоциативного сознания. Ассоциативные связи определяются тремя факторами: во-первых, совершенством связей, во-вторых, уровнем владения языком носителя, в-третьих, от влияния вышестоящих мотивационных, смысловых, ценностных связей. Вещи, которые хорошо знакомы и существуют в нашем сознании как совокупность значимых ярких признаков, сохраняют устойчивую связь с другими вещами в ассоциативном сознании.

1.4. Различные подходы к описанию языковой картины мира

Понятие “картина мира” является объектом изучения не только лингвистики, но многих смежных наук. Языкознание термин “языковая картина мира” связывает с именем В. фон Гумбольдта и его более поздним последствием в период неогумбольдтианства, особенно с теорией лингвистической относительности Сепира-Уорфа. По Гумбольдту «Люди понимают друг друга не потому, что передают друг другу знаки вещей, и не потому, что взаимонастраиваются на точную и совершенную репродукцию одного и того же понятия, а потому, что один в другом взаимно затрагиваются до одного и того же звена в цепи своих смысловых представлений и основы внутренних понятий, ... в сознании каждого из них всплывают соответственные, хотя и не тождественные, понятия» [Гумбольдт, 1986: 244].

Языковая картина мира – это совокупность зафиксированных в лексико-фразеологических единицах представлений народа об окружающей действительности в определенную историческую эпоху. По мнению многих исследователей картиной мира - это целостный глобальный образ мира, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании её носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека (В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов). Известные когнитивисты З.Д. Попова и И.А. Стернин отмечают следующее: “Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании” (Попова, Стернин, с. 4). Давно известно, что человек мыслит образами, которые облакаются в слова. Язык практически достаточно точно показывает внутреннюю структуру образов конкретных вещей и явлений. Е.В. Клобуков отмечает: «Человек в ходе своей познавательной деятельности осуществляет и фиксирует в языковых средствах глобальную категоризацию мира,

выстраивая содержательные противопоставления различного типа – от самых общих до вполне конкретных» [Кубрякова 2004: 6-17]. Б. Уорф считал, что каждый язык по-своему ориентирует внимание на тех или иных сторонах действительности, навязывая всем думающим на этом языке свой способ членения мира [Уфимцева, 1986:240].

Различают две картины мира - наивную и научную. Ю.Д. Апресян различает эти понятия по следующим специфическим признакам: «Каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. ...он «наивен» в том смысле, что во многих существенных деталях отличается от научной картины мира. При этом наивные представления отнюдь не примитивны. Во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, наивную психологию. Наивные представления каждой из этих областей не хаотичны, а образуют определённые системы» [Новый объяснительный словарь синонимов, 1960: 44–45]. Из многих исследований данной области можно выявить, что понятию «языковая картина мира» гораздо более практично выводить из наивной, нежели научной картины мира.

Национальные картины мира отличаются спецификой отражения элементов окружающей объективной действительности, хотя следует отметить, общая структура отражения и формирования национальных картин тождественна. На формирование как национального языка (а значит и языковой картины мира), так и национальной ментальности оказывают влияние как собственно языковые, так и внеязыковые факторы. В конкретных культурно-исторических условиях может преобладать то один,

то другой фактор. В этой зависимости складывается разное видение одного и того объекта и его репрезентация в национальном языке. Среди экстралингвистических факторов следует выделить фактор географического детерминизма (например, репрезентация снега в языках народов севера и в африканских языках), культурный опыт, уровень материальной и духовной жизни народа, религиозные традиции и т.д.. Совокупность этих факторов создает национальную специфику языковой картины мира. Даже при вербализации одинаково значимых понятий семантическое наполнение и ассоциативное связи (например, добро в таджикском и китайском языках) может существенно отличаться. Исходя из этого, под языковой картиной мира следует понимать «совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний», «это сложившаяся давно и сохранившаяся донныне национальная картина мира, дополненная ассимилированными знаниями, отражающая мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированная в языковых формах, ограниченная рамками консервативной национальной культуры этого народа» [Пименова, 2004:10].

Многие исследователи языковую картину мира определяют как результат объективации концептуальной картины. Только концептуальная картина мира представлена концептами, а языковая картина мира представлена значениями языковых единиц, образующих семантическое пространство языка. Именно поэтому языковая картина не тождественна концептуальной, она является её частью. Репрезентация объекта охватывает не все содержание концептосферы, а только те, которые имеют коммуникативную значимость. «Языковую картину мира можно определить как запечатленный в словах, социально наследуемый (т. е. передаваемый от поколения к поколению) «слепок» этого национального образа мира, как самый главный фактор, предопределяющий и гарантирующий воспроизведение в относительно неизменном виде национального образа

мира в сознании сменяющих друг друга поколений представителей данной национальности, носителей данной культуры [Корнилов, 2003:349]. Специфичность национальной языковой картины мира не ощущается носителями языка. Только при сопоставительном анализе концептов можно увидеть общее и специфическое в отражении конкретных объектов в национальных языках.

Определение языковой картины мира – это, прежде всего, наблюдение отражения окружающего мира национальным языком. В процессе изучения языковой картины выявляется степень отражения и членения объектов окружающей действительности, нахождение лакунов, определение особенностей репрезентации понятий в лексико-семантической системе конкретного языка. .

Таким образом, национальная языковая картина мира представлена универсальными схемами, связанными со структурой мышления и сформированным сознанием. Языковая картина мира описывается как с точки зрения чисто лингвистической, так и лингвокогнитивной. В первом случае проводится описание языка как системы, во втором случае интерпретируются полученные результаты для выявления обозначенных языком когнитивных признаков. Лингвокогнитивное исследование продуктивнее всего вести в сопоставительном плане. “Описание языковой картины мира включает в себя: описание «членения действительности», отраженного языком в языковых парадигмах (лексико-семантических и лексико-фразеологических группах и полях); описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках); выявление отсутствующих единиц (лакунов) в системе языка; выявление эндемичных (существующих только в одном языке) единиц” [Попова, Стернин, 1984 7-8].

ВЫВОДЫ К ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Словарный состав языка в лингвистических исследованиях толкуется как внутренне организованное целое, как общность лексико-семантически объединенных групп слов в их реально функционирующих парадигматических, прагматических и синтагматических отношениях. Методы и принципы описания лексики как системы раскрылись в русле концепции семантического поля. Лексико-семантическая группа является одним из самых значимых способов анализа лексической системы языка. В этих группах объединены, как правило, слова одной части речи, объединенные как общей грамматической семьей, так и хотя бы одной интегральной семьей, которая составляет семантическую основу данной группы. Каждое слово лексико-семантической группы разграничивается с помощью дифференциальных сем. Построение лексико-семантических групп является одним из способов систематизации лексического яруса, достаточно удобный для анализа системных связей группы слов. Внутри лексико-семантической группы раскрывает легко определить семантические тождества и различия в составляющих данную группу слов с точки зрения их внутреннего состояния. В когнитивной лингвистике лексико-семантическая группа анализируется как компонент номинативного поля концепта и концептосферы, образующий ядро этого поля. Именно с этой позиции в нашей работе анализируется лексикосемантическая группа слов, репрезентирующих концепт «добро» и «зло» в таджикском и китайском языках.

Анализ многосменных работ видных исследователей концепта позволяет утверждать, что существует множество подходов и определений данного понятия и связанного с конкретным определением аспекта изучения языковых концептов. Точнее, проще и доступнее термин концепт определил Ю.С. Степанов, который утверждает, что концепт можно представить, с одной стороны, как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего

культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нею» [Степанов:1995, 953]. Это достаточно точное определение не в силах охватить ту сложную и многогранную структуру, которая тесно связана как с социальной, так и психологической и культурной составляющей носителей языка. Именно поэтому сложно найти среди множества определений и рассуждений вокруг концепта толкование или определение, которое способно было бы дать всеобъемлющее определение данного термина, так как концепт объединяет конкретное и универсальное, общенациональное и индивидуальное. Концепт имеет двойственную природу: с одной стороны он дает значение языкового понятия и является предметом лингвистического и культурологического анализа, с другой стороны определяет содержательную сторону понятия, представленной в особой ментальности человеческого сознания и в данном аспекте является предметом когнитивной лингвистики. Конечно же, указанная двойственность условна, так как исследование концепта требует комплексного подхода. Так, когнитивный аспект исследования не может обойтись без культурологического подхода и наоборот. И хотя когнитивный подход предполагает направление от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход – направление от культуры к индивидуальному сознанию, данные аспекты изучения концепта не взаимоисключают друг друга.

Глава 2. Языковая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в таджикском и китайском языках.

2.1. Лексическая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в таджикских словарях

Одним из самых распространенных направлений лингвистических исследований в рамках современной антропоцентрической парадигмы является изучение языковой репрезентации отдельных концептов. Антропоцентрическая направленность лингвистических исследований предполагает изучение всех сторон коммуникативной деятельности человека: от когнитивного представления структур знаний до системных особенностей языковых единиц, предопределяющих их использование в ходе речевого общения. Именно поэтому на современном этапе развития таджикского языкознания отмечается повышенный интерес к системным образованиям в языке, исследуемым не только с точки зрения особенностей их внутренней структуры, но и со стороны специфики значений их компонентов. Результаты человеческого познания аккумулируются в языке, постепенно складываясь в своеобразную картину мира. Системность на лексическом уровне проявляется на уровне смысловых связей между членами целостных семантических множеств, которые составляют классы, группы, ряды, поля слов и образуют лексическую систему языка. Между единицами семантических множеств нет резких границ, их отношения характеризуются взаимопереходностью и взаимопроникновением. [Кузнецова, Михайлова 1987:10]. Как отмечает М.А. Бочарова «Для изучения семантики слова существует три подхода: ономаσιологический (Ф. Дорнзайф, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова), семасиологический (Э. Бенвенист, Д.Н. Шмелев, А.М. Кузнецов, М.В. Никитин) и семиологический (А. Греймас, Р.Г. Пиотровский, Ю.С. Степанов), они дополнились четвертым — когнитивно-прагматическим. Появление последнего связано с тем, что стало невозможно получить новые лингвистические знания, работая с такими традиционными

объектами, как, например, классы слов» [Бочарова, 2012: 63]. Интерес к внутренней идеальной стороне слова в таджиковедении особенно вырос в последние три десятилетия. В основном работа в данном аспекте ведется в сравнительном плане. Изучение данного аспекта осуществляется как с точки зрения лингвоконцептологии, так и лингвокультурологии, которые не только не взаимоисключают друг друга, но дополняют. По мнению В.И. Карасика «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт - это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт - это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002:139].

Понятие добро и зло нашло свое отражение в мифах практически всех народов. Добро связано с добрыми силами, зло – со злыми. Продолжением мифологических традиций наблюдается в религии. Здесь добро и зло понимаются как нравственные категории, определяющие поведение человека и не связанные с воздействием на него различных мифологических сил. Практически во всех религиях добро истолковывается как воплощение божественной воли, олицетворяет поступки, соотнесенные с высшими ценностями. Зло связано с отступлением от божественной воли, с существующим мировым порядком как результатом грехопадения человека. Человек понимается как носитель двух начал: добра и зла. В процессе развития нравственного сознания и оценочных категорий сохраняется лексическое единство, однако происходит дифференциация значений внутри понятия «добро» и «зло». В концептуальных полях отдельные концепты могут образовывать различные оппозиции, под которыми мы понимаем объединение двух различных концептов, которые нельзя представить один без другого. В нашем исследовании концептуальные оппозиции – это такие объединения концептов, которые при наличии общего семантического компонента построены на антонимичности признаков и средств их выражения. Одним из главных конститутивных признаков категориального

статуса концепта признается его антонимический характер, наличие бинарной оппозиции как релевантного признака любого концепта. Понятие добра воспринимается как оправленная моральная ценность, которая не зависит ни от божественных, ни от каких-либо других сил. Критерием определения добра и зла служит оценка носителя языка, в чем проявляется антропоцентрический характер исследуемого концепта. Философские, религиозные и светские смыслы лингвокультурных концептов «добро» и «зло» составляют ценностные доминанты, варьирующиеся в соответствии с эпохой. Выбор между добром и злом во все времена являлся одной из центральных философско-религиозных проблем. Соответственно общество регулирует поведение людей посредством нравственных отношений, предъявляет к людям моральные требования. Вследствие этого поступки и приобретают моральную ценность: действие, отвечающее нравственным требованиям, представляет собой добро; противоречащее им – зло. В языковой картине как таджикского, так и китайского языков добро и зло занимают определенное единое семантическое пространство, которое характеризуется многообразием своих компонентов, разнообразием средств выражения. Концепт «добро/зло» содержит представления, принадлежащие различным сферам жизни, представляет собой взаимосвязанные структуры, формирует полярные когнитивные признаки: добро - всё то, что соответствует этическим нормам поведения, зло – все то, что противоречит этим нормам. Анализ концептов добро и зло позволяет выявить некоторые особенности национального менталитета и морально-нравственные установки представителей разных лингвокультурных сообществ, которые нашли свое выражение в признаках исследуемых концептов. Практически все исследователи добра и зла утверждают, что указанные концепты являются ядерными в любой цивилизованной этнокультуре, будь то философы, этнологи, психологи или люди искусства. Еще у Аристотеля добро и зло «исходят из противоположных нравов – одно желательно, другое

нежелательно» [Аристотель, 1978: 94-96]. В зависимости от того, что именно подвергается оценке (поступок, моральное качество личности, взаимоотношения людей или социальная деятельность классов, состояние общества в целом), понятие Добра приобретает форму более конкретных понятий – добродетели, справедливости и др. Добро в широком смысле слова означает, во-первых, ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо по его отношению к предписанной общественной этической норме или принятому стандарту, во-вторых, сам этот стандарт. Но добро всегда находится в единоборстве со злом. Добро и зло содержательно взаимоопределяют друг друга и познаются одно через другое. Добро значимо в противоположности злу и практически утверждается в отвержении зла.

Исследования системы языка на основе полевой модели стали важным и уже достаточно оформившимся направлением общей лингвистики. Данный подход к описанию языковых явлений представляется плодотворным, поскольку помогает раскрыть системные связи и системную организацию языка на всех его уровнях. Предметом исследования в данной статье является лексическое множество - семантическое поле. «Поле - совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 1998:380]. Семантическое поле представляет собой способ отражения объективной реальности, сложной системы взаимосвязей ее объектов. Единицами семантического поля являются слова, которые на основе общего значения объединяются в лексико-семантические группы. Этот семантический признак является общим для всей группы. Как отмечает М.А. Бочарова «Между лексико-семантическими группами и семантическими полями наблюдаются отношения включения. ЛСГ входят в семантические поля. Их можно представить как микрополе, тогда

семантическое поле будет представлять собой объединение микрополей» [Бочарова, 2012: 64].

Наиболее важным в лексической системе типом классов слов являются лексико-семантические группы (ЛСГ), понимаемые как «совокупности слов, имеющих близкие (в том числе противопоставленные - антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимы)» [Фрумкина, 1999: 21-28]. В синонимических рядах представлен максимальный случай полного совпадения семного состава слов, то есть слов с идентичными значениями. В нашем исследовании это: *НЕКӢ - хубӢ, нагзӢ, хайрхоӓӢ; некӢ кардан нагзӢ кардан, ёрӢ додан; ба некӢ ёд кардан, сифати хубӢ касеро гуфтан, бо хайр зикр кардан (ному кирдори касеро); чаими некӢ умед кардан (доштан) дар интизори хайрхоӓӢ будан, хубӢ умед кардан.* Каждый из синонимов включает свой синонимический ряд: *ХУБӢ - некӢ, нагзӢ, некӓӢ. НАГЗӢ 1. хубӢ, имтиёз, бартарӢ. 2. некӢ, некӓкорӢ. ХАЙРХОӓӢ - хайр хоштан ба дигарон, некӓкорӢ; хайрхоӓӢ кардан толиби некии касе будан, тарафдорӢ кардан.* На уровне указанных синонимических рядов появляются новые лексемы, отражающие различные признаки и оттенки основного значения. Синонимы, независимо от их статуса, образуют определенную микросистему или синонимический ряд. Каждый синонимический ряд основан на общем элементе значения, который выступает как интегральный семантический признак данного ряда. Синонимический ряд часто переименовывается с тематической группой. Тематическая группа - определенная совокупность лексических единиц, имеющих разную частиречную принадлежность, но обладающих общей семьей. Между тематической группой и синонимическим рядом как классом языковых единиц существует взаимосвязь: тематическая группа может объединять несколько синонимических рядов, представленных разными частями речи.

Семантическое поле является основной системообразующей единицей языка. В нем перекрещиваются тематические и синонимические ряды, перекрещиваются семасиологический и ономасиологический аспекты языковых единиц.

Системная организация лексики заключается в том, что значение слова в лексико-семантических, а шире - в тематических группах, оказывает влияние на значение каждого слова; в них система предстает как сеть связей значений внутри слова и между словами. Каждая система характеризуется определенной структурой, а сами системы разных ярусов языка образуют, взаимодействуя друг с другом, общую систему языка, благодаря чему язык может быть средством хранения и передачи информации.

Одним из известных исследователей лексической системы Л.А. Новиковым дается следующее определение семантическому полю: «Иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу. С точки зрения идеографического (ономасиологического) описания языка, то есть в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, лексику можно представить в виде системы взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира», определяемую его внутренней формой» [Новиков, 1973: 145].

По мнению Шахновича, поле - это «способ существования и группировки лингвистических элементов, принадлежащих к разным уровням языка, обладающих общими (инвариантными) свойствами, наряду с признаками, отличающими эти языковые единицы друг от друга» [Шахнович, 2000: 68]. Бондарко А.В. определяет это лексическое явление как функционально-семантическое поле, как «конкретно-языковое двустороннее единство, план содержания которого включает в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка» [Бондарко, 1984: 21].

Семантическое поле в лексике и семантике - объект достаточно изученный, чаще его определяют как множество слов, покрывающих определенную область человеческого опыта, и, следовательно, связанных по значению. Проводимые исследования дают возможность представить систему языка как совокупность полей, имеющих многоуровневый характер. Исследованиями в русле теории семантических полей занимались и занимаются российские и зарубежные лингвисты: А.А. Потебня, М.М. Покровский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.И. Кодухов, Э.В. Кузнецова, М.Д. Степанова, Л.М. Васильев, А.А. Уфимцева, Р. Мейер, Ш. Балли, Г. Ипсен, Й. Трир, Л. Вейсгербер, В. Порциг, Г. Мюллер.

Среди исследователей, работы которых имели серьезное значение для развития теории семантического поля следует назвать Й. Трира и Г. Ипсена, которые впервые в первой половине XX века ввели данное понятие [Кронгауз, 2001:158]. По определению Г.Ипсена семантическое поле – это «совокупность слов, обладающих общим значением» [Izard,1991: 445]. Заметный вклад в развитие данной теории внёс немецкий лингвист Л. Вейсгербер, а также следовало бы назвать имена Г. Ипсена и В. Порцига.

Из русских исследователей семантического поля, внесших существенный вклад в развитие теории, следует назвать Ф.П. Филина и В.И. Кодухова. В таджикском языкознании данной проблемой занимались Искандарова Д.М., Каримова Н.И. и другие. Изучение семантических полей в сопоставительном плане позволяет сравнить словарные множества разных языков, отображая их сходства и своеобразие. В результате ввиду того, что одно и то же понятие выражается в различных языках по-разному, определяется национальное своеобразие языка. Подобные исследования не обходятся без привлечения экстралингвистических факторов.

По определению Вендиной Т.И. «Семантическое поле - это совокупность языковых единиц, объединённых общностью значения и представляющих предметное, понятийное или функциональное сходство

обозначаемых явлений» [Вендина, 2005: 216]. Элементы, имеющие семантическую общность и связанные между собой системными отношениями, образуют поле. «Семантическое поле – это лексическая категория высшего порядка, представляющая собой иерархическую структуру множества лексических единиц, объединённых общим (инвариантным) значением» [Балалыкина, 2002: 23]. Самыми значимыми в описании семантического поля являются два понятия: интегральный и дифференциальный признаки. Для всего поля определяется конституирующий смысл, общий для всех слов данного поля, который и называется интегральным семантическим признаком.

Полевая структура в языке очерчена внутренним содержанием – семантикой языковой единицы. Семантическое поле представляет собой соотношение центра, содержащее основное значение, и периферии, состоящей из элементов с менее выраженными семантическими признаками. В основе СП лежит семантическая категория, семантический инвариант, объединяющий разноуровневые языковые единицы на основе общности значения.

Один из известнейших исследователей семантического поля А. В. Бондарко утверждает, что СП – это не только тип группировки лексических или морфологических средств, но и метод исследования. «При моделировании структуры поля исследователь определяет:

- а) состава компонентов СП в данном языке на основе инвариантного признака;
- б) состава центральных и периферийных компонентов поля;
- в) связей между компонентами СП;
- г) структурного типа данного поля;
- д) связей между данным полем и другими СП».

[Бондарко, 1984: 25].

А.В. Бондарко семантическое поле определяет как основную единицу, как «строительный блок» языковой системы [Бондарко, 1984: 5].

Исследователи выделяют два подхода анализа СП – ономасиологический и семасиологический. При ономасиологическом подходе лингвистического описания исследование проводится от значения к форме. Данный подход тесно связан с теорией номинации, с лингвопрагматической и когнитивной деятельностью человека. Формы объективируются на словообразовательном, грамматическом или лексико-фразеологическом уровне. Значение является исходным пунктом ономасиологического анализа. Компоненты поля подбираются на основе синонимических, антонимических, омонимических, паронимических и других парадигматических отношений. Семасиологический тип описания рассматривает единицы языка в рамках одного уровня, на основе полисемантических отношений, с применением компонентного анализа.

С развитием теории семантического поля в нем стали выделять центральную и периферическую части. Ядро заключено в главном слове и представляет собой наиболее употребительные и функционально нагруженное слово, оно представлено родовой семой или гиперсемой (семантический компонент, который организует семантическое развёртывание поля). Центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное с ядром значение. Периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра. В периферии находятся маргинальные единицы, часто с контекстуально обусловленными значениями [Денисов, 1978: 45]. Но провести границу между ядром и периферией чаще всего является сложной процедурой. Поэтому элементы одного поля (особенно периферийные) могут входить в другое поле.

Подчеркивая системный характер языка, А. М. Карапетьянц отмечает целостность системы и взаимообусловленность её элементов: «Системный характер его (языка) проявляется в том, что различные языковые явления

взаимно связаны друг с другом, функционируют как единое целое» [Корнилов, 2003: 285]. А. М. Карапетьянц, исследуя лексико-семантическую группу как разновидность семантического поля, искал критерии ее выделения среди других совокупностей слов. Различие между тематическими и лексико-семантическими группами историк языка видит в том, что тематические группы основаны на классификации «самых предметов и явлений», а лексико-семантические группы «представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям» [Корнилов, 2003: 80]. По мнению А. М. Карапетьянц лексико-семантическая группа с синонимическими рядами, антонимами, гиперо-гипонимическими гнездами является разновидностью парадигматических полей. Кроме этого, выделяются синтагматические и комплексные поля. «Синтагматические поля отражают реальные группировки слов по их валентным связям. Комплексные поля - классы слов, связанных парадигматическими и синтагматическими отношениями. Иначе их называют комбинированными полями. Такими полями являются, например, словообразовательные ряды, включающие слова разных частей речи вместе с их парадигматическими коррелятами» [Корнилов, 2003: 83].

Основное внимание при описании семантических полей следует обратить на интегральные и дифференциальные признаки слов, составляющее то или иное поле. Сначала определяется конституирующий его смысл, общий для всех слов данного поля, который и будет интегральным семантическим признаком. Под дифференциальными признаками понимаются те оттенки, которые способны разграничивать слова одного и того же семантического поля [Залевская, 1990: 159].

Нами с позиции семантического поля исследовано достаточно широко представленное в языках мира, в том числе и в таджикском языке, ЛСП **ДОБРО/НЕКИ**. В основных значениях слова **НЕКИ**, с одной стороны, закреплены критериальные свойства **ДОБРА**, с другой, лексема **НЕКИ**

наиболее частотна, она обладает наиболее универсальным набором признаков, которые являются базовыми и обобщенными по сравнению с конкретизированными наборами признаков иных членов СП ДОБРО. Лексическое значение слова **НЕКИ** представляет собой совокупность семантических признаков, в котором выделяются две части: содержательное ядро или его интенционал, и периферия семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал.

Анализ аксиологических концептов «добро»/«зло» осуществляется от лексических значений слов, через понятия, стоящие за ними, к самим концептам как ментальным сущностям, актуализируемым в языках. Г.В. Колшанский, рассматривая роль человеческого фактора в языке, среди категорий познавательной деятельности человека выделяет и «оценочное ориентирование, т.е. отношение к добру и злу» [Колшанский, 1990:88]. Один из самых известных концептологов В.В. Красных концепт *Добро* относит к духовному коду культуры и отмечает, что данный концепт «пронизывает всё наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [Красных, 2003: 308]. ДОБРО/ЗЛО, являясь центральными понятиями этики, представляют собой наиболее общую форму выражения моральной оценки, разграничивающую нравственное и безнравственное, что составляет суть морали. Через призму ДОБРА/ЗЛА происходит оценка деятельности человека. Представления людей о добре и зле менялись в зависимости от условий развития общества. Общее значение рассматриваемого концепта распадается на два семантических микрополя, которые представлены антонимичными микрополями - микрополем «добро/неки» и микрополем «зло/бади». Как первое, так и второе микрополе представлено своим комплексом лексических, но лишь вместе они выступают компонентами семантического поля в целом.

В таджикской языковой картине мира значимость бинарных оппозиций нравственно-этического порядка (добро/ некӣ – зло/ бадӣ, истина/ ҳақиқат – ложь/ дурӯғ, кизб, высокое/начиб – низменное/астӣ, разили, разолат, қабехӣ, қабохат) обусловлены культурой народа, его восприятием и соблюдением нравственных традиций, стремлением народа к оценочным ориентирам с целью определения своего отношения к тому или иному явлению. Специфичность этого понятия заключается в том, что, во-первых, оно находится на стыке предмета изучения различных областей знаний, таких как философия, психология, этика, эстетика, семантика и других. И каждая отрасль знаний по-разному трактует это понятие. Так, например, в эстетике *добро* рассматривается как наивысшая ценность. В философии *добро* и *зло* определены как две антагонистические экзистенции и нерасторжимое единство бытия. В лингвистике добро представлено множеством лексических единиц, синонимическим рядом и антонимическими парами. Во-вторых, *добро* практически во всех языках представлено как наивысшая этическая ценность («положительное начало в нравственности» [Толковый словарь русского языка, 2000:752], «**всё положительное**, хорошее, полезное» [Ожегов, 1986: 145]). Слово *добро* в любом контексте употребляется как «исключительно модальное, оценочное, прескриптивное, т.е. выражает позитивное отношение реального или предполагаемого субъекта к объекту» [Максимов, 2000: 24].

Лексико-семантическое поле *добра* охватывает в языке лексемы с разными грамматическими и лексическими характеристиками, с разной частотностью употребления и валентностью. Как правило, самую большую группу в языках представляют имена существительные и имена прилагательные. Именно они активнее других частей речи выражают дополнительную оценочность. Глаголы и наречия входят в лексико-семантическую группу чаще всего в связанном виде (*неки кардан, нек будан и* и т.п.). Все слова, входящие в лексико-семантическое поле *добро*, дают

качественную характеристику объекту. В объеме данного ЛСП можно выделить следующие группы слов:

слова, характеризующие нравственно-этические чувства (*некӣ, некӯӣ; меҳрубонӣ - доброта; нексиратӣ, нексириштӣ - доброта характера; нағз, хуб, нек - хороший; одами хуб - хороший человек; 2. в знач. суц. неки, хуби - хорошее; вай бисъёр некиҳо кард - он сделал много хорошего; 5. муносиб, шоиста, боадабона; рафтори боадабона - хороший тон 7. хуируӣ, зебо, фаттон; ӯ хеле зебост - она очень хороша собой 8. азиз, меҳрубон кори нағз, кори шоиста - хорошее дело;*

раҳм, меҳрубонӣ, раҳмдилӣ, нармдилӣ, шафқат - милосердие; меҳрубонӣ кардан - проявить милосердие; бераҳмона, сангдилона без милосердия;

дилсӯзӣ, раҳм, ғамхорӣ, тараҳҳум – сострадание; раҳм овардан - вызывать сострадание; дилсӯзӣ кардан - испытывать сострадание;

меҳрубон(она), раҳмдил(она), нармдил(она) – добросердечный; одами нармдил (раҳмдил) добросердечный человек; суханони меҳрубонона - добросердечные слова);

слова, выражающие оценку качества или действия (*1. нағз, хуб, нек - хороший; одами хуб - хороший человек; хабарҳои нек - хорошие вести; 2. в знач. суц. хорошее неки, хуби; вай бисъёр некиҳо кард - он сделал много хорошего; 4. наздик, қарин; дустии наздик - хороший друг; 5. муносиб, шоиста, боадабона; рафтори боадабона - хороший тон 7. хуируӣ, зебо, фаттон; ӯ хеле зебост - она очень хороша собой;*

нек, некӯкор, раҳмдил, меҳрубон – добрый; 1. дилнишин, дилписанд, пурмеҳр; ҷони одам - добрая душа; чашмони пурмеҳр - добрые глаза 2. хуш, хайр, нек; корҳои хайр - добрые дела; хабарҳои хуш - добрые известия; сухани нек- доброе слово; 3. наздик, меҳрубон, қарин; шиносҳои наздики мо - наши добрые знакомые; муносибати дӯстона - добрые отношения; 4. хуб, марғуб, хеле нағз; аз рӯи одати хуби қадим- по доброму старому обычаю;

шамшери нағз - добрая сабля; б. пок, нек; хотираи (номи) нек монондан-оставить [о себе] добрую память; некном будан- пользоваться добрым именем; шӯҳрати нек - добрая слава .

содиқ, самимӣ, самимона, ростгӯӣ, софдил, босадокат, ихлосманд – искренний; ҳиссиёти самимона - искренние чувства; шодии самимӣ - искренняя радость;

слова, характеризующие материальную сторону действительности хушсифат, маҳкам, бадошт – добротный; мӯзаи бадошт-добротные сапоги; моҳути хушсифат- добротные сапоги; тухмии аълосифат добротные семена;

1. сифатӣ, кайфиятӣ – качественный; дигаргуниҳои сифатӣ - качественные изменения; ҷаҳиши сифатӣ - качественный скачок 2. хушсифат; нӯлоди асил- качественная сталь; хӯроквориҳои хушсифат-качественные продукты питания;

1. бароҳат, баҳузур, соз; хонаи соз - удобная квартира 2. мувофиқ, мусоид, боб, кулай, бамаврид; фурсати мусоид - удобное время; фурсати мувофиқ - удобный случай - удобный.

Для выявления лексем семантического поля **НЕКИ/ДОБРО** были использованы Словарь синонимов таджикского языка, Фарханги забони тоҷики (Толковый словарь таджикского языка), онлайн русско-таджикский и таджикско-русский словари. Так как концепт заложен в корне слова, то он реализуется во всей словообразовательной парадигме. Поэтому нами проводится анализ однокоренных с лексемой **НЕКИ** и синонимов **хубӣ, назӣ, хуши, хайрхонӣ** слов, то есть вербальных репрезентаций анализируемого концепта, что позволит более полно описать указанный концепт. По результатам исследования нами отобран корпус примеров, включающих 206 лексических единиц, объединенных общими (интегральными) семантическими признаками семантического поля **НЕКИ/ДОБРО**.

Основным семантическим элементом центра поля является архисема **НЕКИ-ДОБРО**. Синонимический ряд, представленный в «Фарханги забони тоҷики», составляют слова: **НЕКИ хуби, нағзӣ, хуши, хайрхонӣ** составляют ядро указанного семантического поля, они наиболее полно представляют интегральное значение и являются стилистически не окрашенными: *некӯ кардан, нағзӯ кардан, ёрӯ додан; ба некӯ ёд кардан, сифати хуби касеро гуфтан, бо хайр зикр кардан (ному кирдори касеро); чашми некӯ умед кардан (доштан), дар интизори хайрхоҳӣ будан, хубӯ умед кардан*. На периферии данного семантического поля обнаружены стилистически маркированные лексемы со значением «добро» например: **НЕККИРДОРИ** - *добродетельность*; **НЕКРӯИ** – *красота*, **ХУБРӯЙ** – *красивый*, **ХУБКИРДОРИ** – *творить добрые дела*, **ХУШАДОИ** - *добродетель*. В ЛСП выделяются микрополя (семантические объединения), члены которых связаны интегральным признаком, выражаемым обычно доминантой микрополя (ядерной лексемой).

Лексемы являются достаточно разнородными как по частеречной принадлежности, так и по функциональным характеристикам, хотя все они выражают оттенки значения общего понятия, что лишний раз свидетельствует о сложной структурной организации анализируемого семантического поля. Элементы семантического поля **НЕКИ/ДОБРО** различны по своей частеречной принадлежности: 81 из них существительные, 121 - прилагательные и 3 наречия. Каждая группа с точки зрения принадлежности к определенной части речи рассматривается нами как группа составляющих семантического поля. Рассмотрим семантику и структуру каждого из указанных групп.

Имена существительные составляют ядро семантического поля. Они составляет 39,3% (81 единицы) от общего корпуса примеров (206 единиц). По дифференциальным признакам все имена существительные следует разделить на четыре ЛСГ: «качества человека», «процесс», «интенсивность

выражения добрых чувств по отношению к другому лицу» и «лицо, совершающее добрые дела».

1. Первая группа включает в себя слова, служащие выражением положительных качеств человека. Общей интегральной семой данной группы выступает компонент «качество характера». Например, **НЕКАХЛОҚИ-** *благовоспитанность* **хушахлоқӣ** *боодобӣ* *писандидаахлоқӣ*. **НЕКРАФТОРИ** - *обходительность, благожелательность, боодоб, хушмуомила, хушхулқ, хушрафтор.*

ХУБКИРДОРИ – *добродетельность, он ки хуб кор мекунад, он ки хубкор аст, он ки хубӣ мекунад.*

2. Вторую группу в таджикском языке образуют существительные, служащие наименованиями процесса. В данном случае, общей дифференциальной семой выступает компонент «процесс». Например: **ХУШГУЗАРОНӢ** - *бо хушӣ гузаронидани зиндагӣ, вақт – хорошо проходящая жизнь, время.* **НЕКФАРЛОМӢ**– *благополучный исход, хороший конец - нек будани оқибати қору зиндагонӣ, некфарҷом будан.* **НЕКПАЙВАНДИ** - *товарищество, дружба - дӯстӣ, рафиқӣ, шарикӣ* **НЕКПАЙӢ** - *приносящий счастье, удачу (о человеке) хушқадамӣ, бахосиятӣ* **НЕКРӢЗИ** *он ки рӯзгориаш хуб мегузарад - счастливое течение времени.*

3. Третью по численности группу образуют имена существительные, значение которых связано с интенсивностью выражения добрых чувств. Например, **НЕКБИНИ** 1. *хушбинӣ, ҳаётдустӣ* 2. *хайрхонӣ, некандешӣ – доброжелательность,* **НЕКӢХИСЛАТИ** *хубхислатӣ, хушхулқ, хушфеълӣ – добродушность.* **ХУШЗАВҚӢ**- *доштани завқу салиқаи хуб, соҳиби эҳсосу дарки фасоҳат ва баён будан – талантливость, одаренность.*

4. Четвёртую группу в таджикском языке составляют существительные, интегрирующим семантическим компонентом которых выступает значение “лицо, совершающее добрые дела”. Например,

НЕКАНДИ вафодорӣ, хушқавлӣ – верность. **НЕКБИНИ** 1. хушбинӣ, ҳаётдустӣ 2. хайрхоҳӣ, некандешӣ – доброжелательность.

Несмотря на то, что имена прилагательные составляют самую большую группу - 58,7 % (121 единица) от общего корпуса лексических единиц, с точки зрения дифференциальных сем, реализующих интегральную сему “признак предмета / действия”, их можно разделить всего на две подгруппы.

Первая группа включает в себя прилагательные, служащие определениями к существительным и характеризующими хорошее, положительное отношение. Общей категориальной семой данной группы выступает компонент **НЕКИ** “добро”. Например, **НАҒЗ** 1. хуб, некӯ, писандида – хороший. **НЕКХОҶ** он ки ба дигарон некӯ мехоҳад, хайрхоҳ, некандеш – доброжелательный. **ХУБҶАРҶОМ** -коре, ки оқибаташ нек аст, касе, ки оқибати кораш нек аст – дело с добрым концом.

Вторая группа представлена прилагательными с общей дифференциальной семой **НЕКИ** “добро”. Например, **ХУБСИРАТ** - он ки хулқу хӯи нек дорад – добронравный. **ХУШАХЛОҚ** - он ки хулқ, рафтори нек ва писандида дорад – добрый, с хорошим характером. **БАХАЙР** - хуб, нек – добрый.

Последнюю группу составляют наречия. Так как грамматическая категория наречия как знаменательной части речи в таджикском языкознании считается проблематичной и не подвергалась всестороннему глубокому лингвистическому исследованию, вопрос о категории наречия по сей день среди лингвистов и языковедов остается дискуссионной. Следует отметить, что до сегодняшнего дня таджикские языковеды расходятся во мнении в определении наречия как части речи. Проблема состоит в том, в таджикском языке прилагательные и наречия не имеют формообразования. Трудность в определении неизменяемых слов выражается в том, что наречия и прилагательные по своим семантическим признакам очень похожи друг другу. Наречия в таджикском языке не имеют модулогических

признаков. Основой их разграничения и отделения от прилагательных заключается в семантике и синтаксической роли в предложении. Поэтому о наречиях можно говорить только в рамках контекста.

Таким образом, семантическое поле **НЕКИ/ДОБРО** в современном таджикском языке, относится к типу комплексных полей. Базовыми лексемами микрополя **НЕКИ** являются следующие стилистически нейтральные и немаркированные лексические единицы **НЕКӢ, ХУБӢ, ХУШИ, НАҒЗӢ, ХАЙРХОӢ**. Периферийные единицы удалены в своем значении от ядра. В структуру семантического поля **НЕКИ/ДОБРО** входят группы существительных, прилагательных и наречий.

На примере исследования семантического поля **НЕКИ/ДОБРО** в современном таджикском языке мы попытались доказать возможность его описания, как любой другой полевой структуры. Достаточно перспективным представляется сопоставительный анализ данного семантического поля в таджикском и других языках.

Из всех уровней языка лексический непосредственно связан с внеязыковой действительностью, а потому является самым изменчивым, но при этом не нарушает свою системность. Лексические единицы в лексико-семантической системе языка вступают друг с другом в различные отношения на базе общего и различного, объединяясь и дифференцируясь. Слова, фразеологизмы, словосочетания, имеющие семантическую общность, komponуются в тематические группы, гиперо-гипонимические, синонимические и другие парадигмы, а те, в свою очередь, – в так называемые семантические поля. В самом общем виде поле понимается как «некоторое организованное пространство частиц, множество элементов, единиц, внутри которого реализуются закономерности их систематизации и функционирования» [Новикова, 2003: 22]. Семантическое поле является основной системообразующей единицей языка. В нем перекрещиваются тематические и синонимические ряды, перекрещиваются семасиологический

и ономасиологический аспекты языковых единиц. Единицы языка, относящиеся к разным частям речи, но обладающие общей семой, объединяются семантические поля. Семантическое поле может быть выделено как самостоятельная подсистема языка. Каждое СП связано с другими полями языка и в совокупности с ними образует лексическую систему.

Традиционными элементами поля считают ядро, центр и периферию. Основными параметрами, разделяющими ядро и периферию, можно назвать обязательность, частотность и семантическое наполнение ядерных компонентов. С.Г.Шафиков выделяет шесть общих свойств поля: «1) взаимосвязь элементов, 2) регулярный характер связей между элементами, 3) значимость каждого элемента, зависящая от его отношения к соседним элементам, 4) принципиально общий, единый для всех языков характер семантических структур, лежащих в основе эквивалентных полей, 5) исторически обусловленное существование конкретного поля в каждом языке, 6) культурно-языковая специфика проявления семантических структур, образующих эквивалентные поля в разных языках» [Шмелев, 2002: 224]. По мнению Г.С. Щура, поле - это «способ существования и группировки лингвистических элементов, принадлежащих к разным уровням языка, обладающих общими (инвариантными) свойствами, наряду с признаками, отличающими эти языковые единицы друг от друга» [Шмелев, 2002: 68]. Бердникова Л.П. утверждает, что «конкретно-языковое двустороннее единство, план содержания которого включает в себя семантические элементы в интерпретации именно данного языка» [Бердникова 2001: 28]. В основе каждого функционально-семантического поля, по его мнению, лежит определенная семантическая категория, представляющая собой тот семантический инвариант, который объединяет разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие [Бердникова 2001: 28].

Лексико-семантическое поле является фрагментом общезыковой картины мира. Между единицами ЛСП можно выявить различные отношения. Большинство учёных говорят о парадигматических и синтагматических отношениях внутри поля. Парадигматическими называются отношения, возникающие между членами какого-либо ряда (синонимического, антонимического, ассоциативного и др.) на основе общности или противоположности. Синонимия и антонимия представляют собой разновидности одного явления - семантических сходств и различий. Синонимия имеет место в том случае, если в семантике двух единиц черты сходства доминируют над их различиями. Антонимия же возникает там, где семантические расхождения преобладают над смысловой общностью двух слов. Единицей парадигматических отношений является парадигма, то есть «ряд противопоставленных языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда» [Русский язык. Энциклопедия русского языка, электронный ресурс].

Нами рассматривается лексико-семантическое поле «Бади/Зло» в таджикском языке на основе лексикографических данных. Лексикография представляет слово в совокупности всех его свойств, поэтому словарь оказывается уникальным и незаменимым пособием по языку, важнейшим инструментом научных исследований. Концепты, связанные с морально-нравственными оценками, занимают одно из самых значимых мест в языковой картине мира. В языковой картине мира таджиков данное утверждение всецело можно отнести к концептам «Неки/Добро» и «Бади/Зло». Данные концепты образуют различные оппозиционные группы, которые построены на синонимичности и антонимичности внутреннего содержания. Концепты «Добро» и «Зло» являются одними из базовых и в менталитете таджиков отражаются как наиболее общие понятия морали, предельные полярные характеристики человеческого мира.

Основным семантическим элементом центра микрополя является архисема **Бади**. Парадигмы, которые существуют в рамках поля, образуют ряды синонимов, то есть слов с идентичными значениями, например: **БАДӢ** - *1 шарр, кори зишт; 2. нуқсон, айб; хуб набудан. 3. нохушӣ; носозгорӣ: аз бадии толеъ; бадӣ кардан а) рафтори нодуруст кардан; муомилаи дурушт кардан; б) зарар расондан ба касе; ба бадӣ ном баровардан бадном шудан, шармандаву беобрӯ шудан*. Синонимы, независимо от их статуса, образуют определенную микросистему или синонимический ряд. Синонимический ряд также основан на общем сегменте значения элементов, который выступает как интегральный семантический признак данного ряда.

В противоположность синонимам наиболее важными и значимыми для структуры лексической системы языка оказываются оппозиции антонимического типа. Данные оппозиции представляются одними из универсальных видов парадигматических отношений. Именно антонимические отношения связывают противоположные друг другу явления, предметы, состояния, процессы: **БАД** - **муқоб. хуб, нек, нағз. БАДӢ** - **муқоб. Некӣ**.

В отличие от Неки, представленного в таджикском языке 112 единицами, Бади представлено 233 единицами. В структуру семантического микрополя входят единицы, номинирующие различные нюансы общего понятия «Бади»: вредность, низость, подлость, коварство, озлобление и некоторые другие. В основном элементы рассматриваемого семантического микрополя по своей частеречной принадлежности представлены двумя частями речи: существительными и прилагательными.

Имена существительные представляют 84 единиц, что составляет почти 64 % от всего представленного количества единиц, номинирующего микрополе «бади». Весь объем представленных примеров по наличию дифференциальных признаков можно разбить на пять ЛСГ: архисема «зло»,

«отрицательные качества характера», «процесс», «степень или интенсивность выражения злых чувств», «лицо, совершающее злые дела».

Первую по численности лексико-семантическую группу составляют имена существительные, значение которых связано с интенсивностью выражения чувств: **хашм, қахр, ғазаб, адоват, кина** (злоба), **қахр, хашм, ғазаб** (злость), **бадхашмӣ, хашмгинӣ** (ярость). Дифференциальная семантика связана с общим интегральным значением «зло» и находится в центре семантического поля.

Вторую группу составляют существительные, служащие для выражения отрицательных качеств человека: **бадкори** (злодейство); **бадахлоқӣ** (безнравственность, аморальность); **бадқалбӣ** (зловредность). Данные единицы связаны с интегральной семой «зло», но находятся на периферии семантического микрополя.

Третью группу образуют существительные, основным семантическим компонентом которых выступает значение «лицо, совершающее дела с отрицательным оттенком»: **бадқасдӣ** (злонамеренность), **бадғӯӣ** (злословие, клевета), **бадсигол** «злоумышленник». Общее значение «зла» выражается в указанных единицах достаточно полно, данная группа находится в центральной зоне семантического микрополя.

Четвертую группу образуют существительные, служащие наименованиями процесса: **бадқирдорӣ** (злодеяние, лиходейство), **бадқорағӣ** (плохое действие с умыслом), **бадқилиқӣ** (непристойный поступок). Во всех лексических единицах с данным значением общей дифференциальной семой выступает компонент «процесс, действие».

Пятая группа объединяет в себе лексические единицы с абстрактным значением «зло»: **бадандешӣ** (недоброжелательность, коварство), **бадбинӣ** (ненависть), **бадмеҳрӣ** (не благожелательность). Данные лексические единицы следует отнести к ядерной зоне.

Все прилагательные анализируемого семантического микрополя (149 единиц) на основании дифференциальных сем, реализующих интегральную сему признак предмета / действия, следует разделить на две группы.

Первая группа включает в себя прилагательные, служащие определениями к существительным и характеризующими негативное отношение. Общей категориальной семой выступает компонент «злой»: **БАД I -1** нохуб, ношоиста, нописандида, беадаб, бетарбия 2. зишт, ганда, нобоб, номақбул: 3. чихати манфийи чизе, манфй: таъсири бад, феъли бад; баҳои бад баҳои манфй, баҳои ғайриқаноатбахш (мас., дар имтиҳон). 4. душвор, вазнин, сахт. 5. нохуш, шум. 6. ногувор, нофорам.

Доминанта данной находится в ядерной зоне микрополя, поскольку обладает достаточно широкой сочетаемостью, наиболее информативна и с ее помощью дается толкование некоторых других лексем микрополя.

Вторая ЛСГ представлена прилагательными с общей дифференциальной семой «недоброжелательный»: **бадсират** (злой), **бадфикр** (злонамеренный), **бадшакл** (безобразный). Данные единицы являются центральными единицами микрополя.

Таким образом, семантическое поле «зло» в таджикском языке, как и поле «добро» относится к типу комплексных полей. В структуру микрополя микрополя «зло» входят лексико-семантическая группа существительных, и прилагательных. Лексико-семантическая группа существительных включает в себя 84 единицы и делится на 5 подгрупп. Лексико-семантическое поле прилагательных составляет 149 единиц и делится на 2 подгруппы.

Микроконцепты Зло и Добро имеют высокий отрицательный и положительный статусы. Зло и Добро - это категории этики и понятия морального сознания, в предельно общей форме показывающие проявление безнравственного и нравственного начала. «Зло» понимается как антиценность, противоположная добру. Анализ микрополя «зло» по толковым словарям позволил выделить основное содержание концепта ЗЛО:

злом являются люди и совершаемые ими действия, выходящие за пределы принятых моральных норм. Основными концептуальными признаками данного микроконцепта являются следующие: зло, ненависть, безнравственность и другие. Зло играет значительную роль в языковой картине мира таджиков, о чем свидетельствует огромное количество синонимов и однокоренных слов лексемы «зло».

2.2. Фразеологическая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в таджикском языке

Определение национально-культурной специфики народа через изучение лексико-фразеологической системы языка является одним из основных направлений современной лингвистики. Фразеологические единицы обладают специфическими особенностями отражения национальной культуры и менталитета носителей языка, и тем самым определяют свою значимость в лингвокогнитивных исследованиях, так как именно фразеологизмы способствуют формированию знаний о структуре национального сознания. Как правило в языке фразеологизируются единицы, значения которых ассоциируются с культурно-национальными моделями, стереотипами, эталонами, мифологемами. Практически за каждым фразеологизмом закрепляется определенная информация, отражающая культурную коннотацию и являющаяся предметом когнитивного познания объекта.

Многие исследователи утверждают, что «национально-культурные элементы семантики могут проявляться на трех различных уровнях плана содержания фразеологических единиц», а именно:

- фразеологические единицы отражают национальную культуру носителей языка целостно;
- фразеологические единицы выражают национальную культуру расчлененно;
- фразеологические единицы отражают культуру определенного этноса.

Фразеология в языке представляют определенный фрагмент языковой картины мира, служат для ее интерпретирования, выражают субъективное отношение к предметам в широком смысле.

Значение фразеологизма семантически едино, немотивировано значением составляющих слов, отмечаются устойчивостью компонентного состава.

Исследователи фразеологии с точки зрения лингвострановедения выделяют базовые группы со значениями, которые отражают культурную специфику носителей языка. Наиболее значимыми являются фразеологизмы, отражающие особенности природно-географической среды, климата, времени года, погоды, фауны и флоры. Значительную часть фразеологических единиц составляют фразеологизмы, отражающие социальную сущность человека и многое другое. Точность, художественность и образность фразеологических единиц, с которыми они характеризуют какое-либо явление, определяют их ценность в плане отражения национальных особенностей концептов, что в полной мере можно отнести и к рассматриваемому нами концепту.

Семантическая структура фразеологических единиц в рассматриваемых нами языках, как и в других языковых образованиях, построена как иерархически организованная система сем разной степени абстракции, а именно:

- а) семы максимальной степени абстракции, которые являются общими для всех единиц одного класса;
- б) интегральные (объединяющие) семы для группы разрядов фразеологических единиц;
- в) семы групповой величины, объединяющие фразеологизмы в семантические группы внутри субкатегорий;
- г) индивидуальные семы с содержанием культурного фона.

Исследование семантики фразеологизмов, как и тех образов, которые заложены в основу фразеологических единиц, имеет не только научное значение, но и прагматическую эффективность, например при изучении и преподавании иностранного языка. Классификация фразеологизмов, как и анализ других аспектов, являются важнейшим значимым в изучении единиц языка в целом, характера лексического значения слов, словообразования и этимологии, стилистики художественной речи, а также соотношения

синтаксической сочетаемости слов и их значения. Фразеологические единицы играют существенную роль в пополнении словарного состава языка, а также в способах выражения человеческой мысли в различных контекстах или стилях.

Внутреннее содержание концепта, отражающееся в языковых единицах, отражают языковую картину мира. Вербализация признаков концепта, с одной стороны, проводится через языковые единицы, с другой стороны реконструкцию концепта часто стали проводить через внутреннее содержание этих единиц, то есть через семантику [Силинская 2008: 8]. В данном подходе лучшим материалом служат фразеологические единицы. Именно во фразеологических единицах более чем в слове отражена национальная специфика концепта, его образная и эмоциональная стороны. Изучение концепта на материале фразеологии представляет возможность описать образ мысли носителей языка, постигаются глубинные формы мышления [Телия 1999: 306].

Фразеологизмы как одни из значимых единиц языка репрезентируют практически всю концептосферу определенной нации. При всем том, что концептосфера определенного народа представлена специфическими национальными особенностями, связанные с образом жизни, верованиями, географическими и климатическими условиями и т.д., нельзя не заметить наличие универсальных концептов со схожими образами и признаками и, соответственно, наличия общих черт у фразеологических фондов разных языков, что наглядно можно проследить на примере таджикского и китайского языков. Значимость рассмотрения фразеологического фонда при анализе концепта настолько высока, что в литературе все чаще стали говорить о фразеологической картине мира как субъективной этнокультурной ассоциативно-образной части языковой картины мира.

Выделение фразеологических единиц из состава словосочетаний, их изучение, систематизация и классификация относится к самым поздним лингвистическим исследованиям. Сегодня данная тема является одной из наиболее актуальных в современной лингвистике. В русистике вопрос о

фразеологии как лингвистической дисциплине впервые поставил В. В. Виноградов. Именно ему принадлежит классификация фразеологизмов по степени слитности компонентов. Теорию классификации В.В.Виноградова развил известный лексиколог академик Н.М. Шанский. Не малый вклад в разработку теоретических основ фразеологии внесли такие известные лингвисты, как И. И. Мещанинов, Н. К. Амосов, А. В. Кунин в Л. Архангельский, В. Н. Ярцева, А. И. Смирницкий, В. А. Звегинцев, В. Г. Гак и другие. Проблемы сопоставительной фразеологии привлекают к себе большое внимание языковедов и отражены в трудах Е.Ф. Арсентьевой, Л. К. Байрамовой, З.З. Гатиатуллиной, Ю.А. Дологополова, В.М. Мокиенко, А.Д. Райхштейна и многих других учёных.

Наше обращение к трудам перечисленных авторов связано с тем, что таджикская лексикология, и в особенности фразеология, была описана с оглядкой на труды именно русских исследователей, что связано с определенными объективными причинами.

Фразеологизмы - одно из средств ясного и лаконичного выражения мысли с особыми нюансами, а законы образования и выражения их смысла - важнейшие особенности любого языка. Два важных свойства семантики фразеологических оборотов отличают данную единицу от других единиц языка. Во-первых, свойство коннотативности (эмоциональность, экспрессивность, оценочность) присуще всем фразеологическим единицам, которые не только характеризуют людей, понятия, признаки, действия и другое, но и содержат их оценку, во-вторых, антропоцентричный характер фразеологических единиц транслирует особенности людей с позиции наличия человеческого измерения, посредством которого происходит познание человеком самого себя в мире.

Сегодня, несмотря на большие достижения в различных областях таджикской фразеологии, исследуемую область нельзя считать достаточно разработанной. Хотя изучение теоретических вопросов таджикской

фразеологии выпадает в основном на советское время, во многих более ранних известных исследованиях фразеологические единицы упоминаются как особые единицы лексического состава. Так в «Словаре фурса» Асади Туса, первом таджикско-персидском толковом словаре, вышедшем в свет в азербайджане в 1066-1067 годах (XI век) анализируется более 2000 слов, подкрепленные примерами из всей классической литературы 9-11 веков. Используются примеры из произведений более 100 авторов, среди которых много фразеологических единиц. Первые теоретические разработки таджикской фразеологии относятся к 40 - 50-м годам прошлого века, хотя их сложно считать чисто фразеологическими. Отдельные незначительные описания некоторых фразеологических оборотов можно было найти в научных работах, посвященных другим проблемам описания таджикского языка. Это в основном труды таких известных исследователей таджикского языка, как А. Мирзоев, Д. Т. Хаджиев, Н. А. Масуми, Ш. Н. Ниязи. В последние три десятилетия прошлого века и по настоящее время в таджикском языкознании серьёзно изучены проблемы фразеологии, создана теоретическая база данного раздела лексикологии. Среди работ по разным аспектам фразеологических единиц, начиная с их классификации и до их стилистических особенностей, следует указать Ю. А. Рубинчика, С. В. Хушеновой, Х. Меджидов, Х. Джалилова. Монография С. В. Хушеновой «Изафетные фразеологические единицы таджикского языка» является первой в таджикском языкознании специальной теоретической работой в данной области (1971). В монографической работе Х. Маджидова «Фразеологическая система современного таджикского литературного языка» рассмотрены существующие теоретические разработки по таджикской фразеологии, обобщено её современное состояние и намечены проблемы её дальнейшего углубленного исследования (2006). 80-е годы ознаменовали новый этап в изучении теоретических вопросов таджикской фразеологии. Публикация Ю.А. Рубинчика о фразеологии персидского языка, несомненно, является

большим достижением для изучения фразеологии иранских языков. В монографии подробно разъясняются структура, значение и особенности образования фразеологизмов, а также обобщаются достижения иранских исследований в этой области. Это исследование положило начало масштабной исследовательской работе по другим иранским языкам. Диссертационная работа Н. Джураева «Фразеологические единицы как выразительные средства таджикского языка» посвящена исследованию экспрессивных сторон фразеологических единиц. Первые исследования по сопоставительному анализу таджикского и английского языков принадлежат Г. Б. Баракаевой, А. Ахмаджанову, Э. Бабаеву, Азимовой М.Н. и многим другим.

Репрезентация концепта посредством фразеологических единиц позволяет широко раскрыть строение и сущность концепта, открывает гораздо более широкие возможности его описания. Категория добра и зла является универсальной категорией практически для всех народов. В любой культурной традиции выражаются представления человеческого бытия, отражаются особенности существования человека. Понятия «добро» и «зло» выступают как критерии положительного и отрицательного в социальной и духовной жизни людей. Через призму этих понятий происходит оценка поступков человека, всей его деятельности. Через фразеологизмы у носителя языка появляется возможность ярко выразить свое отношение к окружающей действительности, при этом раскрывается культурная позиция говорящего. В результате культурной интерпретации фразеологизма формируется важнейший компонент культурно-языкового значения фразеологизма, проводятся ментальные операции. Говорящие обмениваются денотативной информацией, проводят оценку происходящего, определяют отношение к образу через внутреннюю форму фразеологизма, чувствуют эмоциональный аспект содержания. Все перечисленное работает на семантическое составляющее информации фразеологизма и составляет

особенность его языковой функции. Образная форма фразеологизма вызывает в памяти связь языковых и культурных смыслов.

Следует отметить, что теоретические основы фразеологической системы таджикского языка формировалась под непосредственным влиянием научных идей академика В.В.Виноградова и Н.М.Шанского. В целом принимая сложившиеся теоретические основы таджикской фразеологии, хотелось бы отметить, что нами признается классификация Н.М.Шанского, который в число фразеологизмов включает пословицы, поговорки и крылатые выражения. Любовь таджикского народа к классической таджикско-персидской литературе и ее назидательный характер склоняет нас, вслед за Н.М.Шанским, рассматривать крылатые выражения (в таджикском языке в большинстве в поэтической литературе) как разновидность фразеологизмов.

Анализ фразеологизмов с компонентами «добро» и «зло» выявил что, не смотря на принятую дихотомию, зло и добро не симметричны и неравноценны. Семантическое поле имеет особую структуру: ядро – центр – периферия. Для ядра характерна максимальная концентрация полеобразующих признаков, и неполный набор этих признаков при ослаблении их интенсивности на периферии. Рассмотрение имени поля «добро/зло» с точки зрения критериев выбора имени поля, имени ядра, позволяет считать, что именем изучаемого семантического поля, составляющим его ядро, являются первые ЛСВ слов добро и зло. Ядро семантического поля составляют семантические доминанты и их важнейшие производные неки - добро - производные **НЕККИРДОРӢ НЕКМАНЗАРӢ НЕКМАНИШӢ**, **БАДӢ** - зло —> производные **БАДКИРДОРӢ, БАДНАМОӢ** и др.

В большинстве случаев, посредством фразеологизмов с компонентом «добро» дается физическая, физиологическая, психологическая, духовно-

нравственная характеристика человека. Во фразеологизмах с компонентом «зло» в подавляющем большинстве присутствует метафорическое осмысление свойств человека, при помощи сравнения с мифологическими существами – представителями «зла» в априори, и животными, наделенными такой характеристикой как «злость».

Фразеологизмы, включающие в себя оба компонента, передают представление о ценностях и о важности, значимости «добра». Тем самым подтверждая то, что «добро» является наиважнейшей составляющей нравственной картины мира.

ФЕ, демонстрирующие тесную взаимосвязь добра и зла и свидетельствующие о невозможности существования добра без существования зла при некотором доминировании добра, свидетельствует о таджикском языковом сознании, при которой зло - это несовершенство добра, или его отсутствие. Основным признаком в данных фразеологических оборотах служат суждения о добре и зле. Добро и зло – совершенно противоположны и не совместимы: *Ба некӣ – некӣ, ба бадӣ – бадӣ – добру – добро, злу – зло, аз бад – касофат, аз нек – шарофат – от зла – беды, от добра – процветание, бадӣ некӣ ҳам дорад - у зла есть добро*. Во многих фразеологических оборотах приводятся рассуждения о влиянии людей с признаками зла. В менталитете таджикского народа, прежде всего, ярко выражена тенденция ограждения от зла в любом его проявление, что достаточно выражено через фразеологизмы: *Ҳар, ки бо бадон нишинад, некӣ набинад – кто со злыми водится не увидит добра, Аз бадон бад шавад, зи некон нек – от злых получишь зло, от добрых добро*. Достаточно высока вера в то, что положительные черты человека находят в прямой зависимости от того, чего он больше совершил: *Ҳар касе нек мекунад, е бад, Неку бад ҳарчӣ мекунад, ебад - кто совершает добро или зло, будет обладателем того, что сделал, добро вознаграждается добром, зло – злом*. Особое внимание в языковой картине мира таджиков уделяется различению

добра и зла: *Хубиро аз бади фарқ кардан даркор* - добро следует отличать от зла. Из немногочисленных примеров ясно, что добро и зло в языковой картине таджиков противопоставлены и одно без другого существовать не может, это в полной мере соотносительные явление, их противопоставлении в едином фразеологизме служит подтверждением того, что одно познается через дрягое.

Ядро семантического поля для концепта добро составляют фразеологизмы, имеющие значения: «положительное», «хорошее», «полезное», «нравственное», «противоположное злу»: *Кори нек бисер бошад, беҳ – хороших дел должно быть много. Забони хуш морро аз хонааш берун оварад - Перед вежливостью все двери открываются. Накӯй – хислати мардон бошад - Красив и тот, кто красиво поступает. Бо нек ба некӣ бикӯш – с добрыми поступай по доброму.*

Добро - это нормативно-оценочная категория нравственного сознания, с помощью которой человек оценивает свои поступки. В истории этики смысл концепта трактуется по-разному: идея добра связывается с отображением требований человека к окружающему миру; «добро» есть не что иное, как некий регулятор человеческих отношений. Идея «добра» в философии связывают со свободной волей человека и духовным мировосприятием личности. Во-первых, под «добром» подразумевается объективная характеристика предмета с точки зрения эмоционального одобрения; во-вторых, «добро» отражает положительные нравственные качества человека, отраженных в его поступках. Вловицах русского народа «добро», являясь источником радости и света, всегда противопоставлено «злу».

Концепт «Добро» исследуется на материале более 100 фразеологических единиц, пословиц, поговорок и крылатых выражений. На основе семантического анализа представленного нами материала определены

семантические признаки ФЕ, на основе которых выделены различные группы. Основными из них являются следующие:

Добро проявляется в добрых делах:

Кори нек бисер бошад, беҳ – Добрых дел чем больше, тем лучше.

Добро проявляется даже в добрых словах:

Сухани некӯ сайеди дилхост – доброе слово – охотник за сердцами. Ба гапи нағз мор аз хонааш мебарояд – Красноречие выманит змею из логова. Смысл данной пословицы заключается в том, что сладкие слова могут обмануть даже змею. Пословица используется, когда речь идет о силе слова и хороших отношений. В таджикском языке также используется несколько измененная форма данной пословицы: *Забони хуш морро аз сӯрох берун меоварад – Добрая речь вытащит змею из норы. Забони хуш моро аз сӯрох берун оварад - Мягкий ответ охлаждает гнев. Забони хуш морро аз хонааш берун оварад - Перед вежливостью все двери открываются.*

Добрый человек –надежный человек:

Накӯй – хислати мардон бошад – Доброта – черта характера настоящих мужчин. Накӯй – хислати мардон бошад - Красив и тот, кто красиво поступает.

Добро всегда возвращается добром:

Гар дихӣ нек, нек пеш оранд – Сделал добро – добро вернется. Хубӣ аз ду чониб - Услуга за услугу.

Доброта как внутреннее качество человека:

Аз бад касофат, аз нек шарофат - От злого неудача, от доброго – слава.

Бо нек шинӣ, нек шавӣ, бо дег шинӣ сиёҳ шавӣ - С кем поведёшься, от того и наберёшься

Концепт «Добро» во многих фразеологических единицах объективируются вместе с концептом «зло». Семантический анализ данных единиц позволил нам выделить следующие группы.

Добро вознаграждается добром, зло – злом:

Гар дихӣ нек, нек пеш оранд, в-ар кунӣ бад, бадӣ нигах доранд –если творишь добро, вернется к тебе (добро), если творишь зло – жди зла.

Аз амали нек нек мерасад, аз амали бад бад, аз некӣ некӣ бинӣ, аз бадӣ бадӣ – от доброго поступка добро вернется, от злого – зло, от добра жди добра, от зла – зла. Хубро аз бад фарқ кардан - Он себе на руки топора не уронит

Добро и зло связаны с характером человека:

Аз бадон бад шавад, зи некон нек - От злого – зло, от доброго – добро.

Баду некӣ ба чои душману дӯст – Добро и зло как друг и враг. Бади доно зи неки нодон беҳ – злой умный лучше доброго глупого. Ҳар ки бо бадон нишинад , некӣ набинад - Связался с чертом, пеняй на себя.

Добро ценнее зла:

Ба некномӣ мурдан беҳ, аз ба бадномӣ зистан – Лучше умереть с добрым именем, чем жить с плохим. Хубро аз бад фарқ кардан- отличай добро от зла. Добро сильнее зла (Онон ки зи неки бад писанд дидаханд, надонам зи неки чи бад дидаханд – те, кто предпочитают добру зло, не ведомо мне, какое зло они видят в добре). Бадӣ некӣ хам дорад - Нет худа без добра.

Часто добро и зло “примеряется” на животных с характерными для них признаками: *Ба аспи нағз як қамчин, ба аспи бад сад қамчин – Хорошему коню – одна плеть, плохому – сто).*

Как видно из приведенных примеров, наблюдается противопоставление признаков, в которых, за редким исключением, утверждается сила добра над злом, хотя прозрачно то, что добро познается через зло: отсутствие добра есть зло.

Итак, мы рассмотрели понятийную составляющую концепта «Добро» на материале фразеологической системы. Фразеологизмы дают полную картину этического представления о добре в языковой картине таджикского

народа. Согласно положениям, изложенным в данной статье, мы пришли к выводу, что фразеологическая система языка является частью выражения языковой картины мира. Характерной особенностью фразеологизмов рассматриваемого концепта, как и любого другого, является его антропоцентризм и национально-культурная специфика. В рамках языковой картины мира фразеологизмы отражают общечеловеческие культурные представления о мире, они становятся источниками общих сведений о культуре этноса, реализаций национального характера и основных культурных ценностей. «Добро» в сознании таджикского народа представляется важнейшим понятием, раскрывающим его оценочное действие по отношению к самому себе и другим людям. Исследование выявило лингвокультурную модель концепта «добро», которая позволила учесть образную, ценностную и понятийную составляющую концепта.

Семантическое поле зла охватывает все «дурное», «вредное», «плохое», «безнравственное», «противоположное добру». «нечто дурное, вредное, противоположное добру»: вред; беда, горе; несчастье; напасть, беда, испорченная жизнь; неприятность; отчаяние; гнев, злое чувство; досада; грех, соблазн, искушение; вражда, месть; ложь; обида; вина; лукавство. Если несколько абстрагироваться от понятия зла, то всю семантику можно вместить в определение досадить кому-нибудь посредством тех средств, которые перечислены выше. В анализируемом нами материале следует отметить фразеологизмы, которые констатируют, что зло обратимо: *Бад бошад сазои баркирдорӣ* – зло получишь за злодеяние; зло разрушает: *Аз бад кардан бипарҳез, ки ҷазои он дар пеш аст*; зло порождает зло: *Аз бад некӣ чаши набояд дошт*; зло обманчиво: *Бад бад аст арчи некдон бошад*; зло проявляется в отрицательных поступках, мыслях и словах человека: *Бад мақуну бад маяндеш, то туро наеяд пеш. Гар диҳӣ нек, нек пеш оранд, в-ар кунӣ бад, бадӣ ниғаҳ доранд*; зло проявляется в виде отрицательных черт характера человека *Агар бад кунӣ, чаши некӣ мадор*.

2.3. Лексическая объективизация концепта ДОБРО/ЗЛО в китайских словарях

Исследования системы языка на основе полевой модели стали важным и уже достаточно оформившимся направлением общей лингвистики. Сун Чансю в своем труде «Лексика китайского языка» указывает, что хотя изучение лексики китайского языка имеет длительную историю, тем не менее лексикология как самостоятельная научная дисциплина сложилась сравнительно поздно. На протяжении многих столетий изучение словарного состава китайского языка, если не считать работ по составлению словарей, проводилось в древнем и средневековом Китае в рамках такой отрасли филологии, как схоластика. Это наука занимается толкованием древних слов, выяснение их значений или просто путем перевода, или путем описания предметов и явлений, существовавших в древности, но потом забыты или изменившихся не было, естественно, работ посвященных основным проблемам лексикологии, не было и специальных исследований, призванных дать описание лексико-семантических систем китайского языка. Собственно лексикологических работ начинают появляться лишь в XX в., главным образом во второй половине столетия.

Опубликовано на страницах лингвистических журналов Китая в 50-60-е годы. В современном китайском лингвистической литературе такие понятия как слово, лексика, словарный состав, соответственно обозначают терминами. Основным разделом лексикологии также получил терминологические обозначения: словообразования - 构词法 *goucifa*, семасиология - 此医学 *ciyixue*, фразеология - 属于 *shuyu*, лексикография - 词典学 *cidianxue*. Слово и фразеологизм китайского языка - это сложная и вместе с тем весьма подвижная система разнообразных средств, существующих и развивающихся по своим собственным законам. Число слов китайского

языка является одним и богатейших языков мира. Огромное лексическое богатство китайского языка наглядно показывают следующие данные. В словаре «Чжуншан цыдянь» (红杉词典 *Zhongshan da cidian*) предположительно будет включено свыше шестисот тысяч слов и фразеологизмов. Основная закономерность развития лексики китайского языка, как и любого другого языка, - это постоянно пополнение словарного состава. И хотя в языке происходит встречный процесс, который характеризуется исчезновением определенного числа лексических единиц, это не изменяет существенные образы наиболее общие - тенденции развития лексических систем китайского языка. Китайский народ на протяжении нескольких тысячелетий создавая и совершенствуя словарный состав и фразеологических фон своего языка. Ныне лексико-фразеологическая система китайского языка, пройдя длинные и сложные пути развития, представляет собой широчайшую и в свое род неповторимую область структурно-семантических и функционально-стилистических факторов явлений, представляющий большой интерес для лингвистической науки.

Обычно слово представляет собой систему различных типов лексических значений, в совокупности формирующую смысловую структуру. Лексические значения слова, будучи внутренне связаны между собой, образуют целостное единство. Семантическая структура слова отличается большой сложностью. Вследствие сложности смысловой структура слова, вследствие многообразия его соотношении живых взаимодействий с другим лексическим звеньями языковых систем бывает очень трудно разграничить и передаются все значения и оттенки слова. Тем не менее в соответствии с присущими словами смысловыми свойствами и особенностям можно выделить основные типы лексических значений. Прежде всего обычно выделяют предметно-логическое значение, составляющее основное понятийное ядро слова. Наконец, иногда выделяют

значение, обусловленного фразеологическим связям слов с другим лексическими единицами, а также называемое переносно-метафорическое значение. Так, например, поступает И. В. Арнольд, исследуя семантическую структуру слова на материале английского языка. Данный подход к описанию языковых явлений представляется плодотворным, поскольку помогает раскрыть системные связи и системную организацию языка на всех его уровнях. Предметом исследования в данной статье является лексическое множество - семантическое поле. «Поле - совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [Большой энциклопедический словарь. Языкознание, 1998:380]. Семантическое поле представляет собой способ отражения объективной реальности, сложной системы взаимосвязей ее объектов. Единицами семантического поля являются слова, которые на основе общего значения объединяются в лексико-семантические группы. Этот семантический признак является общим для всей группы.

Семантическое поле в лексике и семантике - объект достаточно изученный, чаще его определяют как множество слов, покрывающих определенную область человеческого опыта, и, следовательно, связанных по значению. Проводимые исследования дают возможность представить систему языка как совокупность полей, имеющих многоуровневый характер. Исследованиями в русле теории семантических полей занимались и занимаются российские и зарубежные лингвисты: А.А. Потебня, М.М. Покровский, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, В.И. Кодухов, Э.В. Кузнецова, М.Д. Степанова, Л.М. Васильев, А.А. Уфимцева, Р. Мейер, Ш. Балли, Г. Ипсен, Й. Трир, Л. Вейсгербер, В. Порциг, Г. Мюллер.

Среди исследователей, работы которых имели серьезное значение для развития теории семантического поля следует назвать Й. Трира и Г. Ипсена, которые впервые в первой половине XX века ввели данное понятие

[Кронгауз, 2001:158]. По определению Г.Ипсена семантическое поле – это «совокупность слов, обладающих общим значением» [Ipsen,1924: 225]. Заметный вклад в развитие данной теории внёс немецкий лингвист Л. Вейсгербер, а также следовало бы назвать имена Г. Ипсена и В. Порцига.

Изучение семантических полей в сопоставительном плане позволяет сравнить словарные множества разных языков, отображая их сходства и своеобразие. В результате ввиду того, что одно и то же понятие выражается в различных языках по-разному, определяется национальное своеобразие языка. Подобные исследования не обходятся без привлечения экстралингвистических факторов.

По определению Вендиной Т.И. «Семантическое поле - это совокупность языковых единиц, объединённых общностью значения и представляющих предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Вендина, 2005: 216]. Элементы, имеющие семантическую общность и связанные между собой системными отношениями, образуют поле. Самыми значимыми в описании семантического поля являются два понятия: интегральный и дифференциальный признаки. Для всего поля определяется конституирующий смысл, общий для всех слов данного поля, который и называется интегральным семантическим признаком.

С развитием теории семантического поля в нем стали выделять центральную и периферическую части. Ядро заключено в главном слове и представляет собой наиболее употребительные и функционально нагруженное слово, оно представлено родовой семой или гиперсемой (семантический компонент, который организует семантическое развёртывание поля). Центр поля состоит из единиц, имеющих интегральное с ядром значение. Периферия поля включает единицы, наиболее удалённые в своём значении от ядра. В периферии находятся маргинальные единицы, часто с контекстуально обусловленными значениями [Денисов, 1948:23-42].

Но провести границу между ядром и периферией чаще всего является сложной процедурой. Поэтому элементы одного поля (особенно периферийные) могут входить в другое поле.

Нами с позиции семантического поля исследовано достаточно широко представленное в языках мира, в том числе и в китайском языке, ЛСП **善 shan/НЕКИ**. В китайской языковой картине мира значимость бинарных оппозиций нравственно-этического порядка (добро – зло, истина – ложь, высокое – низменное) обусловлены культурой народа, его восприятием и соблюдением нравственных традиций, стремлением народа к оценочным ориентирам с целью определения своего отношения к тому или иному явлению. По определению В.И. Горелова, концепт **善 shan - Добро** относится к духовному коду культуры. Он изначально аксиологичен, «пронизывает всё наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру» [Горелов, 2000: 400]. Специфичность этого понятия заключается в том, что, во-первых, оно находится на стыке предмета изучения различных областей знаний, таких как философия, психология, этика, эстетика, семантика и других. И каждая отрасль знаний по-разному трактует это понятие. Так, например, в эстетике **добро** рассматривается как наивысшая ценность. В философии **добро** и **зло** определены как две антагонистические экзистенции и нерасторжимое единство бытия. В лингвистике добро представлено множеством лексических единиц, синонимическим рядом и антонимическими парами. Во-вторых, **добро** практически во всех языках представлено как наивысшая этическая ценность («**положительное начало в нравственности**» [Толковый словарь русского языка, 2000:752], «**всё положительное, хорошее, полезное**» [Ожегов, 1986:145]). Слово **добро** в любом контексте употребляется как «исключительно модальное, оценочное,

прескриптивное, т.е. выражает позитивное отношение реального или предполагаемого субъекта к объекту».

Лексико-семантическое поле *добра* охватывает в языке лексемы с разными грамматическими и лексическими характеристиками, с разной частотностью употребления и валентностью. Как правило, самую большую группу в языках представляют имена существительные и имена прилагательные. В объеме данного ЛСП можно выделить следующие группы слов:

слова, характеризующие нравственно-этические чувства - 善意

shan yi, 恩情 *en qing*, 恩惠 *en hui*, 好心 *hao xin* - **Доброта**; 人情味 *renqingwei* -

Доброта характера;

良 *liang*, 美好好 *mei hao*, 良善 *liang shan* - **хороший**; 2. в знач. *сущ.* 好人

hao ren - **Хороший человек**; 我倾向于相信他是好人 – *wo qing xiang yu xiang*

xin ta shi hao ren – **Я склонен верить, что он хороший человек**; 心意 *xinyi* –

хорошее отношение; 这是我的一点儿心意 - *Zhe shi wo de yi dianr xin yi* - **Это**

лишь небольшой символ моих теплых чувств; 日行一善 - *Ri xing yi shan* –

Каждый день делать одно хорошее дело.

慈悲 - *ci bei*, 善心 – *shan xin*, 慈恩 - *ci en* - **Милосердие**; 大恩大德 – *da*

en da de – **Великое милосердие**; 面善心恶 - *mian shan xin e* - **Добрый**

снаружи, злой внутри; 你可以得到恩典和救贖 - *ni keyi dedao endian he*

jiushu - **Есть милосердие и прощения для вас**;

哀感 *ai gan*, 同情心 *tong qing xin* – **Сострадание**; 爱怜 *ai lian* -
Сострадание;

祥和 *xiang he*, 善良 *shan liang* – **добросердечный**; 好心人 *hao xin ren* -
добросердечный человек; 他很祥和 *ta hen xiang he* – **он очень**
добросердечный;

слова, выражающие оценку качества или действия - 善 *shan*, -
Хороший; 行善 *xing shan* – **БЫТЬ милосердным**, 慈善家 – *ci shan jia*
Благотворитель; 良师益友 *liang shi yi you* – **Добрый наставник и**
надежный друг; 好朋友 *hao peng you* - **Хороший друг**; 好心肠人 *hao*
xinchang ren - **Добродушный человек**; 慈祥 *ci xiang*, 温厚 *wen hou* –
Добрый; 我十分怀念那位慈祥善良的老师 *wo shi fen huai nian na wei ci xiang*
shan liang de lao shi – **Я очень тоскую по этому отзывчивому и доброму**
учителю; 为人温厚 *wei ren wen hou* – **Добродушный человек**; 好 *hao*
Добрый, хороший; 好人好事 *hao ren hao shi* - **Добрые дела**; 好心 *hao xin* –
Добрые намерения; 好话 *hao hua* - **Доброе слово**;

Одна из задач лексической семантики состоит в описании системы лексических значений. Современная лингвистика предоставляет в распоряжение исследователя разнообразные методы и приёмы системно-структурного анализа семантики языка. Одной из форм решения этой задачи

является описание отдельных семантических полей. В работу лингвистов разных стран прочно вошли в настоящее время понятие и термин «поле».

Под семантическим полем нами принято считать совокупность лексических единиц, объединенных общностью содержания или единством интегральных сем, и наличием дифференциальных признаков.

По внутреннему содержанию добро и зло представляют собой антонимичное содержание, каждое из которых определяется через другое: мы понимаем зло, поскольку имеет представление о добре. В китайском языке используются слова «善 *Shàn* добро» и «恶 *è* зло», которые, как и в любом другом языке, обозначают положительные и отрицательные ценности: «善 *Shàn* добрый» значит хороший, «恶 *è* злой» - плохой. В китайском языке добро и зло понимается в относительном и абсолютном смысле: в первом - приятное и полезное, ценное ради чего-то другого, в другом добро представлено как ценное само по себе. В абсолютном значении добро – это моральное, этическое понятие. Оно выражает положительное значение явлений или событий в их отношении к высшей ценности к идеалу. Зло – понятие разрушительное, деструктивно, содержит все, что противостоит добру.

В Большом толковом словаре китайского языка понятие «善 *Shàn* добро» трактуется как 尽量不要做不公正的事并帮助他人 *Jǐnliàng bù yào zuò bù gōngzhèng de shì bìng bāngzhù tā rén* - **Стараться, не совершать несправедливости и помогать другим** [Большой словарь китайского языка/ Гл. ред. Ло Чжунфэн (罗竹风). Т. 1-12. Шанхай, 1986—1993: 160], а понятие «恶 *è* зло» - 出于道德原因做出不良行为或意图伤害他人 *Chū yú dàodé yuányīn zuò chū bùliáng xíngwéi huò yìtú shānghài tā rén* - **Действовать плохо по моральным понятиям или намерено вредить другим лицам** [Большой

словарь китайского языка / Гл. ред. Ло Чжунфэн. Т. 1-12. Шанхай, 1986—1993: 190]. Опираясь на дефиниции, предлагаемые различными толковыми словарями, в данной работе под добром мы будем понимать наиболее общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности. Зло рассматривается нами как наиболее общее оценочное понятие, обозначающее отрицательный аспект человеческой деятельности, то, что подлежит ограничению и преодолению и является противоположностью добра.

При анализе единиц семантических классов поля «добро/зло» Ся Чжунъи выделяет следующие разряды лексики: «1) класс единиц с общей этической оценкой; 2) класс обозначений этической оценки с точки зрения «истинности/лжи»; 3) класс обозначений этической оценки с точки зрения отношения к долгу; 4) класс наименований, характеризующий этические отношения людей в обществе; 5) класс наименований, обозначающих специфическую характеристику личности» [Чжоу Югуан, 1989: 376].

Для выявления лексических единиц семантического поля «善 *Shàn* добро» и «恶 *è* зло» были использованы 3 словаря:

1. Цыюань 辞源 «Источник слов». Первое издание 1915 г.

2. Цыхай 辞海 «Море слов». Первое издание 1936 г.

3. Чжунвэнь да цыдянь 中文大辞典 Большой словарь китайского языка в 38 томах и приложения в двух томах [Чжоу Югуан, 1989: 376]. Привлечение указанных словарей дает возможность выявить достаточно широкий круг лексических единиц, входящих в данное семантическое поле. Данные единицы не являются однородными ни по своей частеречной принадлежности, ни по функциональным характеристикам. Они могут также

выражать оттенки значения общего понятия. Все это свидетельствует о сложной структурной организации анализируемого семантического поля.

Как мы уже отметили выше, структурно семантическое поле функционирует по двум срезам - вертикальному и горизонтальному. Вертикально строение семантического поля представлено ядерно-периферийной организацией конститuentов, входящих в поле. На периферии располагаются стилистически маркированные лексемы и или же лексемы с близким значением, отличающиеся дифференциальным признаком, например: 亲切 *qīnqiè* - **Сердечный, радушный**; 美德的模式 *měidé de móshì* - **Образец добродетеля**. Горизонтальное сечение семантического поля утверждает распадение общего значения на два семантических микрополя, представленное антонимичными микрополитическими парами - «善 *Shàn* добро» и «恶 *è* зло». Микрополя обслуживаются комплексом лексических единиц разной частеречной принадлежности, которые выступают компонентами семантического поля в целом. В структуру семантического микрополя «善 *Shàn* добро» входят единицы, номинирующие различные нюансы общего понятия «善 *Shàn* добро»: дружелюбие, сердечность, душевная теплота, готовность помочь и некоторые другие.

В структуру семантического микрополя «恶 *è* зло» входят лексические единицы, определяющие оттенки понятия «恶 *è* зло» злонамеренность, подлость, коварство, низость, озлобление и некоторые другие. Конституенты семантического микрополя «恶 *è* зло» различны по своей частеречной принадлежности. Таким образом, каждое семантическое микрополе рассматривается нами как совокупность лексико-семантических: ЛСГ

существительных, ЛСГ прилагательных, ЛСГ глаголов со значением добра и зла.

В отношении концепта «善 *Shàn* добро» основным семантическим элементом центра микрополя является архисема «善 *Shàn* добро». В словаре «Чжунвэнь да цыдянь 中文大辭典 Большой словарь китайского языка в 38 томах и приложения в двух томах характеризует слово «добро» следующим образом:

«1) 善 *shàn*, 善事 *shànshì*, 好事 *hǎoshì* - добро и зло;

我是为您好 *Wǒ shì wèi nín hǎo* - Я хочу вам добра;

对人做好事 *Duì rén zuò hǎoshì* - Делать добро людям;

善有善报 *Shàn yǒu shàn bào* - За добро платить добром;

别人的东西 *Biérén de dōngxī* - Чужое добро;

1) в знач. сказ. безл. 好 *hǎo* – добро, хороший

善与恶 *Shàn yǔ è* - добро и зло

真善美 *Zhēnshànměi* - истина, добро и красота

愿...好 *Yuàn...hǎo* - желать ~а кому

对人民做许多好事 *Duì rénmín zuò xǔduō hǎoshì* - сделать много ~а народу

以怨报德 *Yǐyuàn bàodé* - заплатить злом за добро

记住...的好处 *Jì zhù...de hǎochù* - помнить чье добро

这不会有好结果 *Zhè bù huì yǒu hǎo jiéguǒ* - Из этого добра не выйдет

这事结果好不了 *Zhè shì jiéguǒ hǎo bùliǎo* - Не добром кончится это дело

有祸必有福; 塞翁失马, 焉知非福 *Yǒu huò bì yǒufú; sàiwēngshīmǎ, yān zhī fēi fú*-

Нет худа без добра

眼前有福享, 何必远处寻; 身在福中应知福 *Yǎnqián yǒufú xiǎng, hébì yuǎn chù*

xún; shēn zài fú zhōng yīng zhī fú - От добра добро не ищут

爱护公共财产 *Aihù gōnggòng cáichǎn* - беречь общественное добро

别人的东西 *Biérén de dōngxī* - чужое добро

这种东西白给我们也不要 *Zhè zhǒng dōngxī bái gěi wǒmen yě bù yào* - Такого

добра нам и даром не надо

准许起飞 *Zhǔnxǔ qǐfēi* - дать добро на вылет

生活富裕 *Shēnghuó fùyù* - жить в добре

不是好兆 *Bùshì hǎo zhào* - не к добру

这不是好预兆! *Zhè bùshì hǎo yùzhào!* - Это не к добру!

乡亲们至今还怀念着他的好处 *Xiāngqīnmen zhìjīn hái huáiniànzhe tā de*

hǎochù- Односельчане до сих пор добром его поминают

如果自己做那倒好了, 可是他都推给了别人 *Rúguǒ zìjǐ zuò nà dào hǎole, kěshì tā*

dōu tuī gěile biérén - Добро бы сам сделал, а то всё на других переложил

善良战胜邪恶 *Shànliáng zhànshèng xié'è* - добро торжествует над злом

为人民做好事 *Wéi rénmín zuò hǎoshì* - делать добро народу

别人的东西 *Biérén de dōngxī* - чужое добро

如果是出于无意倒好了, 可这完全是故意的好一个 *Rúguǒ shì chū yú wúyì dàohǎole, kě zhè wánquán shì gùyì de hǎo yīgè* - Добро бы нечаянно, а то совершенно нарочно.

他把自己装扮成啥啦? 好一个了不起的大人物! *Tā bǎ zìjǐ zhuāngbàn chéng shà la? Hǎo yīgè liǎobùqǐ de dàrénwù!* - И что он из себя строит? Добро бы важная птица!

表示好 *Biǎoshì "hǎo"*、*“善良 Shànliáng”*、*“美好 Měihǎo”* - добросердечие, добропорядочность, доброжелательный.

不会有好结果, 不会有好下场 *Bù huì yǒu hǎo jiéguǒ, bù huì yǒu hǎo xiàchǎng* - Добром не разделаешься [Чжоу Югуан, 1989: 376].

Следует особое внимание уделить синонимическому ряду, где доминантой является «善 *Shàn* добро». В китайском языкознании существуют различные взгляды на синонимию, что связано, прежде всего, с различным пониманием синонимов и связей слов в синонимическом ряду. В китаеведении существуют два критерия: стандарт значения и стандарт смысла.

В традиционной категории в основном используется обобщенный стандарт, определяемый синонимами в китайском исследовании. Синонимы включают в себя понятия «тождественные слова *děngyìcí* 等义词» и «близкие слова *jìnyìcí* 近义词». Синоним ограничен одним и тем же или почти одним и тем же лексиконом. Китайский исследователь Чэнь Цзе отмечает, что количество *等义词 děngyìcí* в современном китайском языке намного меньше, чем количество *近义词 jìnyìcí*, и, естественно, они обладают разной степенью значимости для языка. Поэтому *近义词 jìnyìcí* являются основой синонимов.

В русской традиции данная мысль выражена в зависимости от того, какие отношения выражают синонимичные слова: «синонимы по денотату, и синонимы по сигнификату». [Яхонтов, 1990:226-227] Первые определяли слова, которые называют один и тот же предмет, но выражают его по-разному: «мать *mǔqīn* 母亲» употребляется в письменной речи, «мама` *māma* 妈妈» - в разговорной речи. В китайской лингвистике они определяются как «тождественные слова *děngyìcí* 等义词». По сигнификату определены слова, у которых совпадает понятие, но различается предмет обозначения. В китайской лингвистике их называют «близкие слова *jìnyìcí* 近义词».

Ян Цзинь, ссылаясь на У Лина, отметил, что «синонимы должны быть набором слов (по меньшей мере двух слов) на одном языке, они должны обладать аналогичным смыслом, по крайней мере, в определенных терминах» [Чжоу Югуан, 1989: 376].

Тайбэй, представлен следующий синонимический ряд понятия «善 *Shàn* добро»: 善良 *Shànliáng* –доброта, 善良 *Shànliáng* – добросердечие, 奉獻 *Fèngxiàn* - самоотверженность [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 586]. В словаре мы находим такой ряд синонимов к понятию «善 *Shàn* добро»: 善良 *Shànliáng* –доброта, 善良 *Shànliáng* – добросердечие, 心灵的善良 *Xīnlíng de shànliáng* - доброта души, 善良的天使 *Shànliáng de tiānshǐ* - добрые ангелы [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 586].

Таким образом, в структуру семантического микрополя «добро» входят единицы, отмечающие дифференциальные признаки данного понятия: дружелюбие, сердечность, душевная теплота, готовность помочь и некоторые

другие. Элементы семантического микрополя «善 *Shàn* добро» различны по своей частеречной принадлежности.

Первая лексико-семантическая группа включает в себя существительные, служащие для выражения положительных качеств человека, направленных на проявление доброго отношения к другому лицу. Общей дифференциальной семой данной ЛСГ выступает компонент «качества характера». Например, 善良 *Shànliáng* – доброта, 善良的本性 *Shànliáng de běnxìng* - добродушие, 平静 *Píngjìng* - миролюбие, добродушие [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 586], 美德 *Měidé* - добродетель, 有礼貌 *Yǒu lǐmào* - добродетель, благонравие [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 582], 尽责 *Jìnzé* - добросовестность [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 588]. Дифференциальная семантика при этом оказывается тесно связанной с общим интегральным значением «善 *Shàn* добро», номинируя при этом лишь разницу в аспектуальных характеристиках общего понятия (абстрактность/качества характера). Этот факт позволяет говорить об отнесенности анализируемой ЛСГ к ядерной зоне семантического микрополя «善 *Shàn* добро».

Вторую лексико-семантическую группу микрополя «善 *Shàn* добро» образуют в китайском языке существительные, служащие наименованиями процесса. В данном случае, общей дифференциальной семой ЛСГ выступает компонент «процесс». Например, 仁 *Rén* – доброжелательство, 好事 *Hǎoshì* -

доброе дело, 感激 *Gǎnjī* - благодарность, признательность [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 575].

Третью по численности лексико-семантическую группу образуют имена существительные, значение которых связано с интенсивностью выражения добрых чувств. Например, 诚意 *Chéngyì* - искренность, задушевность, сердечность, 温暖 *Wēnnuǎn* - душевная теплота, 奉献 *Fèngxiàn* – самоотверженность, 礼貌 *Lǐmào* - любезность, одолжение [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 572]. Данные лексические единицы связаны с интегральной семой «善 *Shàn* добро», но не являются основными, специализированными. Таким образом, единицы, относящиеся к данной ЛСГ, находятся на периферии семантического микрополя «善 *Shàn* добро».

Четвёртую лексико-семантическую группу микрополя «善 *Shàn* добро» образуют в китайском языке существительные, основным семантическим компонентом которых выступает значение, которое может быть сформулировано как «лицо, совершающее какое-либо действие», в нашем случае, «лицо, совершающее добрые дела, по доброй воле». Например, 美德的模式 *Měidé de móshì* - образец добродетели, 志愿者 *Zhìyuàn zhě* - доброволец. Общее значение «добра» выражается в указанных лексических единицах достаточно полно, его дифференциация происходит за счет включения дополнительного компонента, указывающего на лицо-деятеля.

Прилагательные анализируемого семантического микрополя составляют вторую по численности лексико-семантическую группу. На основании дифференциальных сем, реализующих интегральную сему «признак предмета / действия», все прилагательные исследуемого

семантического микрополя можно разделить на две подгруппы: прилагательные, служащие определениями к существительным и характеризующими доброе, положительное отношение. Общей категориальной семьей данной ЛСГ выступает компонент «善 *Shàn* добро». Например, 好 *Hǎo de* – хороший, добрый, 善良 *Shànliáng* – добрый, добросердечный, благосклонный, 心地善良 *Xīndì shànliáng* - добродушный, 睦邻友好 *Mùlín yǒuhǎo* - добрососедский [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 570], 种类 *Zhǒnglèi* - готовый к услугам, любезный, доброжелательный, добродушный, по доброй воле, добровольно, 种类 *Zhǒnglèi* - добрый, добросердечный. К двусоставным прилагательным относятся в данной ЛСГ следующие: 善良 *Shànliáng* - добрый, добросердечный [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 571], 很亲切 *Hěn qīnqiè* - очень добрый, душевный.

Вторая ЛСГ представлена прилагательными с общей дифференциальной семьей «добро». Например, 仁慈 *Réncí* -доброжелательный, 有德的 *Yǒu dé de* - добродетельный, 认真的 *Rènzhēn de* - добросовестный, 心甘情愿 *Xīngānqíngyuàn* - по доброй воле, 感激的 *Gǎnjī de* – благодарный [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 572]. Коннотативная маркированность единиц данной ЛСГ, выраженная стилистическими пометами, позволяет отнести следующие лексемы к периферийной зоне анализируемого микрополя: 亲切 *Qīnqiè* - сердечный, радушный, 心甘情愿 *Xīngānqíngyuàn* - по доброй воле, 最善良的 *Zuì shànliáng de* - добрейший,

милосердный, 批准 *Pīzhǔn* – одобрительный, 亲切 *Qīnqiè* - [Большой китайско-русский словарь, 1962: 220]; обладающий значением наличия признака при характеристике склонностей и свойств человека: 有德的 *Yǒu dé de* - добродетельный, 认真的 *Rènzhēn de* - добросовестный.

Особенность семантической структуры глаголов состоит в том, что выделяется общая категориальная сема «действие, процесс», реализуемая в различных интегральных семах, которые в конкретизируются в ряде дифференциальных признаков «одобрять», «благодарить», «платить добром», «быть благодарным», «благоприятствовать». Таким образом, семантическая структура глаголов исследуемого микрополя разнообразна, что позволяет разделить глагольные единицы микрополя «善 *Shàn* добро» на несколько подгрупп:

глаголы, объединенными на основании общности дифференциальной семы – «благодарить»: 以善意报答 *Yǐ shànyì bàodá* - отплатить добром, 谢谢 *Xièxiè* - благодарить, 心怀感激 *Xīnhuái gǎnjī* - быть благодарным [Большой китайско-русский словарь, 1993: 229]; глаголы, объединенные интегральным признаком – «процесс одобрения» и дифференциальной семой – «благоприятствовать». 批准 *Pīzhǔn* – «одобрять, санкционировать» [Большой китайско-русский словарь, 1962: 309]; 青睐 *Qīnglài* – «благоприятствовать, быть благосклонным, одобрять».

Семантическое микрополе «зло»

Основным семантическим элементом центра микрополя является архисема «зло». В словаре «Цюань 辞源 «Источник слов». Первое издание 1915 г.» представлен следующий синонимический ряд понятия «зло»: 恶意

Èyì – злоба, 卑鄙 Bēibǐ – подлость, 仇恨 Chóuhèn – ненависть, 狡猾 Jiǎohuá – хитрость, 欺骗 Qīpiàn – обман, 丢人现眼 Diūrén xiànyǎn – позор, 厌恶 Yànwù – мерзость [Большой китайско-русский словарь, 1962: 67]. В китайском словаре кроме некоторых выше названных единиц мы находим такой ряд синонимов к понятию «зло»: 邪恶 Xié'è – злодейство, 狗的愚蠢 Gǒu de yúchǔn – собачья глупость, 厚颜无耻 Hòuyánwúchǐ – наглость, 恶意言论 Èyì yánlùn – злобная речь, 仇恨倾向 Chóuhèn qīngxiàng – склонность к ненависти, 嫉妒 Jídù – зависть, 犯罪 Fànzù – злодеяние, 不忠 Bù zhōng – неверность [Большой китайско-русский словарь, 1962: 67]. Как видим, в структуру исследуемого семантического микрополя входят единицы, номинирующие различные нюансы общего понятия «**恶 è** зло»: злонамеренность, подлость, коварство, низость, озлобление и некоторые другие. Элементы семантического микрополя «**恶 è** зло» различны по своей частеречной принадлежности. Анализируемое микрополе представлено существительными, прилагательными и глаголами.

Имена существительные составляют ядро семантического микрополя «**恶 è** зло». Рассмотрев группу лексических единиц, составляющих синонимический ряд, можно сделать вывод о том, что существительное «**恶 è** зло» будет являться индифферентным синонимом, то есть базовой, обобщенной доминантой микрополя, так как именно она наиболее употребительна и не имеет сужающих ее значение дифференциальных семантических признаков. В зависимости от наличия дифференциальных признаков, конститuentы микрополя «**恶 è** зло» можно разделить на пять

лексико-семантических групп: «качества характера», «процесс», «интенсивность выражения отрицательных (злых) чувств по отношению к другому лицу», «лицо, совершающее злые дела» и «зло»:

1) значение связано с интенсивностью выражения негативных (злых) чувств: 恶意 Èyì - злоба, 愤怒 Fènnù - злость, злоба, 愤怒 Fènnù - ярость, 恶意 Èyì - злопыхательство, враждебность, злоба, 威胁 Wēixié - угроза, опасность, 欺骗 Qīpiàn - злость, злоба, коварство, 愤怒 Fènnù - гнев, 苦味 Kǔwèi – озлобление [Черникова, 2018: 56]. Отражением негативных чувств, злобы по отношению к другому человеку служат существительные: 愤怒 Fènnù - гнев, 愤怒 Fènnù - ярость, 欺骗 Qīpiàn - коварство, 潜在的恶意 Qiánzài de èyì - скрытая злоба, злость, затаённый гнев озлобление [Черникова, 2018: 56];

2) существительные, служащие для выражения отрицательных качеств человека: 卑鄙 Bēibǐ - низость, подлость, 卑鄙 Bēibǐ - подлость, 狡猾 Jiǎohuá - коварство, хитрость, вероломство [[Черникова, 2018: 56]. Единицы, относящиеся к данной ЛСГ, находятся на периферии семантического микрополя «恶 è зло».

3) существительные, основным семантическим компонентом которых выступает значение «лицо, совершающее дела с отрицательным, негативным оттенком»: 残忍的 Cánrěn de - злока, дьявол, злой дух, 小人 Xiǎo rén - злодей, грешник, 心怀恶意的人 Xīnhuái èyì de rén - человек со злыми намерениями, злоумышленник, 刑事 Xíngshì - преступник, 恶棍 Ègùn - негодяй, подлец [Шеньшина, 2007: 119]. Общее значение «зла» выражается в указанных лексических единицах достаточно полно, его дифференциация

происходит за счет включения дополнительного компонента, указывающего на лицо-деятеля.

4) существительные, служащие наименованиями процесса: 恶意 Èyì - злонамеренность, 犯罪 Fànzù - злодеяние, преступление, 充满恶意的动作 Chōngmǎn èyì de dòngzuò - действие полное злого умысла, 恶意 Èyì - злонамеренность, 嘲弄 Cháonòng - издевательство, придирка, каверза [Шеньшина, 2007: 119].

5) лексические единицы с абстрактным значением «恶 è зло»: 邪恶 Xié'è - зло, вред, 邪恶的 Xié'è de - чертовщина, дьявольщина, 恶意 Èyì - зло, злонамеренность (высок), 混乱 Hǔnlùn - беспорядок, зло. Слова объединены не только категориальной, но и дифференциальной семьей, ввиду чего их можно отнести к ядерной зоне микрополя «恶 è зло». Периферию представляют поэтические слова, маркированные пометами 恶意 Èyì - зло, каверза [Шеньшина, 2007: 119].

Прилагательные лексико-семантического поля «恶 è зло» можно разделить на две группы:

1) прилагательные, служащие определениями к существительным и характеризующими злое, негативное отношение. Общей категориальной семьей данной ЛСГ выступает компонент «злой»: 邪恶 Xié'è - злой, злостный, коварный, 生气的 Shēngqì de - злой, сердитый, вредный, злобный, 恶意的 Èyì de - злобный, злостный, злой, 阴险 Yīnxiǎn - коварный, злобный, 怨恨的

Yuànhèn de - озлобленный, 残忍的 *Cánrěn de* - коварный, жестокий, дьявольский, сатанинский [Ошанин, 1983:110].

2) прилагательные с общей дифференциальной семой «злой, недоброжелательный». Например, 敌对的 *Dídùì de* - враждебно настроенный, недоброжелательный, 脾气不好 *Píqì bù hǎo* - дурно настроенный, не в духе, 恶毒的 *Èdú dí* - недоброжелательный, 没心情 *Méi xīnqíng* - не в духе [Ошанин, 1983:110].

3) Семантическая структура глаголов исследуемого микрополя позволяет разделить их на несколько групп:

1) глаголы, объединенные интегральным признаком – «злить, злиться»: 对某人怀恨在心 *Duì mǒu rén huáihèn zàixīn* - затаить на к-л злобу, 生气 *Shēngqì* - злить, сердить, раздражать, 感到生气 *Gǎndào shēngqì* - злиться, сердиться [Ошанин, 1983:110]. Глагол злить является базисным, доминантным элементом данной группы и находится в ядерной части всего семантического микрополя;

2) глаголы, объединенные на основании общности дифференциальной семы – «злословить»: 八卦 *Bāguà* - сплетничать, злословить, 诽谤 *Fěibàng* - злословить, 诽谤 *Fěibàng* - клеветать, злословить, 不友好 *Bù yǒuhǎo* - быть недоброжелательным [Ошанин, 1983:110]. С функциональной точки зрения все единицы являются стилистически маркированными, следовательно языковые единицы данной группы относятся к периферийной зоне семантического микрополя «恶 è зло».

Таким образом, семантическое поле «добро/зло» в современном китайском языке, относится к типу комплексных полей по следующим признакам:

- 1) имеет вертикальную структуру, представляющую собой центрально-периферийную организацию;
- 2) ярко выраженное горизонтальное сечение, обусловленное распадением поля на два микрополя «добро» и «зло»;
- 3) содержит в своем составе единицы разной частеречной принадлежности: существительные, глаголы, прилагательные, объединённые общими семантическими признаками «добро» и «зло».

Конституентами исследуемого в данной работе семантического поля «добро/зло» являются языковые единицы, объединенные общим семантическим признаком и имеющие неоднородную структуру в связи с наличием в структуре их значений дифференциальных семантических компонентов. Семантическое поле «добро/зло» в современном китайском языке представлено двумя антонимичными микрополями: микрополем «добро» и микрополем «зло».

2.4. Фразеологическая объективация концепта ДОБРО/ЗЛО в китайском языке

В Китае особое отношение к фразеологическому фонду. Использование устойчивых оборотов является показателем образованности носителя языка. По мнению исследователей фразеологии устойчивые сочетания являются живыми, яркими колоритными кусочками древнего наследия в современном китайском языке.

Изучение фразеологического пласта языка в китайском языкознании относится к началу 20 века. Серьезная попытка систематизации и

классификации фразеологизмов была предпринята 1915 году в словаре китайского языка «Цыхуэй» 辞源, Основные достижения в области изучения фразеологической системы относятся к 50-м годам прошлого столетия. Несмотря на это до настоящего времени проведенные исследования не позволили фразеологии сформироваться как самостоятельный раздел языка. Фразеология остается составной частью лексикологии и стилистики. Основным аспектом исследования представляется сбор и систематизация фразеологического фонда. Значительная работа проводится по составлению словарей, используя традиции и российских ученых. В этой связи следует упомянуть имена таких исследователей, как Вэнь Дуаньчжэн (温端政), Ма Гофань (马国凡), Ни Баюань (倪宝元), Чжан Чжигуна (张志公), Яо Пэнцы (姚鹏慈). Достаточно много внимания изучению китайской фразеологической системе уделяют исследователи за пределами Китая. Так, например, в России следует отметить работы таких известных китаистов, как И.В. Войцехович, В.И. Горелов, Н.Н. Коротков, Ю.Л. Кроль, А.М. Котов, А.А. Торопов, А.А. Хаматова и др.

Признанное определение фразеологической единицы (в китайской терминологии 熟语 Shúyǔ) дано в самой популярной интернет-энциклопедии 百度 : 熟语是习用的词的固定组合, 语义结合紧密、语音和谐, 是语言中独立运用的词汇单位, 它包括成语、谚语、歇后语和惯用语 Bǎidù : Shúyǔ shì xíyòng de cí de gùdìng zǔhé, yǔyì jiéhé jǐnmì, yǔyīn héxié, shì yǔyán zhōng dúlì yùnyòng de cíhuì dānwèi, tā bāokuò chéngyǔ, yànyǔ, xiēhòuyǔ hé guànyòng yǔ – «ФЕ – это постоянно используемая фиксированная комбинация слов, семантически связанная, фонетически согласованная, является

самостоятельной единицей языка, включает в себя ченьюи, пословицы и поговорки, недоговорки и идиоматические выражения». Данное определение перекликается с определениями фразеологизмов, встречающихся в работах российских фразеологов Н.Ф.Алефиренко [2009], О.С.Ахмановой [1966], В.В. Виноградова [1986], Н.М. Шанского [1996]) и др.

Известный российский синолог В.И. Горелов отмечает, что в современном китайском языкознании используется термин (熟语 shuyu) – «раздел языкознания, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии...фразеология реализуется как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах ее развития» [Горелов, 1984: 174]. Как отмечает Баранова, «дословный перевод термина 熟语 shúyǔ - «готовое речение». Он используется для номинации устойчивых словосочетаний, ФЕ в общем смысле» [Кун , 2007: 104].

В китаистике существуют классификации фразеологических единиц китайского языка, представленные как китайскими исследователями фразеологии, так и российскими специалистами китайского языка. Обобщив исследования в этой области, В.И.Горелов предлагает следующую структурно-семантическую классификацию:

1. «Фразеологизмы-словосочетания (фраземы)» делятся на:

1.1. 四字格 *sizige* («фразеологические выражения») – это фразеологизмы, которые представляют собой сочетания четырех иероглифов-слов, которые в свою очередь обладают собственными значениями.

1.2. «Фразеологические сочетания» – ФЕ, в составе которых один из компонентов содержит слово, обуславливающее ФЕ.

2. «Фразеологизмы-предложения» – это ФЕ, похожие по своей форме на предложения, обладают устойчивой структурой и устоявшимся неизменяемым лексическим составом» [Горелов, 1984: 175].

Он же предлагает функционально-стилистическую классификацию, где фразеологизмы распределены по стилям речи с точки зрения выполняемых ими функций с учетом прагматического аспекта:

- «фразеологизмы разговорного стиля;
- фразеологизмы публицистического стиля;
- фразеологизмы научно-технического стиля;
- фразеологизмы официально-делового стиля;
- служебные фразеологизмы» [Горелов, 1984: 175] .

Особо ценятся в китаистике работы 马国凡 Ма Гофана. Его взгляды на фразеологическую систему китайского языка изложены в работе 成语简论 *Chéngyǔ jiǎn lùn* («Очерки по фразеологии»), где и дана предложенная им классификация фразеологических единиц китайского языка, получившая признание в китаеведении. Им отмечены семь разрядов фразеологических оборотов:

1. 成语 *chéngyǔ* (чэньюй – готовые речения),
2. 俗语 *súyǔ* (поговорки),
3. 谚语 *yànyǔ* (пословицы),
4. 语后歇 *xǐhòuyǔ* (недоговорки – иносказания, речения с усекаемой концовкой),
5. 语用惯 *guànyòngyǔ* (привычные выражения),

6. 语敬 *jìngyǔ* (крылатые слова),

7. 言格 *gēyán* (афоризмы)» [Морган , 1999: 354].

С точки зрения соотнесенности с частями речи фразеологизмы разделяются на шесть основных групп:

- 1) вербативные (глагольные);
- 2) субстантивные;
- 3) адвербативные (адвербиальные);
- 4) адъективные;
- 5) междометные;
- 6) модальные.

Одним из основных типов классификации фразеологических единиц является их стилистическая маркированность, что распределяет их на три класса:

1. межстилевые;
2. разговорные;
3. книжные.

Другим известным исследователем китайской фразеологии является Вэнь Дунчжэн. Он в основном исследовал стилистические особенности китайских устойчивых сочетаний и выделяет два класса фразеологических единиц: в первый класс им включены фразеологические единиц разговорного стиля 谚语 *Yànyǔ* (пословицы), 歇后语 *Xiēhòuyǔ* (недоговорки-иносказания), 惯用语 *Guànyòng yǔ* (привычные выражения), 俗成语 *Sú chéngyǔ* (просторечные ченьюи), объединяет их в большую группу 俗语 *Súyǔ* (просторечных фразеологизмов\речений). Второй класс он выделяет особо как 雅语 *Yǎ yǔ* (изыщные речения), включив туда ченьюи высокого стиля,

сохранившие в своем составе вэньянь, древний китайский язык [Морган , 1999: 354].

Следует несколько подробнее описать фразеологические единицы китайского языка, так как они существенно отличаются от классификации фразеологизмов в русском языке. Самым важным типом является 成语 *Chéngyǔ* ченьюй – готовое выражение. 中国成语大辞典 *Zhōngguó chéngyǔ dà cídiǎn* - «Большой словарь ченьюев» насчитывает не менее 18 000 примеров, из которых только около 3000 по частоте употребления наиболее употребительны. Характерными признаками ченьюй является четырехсложный состав и наличие архаичной лексики. Наличие архаичной лексики связано с источниками происхождения – это легенды и предания. По внутреннему содержанию они равны русским фразеологическим сращениям, их значение не выводится из значения составляющих его компонентов [Морган , 1999: 354].

谚语 *Yànyǔ* янюй - народное речение, поговорка, выражение, широко распространенное и выражающее очевидный факт [Горелов, 1980: 43].

歇后语 *Xiēhòuyǔ* сехоуэй – это недоговорка-иносказание. «двучленное речение» с четким разделением на две части, выражаемом интонацией и пунктуацией, существует изолированно, представляя собой законченное суждение, сопоставимое с предложением. Строится по форме загадка (иносказание) – раскрытие загадки [Прядохин, 2007: 10-11].

惯用语 *Guànyòng yǔ* гуаньюньюй (привычные выражения), по мнению И.Р.Кожевникова, являются «устойчивыми словосочетаниями, построенными по нормам современного разговорного языка, функционально являющиеся членами предложения, обладающие обобщенным переносно-образным значением» [Кожевников, 2002: 22].

惯用语 *Guànyòng yǔ* (гуаньюньюй) являются трудно классифицируемыми единицами. И.Р.Кожевников полагает, что неразвитая морфология, а, как следствие, прозрачная внутренняя форма сложного слова, на основе традиционной иероглифики, отсутствие привычных пробелов между словами также являются причинами для неразличения «привычного выражения» и сложного слова с метафорическим значением [Кожевников, 2002: 21].

Из всех представленных выше типов фразеологических единиц наиболее значимым как по форме и содержанию, так и по числу представленных единиц этого типа является ченьюй. В языковой картине мира китайцев именно чэньюй, в первую очередь, и представляются как фразеологические единицы, что касается остальных, то они воспринимаются как «неоднословные экспрессивные средства» [Кроль, 1966: 23].

С точки зрения стилистической И.В. Войцехович, И.Р.Кожевников и 万 艺玲 Вань Илин отмечают, что ченьюй в большей степени присущ книжному стилю, а сыхоуэй и яньюй используются в разговорном стиле, хотя нельзя сказать, что это является обязательным фактом, речь идет только о преимущественном использовании. Все разряды фразеологизмов взаимосвязаны и между ними нельзя провести непреодолимой границы, тем более, что до сих пор в китаистике нет определенного понимания объема фразеологического фонда, в результате чего вопрос о границах указанных разрядов остается дискуссионным. Современные процессы лексикализации фразеологических единиц также оставляют место для споров.

Современный этап изучения фразеологии характеризуется обилием сравнительно-сопоставительных работ по фразеологии. Так Ма Лун в статье «Типы фразеологизмов в русском и китайском языках» приводит классификацию, выделяя в основе экспрессивно-стилистические свойства:

- 1) собственно-выразительные (неметафорические ФЕ);
- 2) ФЕ, в основе которых лежат яркие изобразительно-выразительные средства (метафорические ФЕ) [Кроль , 1966: 23].

Классификация фразеологических единиц во многом зависит от источника его происхождения. Данной работе посвящен отдельный параграф нашей работы. Особый пласт составляют заимствованные фразеологизмы, к которым, например, можно отнести фразеологизмы христианского и буддистского происхождения, вошедшие в китайский язык с проникновением указанных религий [Кроль , 1966: 23].

В китаистике в области лексикологии и фразеологии ощущается сильное влияние российских ученых, особенно в области сопоставительного анализа фразеологических единиц русского и китайского языка в функционально-параметрическом аспекте [Прядохин, 1997:355], изучение фразеологических единиц с соматическими компонентами [Прядохин, 1997:355], значительное число работ посвящено изучению безэквивалентной лексики и фразеологии [Прядохин, 1997:355].

В последние десятилетия серьезно поставлена лексикографическая работа в области фразеологии. К числу наиболее признанных и известных словарей следует отнести *中国成语大辞典 Zhōngguó chéngyǔ dà cídiǎn* - Большой словарь чэньюев [Решетнева , 2006:20], работа Шэнь Цзюнь и Ма Ханьминь *中国熟语大典 Zhōngguó shúyǔ dàdiǎn* - Большой сборник китайских фразеологизмов [Решетнева , 2006:20]. В данной работе проводится этимологический анализ фразеологических единиц, что, конечно же, представляет большой интерес для китаистики. В исследования делается экскурс в историю языка и во многих случаях указывается конкретный источник происхождения того или иного фразеологического оборота. Заметна в указанном процессе работа российских ученых. М.Г. Прядохин и

Л.И. Прядохина опубликовали *现代汉语歇后语用法小词典* *Xiàndài hànyǔ xiēhòuyǔ yòngfǎ xiǎo cídiǎn* - «Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка) [Прядохин, 2007:11], И.Р. Кожевников составил *现代汉语惯用语词典* *Xiàndài hànyǔ guànyòng yǔ cídiǎn* – «Словарь привычных выражений современного китайского языка» [Кожевников, 2002:68], в котором собрано около 1000 устойчивых сочетаний, Е. Фанлей выпустил *俄汉谚语俗语词典* *É hàn yànyǔ sùyǔ cídiǎn* - «Русско-китайский словарь пословиц и поговорок» [Фанлей, 2005:29]. Данный словарь интересен тем, что в нем подобраны китайские эквиваленты более чем к 3000 русским фразеологизмам.

Проблема изучения эволюции фразеологического значения достаточно долго и плодотворно представлялась на самом различном языковом материале, результаты этих исследований стали основой составления многочисленных словарей.

Исследования на базе русского языка было направлено на исследование процессов, выявляющие механизмы соотнесения языковых и когнитивных структур в устойчивых сочетаниях. В основном результаты данного аспекта отражены в работах таких известных лексикологов и специалистов по когнитивной лингвистике, как В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин и и многие другие. Согласно их работам в основе устойчивых сочетаний заложено фразеологическое значение, которые легко разбить на семемы и семы, разработана типология семем, которая объединяет пять разновидностей, репрезентуемые лексемами. Денотативные семемы Д1 и Д2 отражают экстралингвистические особенности и ассоциируются с образами предметов в качестве первичных (Д1) и вторичных, производных, значениях языкового знака, то есть (Д2).

«Коннотативные семемы создаются во фразеологизмах, и определяются через него. Коннотативная семема 1 (К1) логически сопряжена с денотативной семемой и мотивирована именно ею. В коннотативных семемах К2 отсутствуют логически мотивированные связи с денотатом, в то же время как у семемы К3 денотата нет вообще» [Телия, 1996: 141].

Анализ фразеологизмов на основе семного анализа делает возможным выявить семантические процессы, создающие внутренне содержание фразеологизма. Процесс актуализации сем в семеме, приводящий к появлению коннотативной семемы, создаваемой только во фразеологизме, возникает как результат реализации когнитивных процессов трансформации приобретенных знаний: от конкретного к абстрактному. «Процесс создания коннотации - это выражение в языке когнитивных процессов, которые строятся на знаниях, лежащих в его основе. Этот переход есть порождение знаний» [Телия, 1996: 141].

Семный состав семемы Д1 изменяется через утрату или изменение иерархии отдельных сем, вследствие чего семема К1, которая не имеет связи с денотатом, обозначает некоторый денотат на базе ссылки на образ другого денотата. При использовании лексемы в статусе К1 происходит совмещение образов Д1 и К1, причем семема К1 в конкретном языке имеет и иное наименование, другую лексему, характеризующую ее в статусе Д1. Ученые полагают, что знание семемы Д1 основывается на знании предмета и явления реальной действительности, который ей называется.

Денотативная семема определяет предмет объективной действительности через наглядно-чувственный признак концепта, которое связано с наглядно-чувственным мышлением определяет через конкретные образы, вербализованные словом. Словесное обозначение денотативной ситуации представляет собой свободное сочетание денотативных семем Д1Д1, которое является основой процесса фразеологизации.

Хрестоматийным источником денотативной ситуации является фразеологизация свободного сочетания "сматывать удочки" (Д1Д1). Значение каждого компонента понятно носителю языка и сумма значений составляющих слов определяет значение всего сочетания: "сматывать" - "круговыми движениями навивать", "удочка" означает "гибкая длинная палка, которой прикреплен лес с крючком" в целом означает "окончание рыбной ловли. Из этого следует, что денотативная ситуация "сматывать удочки" имеет основной смысл "быстрый уход после окончания рыбной ловки". Переосмысления данного свободного сочетания, основанных на ассоциативных связях, совершается когнитивный метафорический перенос не только того процесса, который заключен в свободном сочетании, но на любой другой процесс или действие, которое требует немедленной сотановки.

Таким образом, процесс перехода свободных сочетаний в устойчивые сочетания тесно связано с процессом абстрагирования от конкретного образа Д1Д1 через метафоризацию и перегруппировку сем прийти к фразеологизации свободных словосочетаний. Данный процесс не является настолько простым, как мы показали на нашем примере, в нем присутствуют многочисленные закономерности эволюции фразеологического значения. «Существуют фразеобразовательные модели, отображающие общие принципы семантической трансформации от Д1Д1 к К1К1 и представляющие образование фразеосочетаний как когнитивный процесс» [Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П., Викулова Л.Г. , 2011: 340].

«Фразеологический корпус любого национального языка является своеобразным источником знаний о культуре народа. В глубинных связях устойчивых словесных комплексов закодированы сообщения о мире конкретной страны: о ее географии, климате, о душевном складе народа, об образе жизни в разные времена и др. Элементы культуры черпаются из денотации, лежащей в образной основе фразеологической единицы (ФЕ), а

для ее описания «надо в основном расшифровать метафоры, обнаруживать образы, соотносить слова и словосочетания с категориями культуры, все осмысливать на языке культуры и, конечно, описывать культурный дискурс» [Воробьев, 1997: 31]. Культурный аспект фразеологизма может быть обращен к науке, религии, философии, социальной сфере и т. д. «Анализ образной основы (внутренней формы) фразеологической единицы в системе фразеосемантических полей является важнейшим звеном реконструкции различных фрагментов картины мира, специфичных для той или иной лингвокультурной общности» [Серебренникова Е.Ф., Антипов Н.П., Викулова Л.Г. , 2011: 340].

Устойчивые сочетания являются уникальной частью выразительных средств языка, которые выражают отличительные признаки национальной культуры, истории, национальной языковой картины, менталитета носителей языка. Специфичность семантики устойчивых сочетаний выражается в трех компонентах: 1) фразеологизмы воспроизводят национальную культуру целостно, 2) фразеологизмы раскрывают национальную культуру отдельно совестными единицами. Особенно наглядно данный процесс прослеживается при использовании во фразеологизмах безэквивалентной лексики, 3) фразеологизмы отображают национальную культуру характеристику обычаев, быта и культуры, исторических событий и пр. В силу того, что фразеологизмы часто выражают общечеловеческие понятия и взгляды на окружающую действительность, во фразеологических системах при сравнительном анализе часто можно найти множество практически эквивалентных по значению устойчивых оборотов, хотя нельзя отрицать и то, что большая часть фразеологического фонда все же основывается на уникальной национальной спецификой. Это различие выражается в оттенках значений фразеологизмов и их национальной образности и в лексическом составе.

Во фразеологическом фонде любого языка можно выявить универсальные свойства и национальные особенности. Фразеологизмы включают в себя культурную информацию об окружающем мире и обществе, что позволяет данной единице стать по определению классиков «кладезью премудрости» народа, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет.

Таким образом следует отметить, что китайская лингвистическая традиция на современном этапе достигла определенных успехов в изучении фразеологического фонда, а именно, создана классификация китайских фразеологизмов, значительным количеством работ функционально-стилистическим аспектом исследования устойчивых сочетаний, достаточно много работ опубликовано по проблеме структурно-семантического анализа указанных единиц, проанализированы эмоционально-экспрессивные черты фразеологизмов, все больше работ появляются сравнительно-сопоставительного характера.

Фразеология как кладезь народной жизни в любом языке составляют тот пласт языка, который в достаточно полной степени способен отразить исторический и культурный мир носителей. В целях максимально объективного анализа фразеологизмов исследователи используют междисциплинарный подход, используя сведения из других смежных дисциплин для конкретизации внутреннего содержания устойчивого сочетания. В ходе объединения лингвистического и нелингвистического подхода к анализу содержательной стороны номинативных единиц (к которым в полной мере можно отнести и фразеологизмы) в научный обиход вошли новые направления, родившиеся на стыке наук, как лингвокультурология, этнолингвистика, социоллингвистика, когнитивная лингвистика и некоторые другие. Антропоцентрическая парадигма, поставившая человека в центр всех научных изысканий, в лингвистике также акцентирует внимание именно на коммуникативном аспекте использования языка, где говорящий человек является мерилем прагматичности языка, тем

более когда речь идет об устойчивых сочетаниях. Относительно новое научное направление - лингвокультурология позволяет описать культурный фон и код фразеологических единиц, апеллировать к внутренней форме фразеологизма. Лингвоаксиология вскрывает положительный или отрицательный код фразеологизмов, дает оценочные коннотации.

В свете исследований последних лет трудно возразить против тезиса о том, фразеология со своими единицами представляет национально-культурную специфику носителей. Устойчивые сочетания представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа. По меткому определению А. М. Бабкина фразеология – это «святая святых национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» [Бабкин, 1965: 7]. Культурологический аспект фразеологизмов неоспорим хотя бы потому, что устойчивы сочетания являются определенным результатом познавательной деятельности носителей языка, в них обобщен жизненный опыт народа, фразеологизмы сконцентрировали сгусток национальной культуры, отраженной в менталитете народа. По мнению В. Н. Телия фразеологизмы являются «зеркалами культуры разных народов» [Телия, 1981: 31]. Фразеология является отражением не только культуры, но и всех других значимых сфер жизни народа - политической, экономической, отражает и передает из поколения в поколение обычаи и традиции, по ним можно проследить этапы исторического развития, результаты познания объективного мира. Н. А. Бердяев отмечает, что «Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально - национальные» [Бердяев, 1994: 96], имея в виду то, культура всегда национальная.

Как и в любом другом языке устойчивые сочетания китайского языка специфическими национальными особенностями, на национальной культурной почве. Без знакомства с культурными традициями и древней

историей Китая сложно, а порой и невозможно, понять внутреннюю структуру идиомы. Только посредством анализа внутреннего смыслового содержания фразеологических единиц на основе национально-культурных особенностей и исторических событий весь фразеологический фонд условно можно распределить по следующим группам.

Прежде всего следует выделить фразеологизмы, основанные на традиционных обычаях и обрядах преклонения дракону. Он является нечто культовым для китайцев. В достаточно популярной для народа «Книге о письменности» дракон описывается следующим образом: «дракон, очень длинный, может темнеть и может светлеть, может стать покороче, может стать подлиннее, весной поднимается на небо, осенью спускается в воду. Образ его смешанный из некоторых животных: у него нос слона, голова коровы, рог оленя, волосы лошади, тело змеи, с чешуйчатым панцирем, колючка кро- кодила, лапа орла, ноги черепахи». Многочисленные легенды о нем основаны именно на приведенной характеристике, которые и положены в основу многих фразеологических оборотов:

龙眉凤目 *Lóng méi fèng mù* - о представительном человеке, у которого брови дракона и глаза феникса.

龙行虎步 *Lóng xíng hǔbù* - о воинственном человеке, с походкой дракона и шагом тигра. Эти и многочисленные подобные им обороты свидетельствуют об отношении китайцев к данному вымышленному существу и формировании менталитета носителей языка.

Другим не менее важным пластом устойчивых оборотов являются фразеологизмы, связанными с моральными и этическими предпочтениями китайцев. Еще в глубокой древности у китайцев ценился общественный порядок, основанный на этических и нравственных нормах. Сохранение подобных фразеологизмов является следствием того, что данные основные составляющие социальных отношений не обесценились и в современном

обществе, это, прежде всего, верность служения народу, преданность императору, верность жены, забота детей о родителях:

忠君爱国 *Zhōngjūn àiguó* - любить родину и сохранять верность императору, 烈女不嫁二夫 *Liè nǚ bù jià èr fū* - женщина не выходит замуж дважды,

Глубокие корни во фразеологическом фонде пустили обороты, связанные с важнейшими для китайцев религиями буддизмом и даосизмом. Буддизм, родиной которой является Индия пришел, в Китай при династии Хань. На почве китайских традиций буддизм претерпел существенные изменения, все время впитывая национальные особенности китайских традиций. Буддизм сегодня занимает почти равное положение с господствующей в Китае даосизмом только потому, что обе религии проповедуют одну религиозную доктрину, которая заключается в возвышения духовного мира над материальным и искать в духовном убежище от материального. На основе двух религиозных течений возникло множество фразеологических оборотов, которые нельзя до конца осмыслить, не зная основ указанных религиозных учений. Например, фразеологизм 黄人捧日 *Huáng rén pěng rì* - желтые люди охраняют солнце нельзя понять, не зная историю его происхождения. Значение данного оборота основано на религиозной легенде о том, что император Древнего Китая обратился к богам с просьбой послать мир на его враждующие земли. Боги согласились, попросив взамен охранять землю от злых людей. Император, конечно же, принял условие богов и получил мир [Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 583].

Значительное количество фразеологизмов связано с китайскими древними мифами. У всех народов, которые сохранили истоки и свое

историческое прошлое в подробностях, мифы и легенды становятся не только основой устойчивых оборотов, но и выполняют другие множественные общественные функции, связанные с воспитанием и формированием национального менталитета. Древний Китай относится к числу цивилизаций, которые создали достаточно интересную и прочную культуру, а последующие поколения смогли сохранить и преумножить эти традиции. Мифы и легенды древности свидетельствуют о мировосприятии и мироощущении окружающей действительности и тем самым становятся неоценимым материалом не только для лингвистики, но и многих других смежных дисциплин, основой для укрепления национальных традиций, обрядов и национальной культуры в целом.

女娲补天 *Nǚ wā bǔ tiān* Ньюва латает небосвод. Данный оборот не будет понятен без знания мифа, который гласит, что в древности «небосвод вдруг начал рушиться и обваливаться на землю. В небе образовалась огромная дыра, а на земле разбушевалась водная стихия. Человечество оказалось перед угрозой прекращения своего существования. В это время праматерь человечества Ньюва встала на борьбу с грозной опасностью: она выплавил разноцветные камни и залатала ими дыру в небосводе. Так на земле вновь воцарились спокойствие и порядок, люди снова зажили счастливой жизнью» [Горелов, 1979:32].

Многие устойчивые обороты своим появлением обязаны описанию традиций национального китайского искусства, в котором выделяется много жанров и которые имеют распространение среди разных слоев населения. Среди них и протяжные песни, и разнообразные виды опер, живопись тушью, выдержанная только в белом и черном тонах, точная и четкая каллиграфия, резьба печатей. В китайской традиционной культуре музыкальные инструменты, шахматы, книги и картины определяются как «четыре искусства». Тушь, кисть, бумага и тушница являются сокровищами

кабинета. Культурное наследие, связанное с перечисленными вещами передавалось из поколения в поколение и все время совершенствовалось на протяжении многих тысячелетий. И, конечно же, в процессе рождались фразеологизмы. Например, 琴瑟之好 *Qínsè zhī hǎo* крепкая дружба, как между струнами в арфе, 棋逢对手 *Qíféngduìshǒu* соперники, как два ильных шахматиста, 举棋不定 *Jǔqíbùdìng* размышление поднявшего фигуру шахматиста, человек пишет так, будто рисует сказочной тушью цветы – об умении писать красиво и умно, 纸短情长 *Zhǐ duǎn qíng cháng* много эмоций в коротком письме – о глубоком содержании и краткости формы, 诗中有画, 画中有诗 *Shī zhōng yǒu huà, huà zhōng yǒu shī* вписанное в картину стихотворение содержит рисунок – о гармоничном сочетании текста и живописи.

Значимым для фразеологической системы источником является китайская кухня, которая славится сложностью и изысканностью. Кухня, начиная от утвари и заканчивая блюдами, отличается не только своим внешним видом, но всем тем, что может придать национальный колорит, а именно, цвет, вкус, аромат. На протяжении пятитысячелетней истории появилось множество фразеологизмов, связанных с кухней и все, что связано с питанием и приготовлением пищи: 游龙戏凤 *Yóu lóng xì fèng* плавающий дракон заигрывает с фениксом – это красивое название морского супа, 山珍海味 *Shānzhēnhǎiwèi* драгоценные горные и морские вкусы, 酒囊饭袋 *Jiǔnángfàndài* мешок водки и еды – об умеющем только пить и есть, 以茶代酒 *Yǐ chá dài jiǔ* поднять тост за чаем вместо алкоголя

История культурного развития Китая тесно связана с богатейшим литературным наследием. В литературном творчестве китайских авторов, как правило, ярко выражается индивидуальность автора и его стилистические особенности. Литературное наследие Китая сложно с чем либо сравнить, чтобы представить величие и объем этого культурного наследия. Множество устойчивых сочетаний фразеологическая система китайского языка почерпнула именно из этой сокровищницы мировой культуры. Так, например, из «Книге песен» «Сбор трав», где описывается беспокойство влюбленного юноши за свою возлюбленную, которая отправилась собирать травы. День ему казался тремя годами, откуда и возник фразеологизм 一日不见, 如隔三秋 *Yī rì bùjiàn, rú gé sānqiū* для любви день разлуки подбен трем годам.

Или другие примеры: 孔雀东南飞, 五里一徘徊 *Kǒngquè dōngnán fēi, wǔ lǐ yī páihuái* павлин летит на юго-восток, через каждые два километра он останавливается и долго смотрит назад – о трудном расставании, 蜀道难, 难于上青天 *Shǔ dào nán, nányú shàng qīngtiān* дорога Сычуаня тяжелее, чем путь в небо – о трудности каменного пути.

Все источники появления фразеологизмов перечислить достаточно сложно, нами приведены всего лишь незначительная часть для определения пути появления китайских устойчивых оборотов, которые по природе возникновения мало чем отличаются от путей возникновения фразеологизмов в других языках. Все они отражают культуру китайского народа и являющихся яркими элементами национальной языковой картины мира. Понимание их значения и лингвистическое исследование – важный шаг в постижении культуры народа, приобщении к богатству и тайнам языка.

Национальный образ мира формируется из целостности национальной жизни, включая природу, стихию, быт, фольклор, язык, образность поэзии, соотношение пространства и времени и их координат. Как известный русский поэт П.А.Вяземский сказал: «Язык есть исповедь народа, в ней слышится его природа, его душа и быт народа» [Бабкин, 1965:181].

Одним из важных источников фразеологизмов является влияние природной среды. В Китае существует много поливных полей, поэтому вол становится самым главным орудием труда в китайском сельском хозяйстве. Например, 俯首甘为孺子牛 *fu shou gan wei ru zi niu* буквально означает «смирненно склонить голову как работающий вол», сейчас часто используется в смысле «служить народу всей душой».

Значительное влияние оказывает традиционная культура и история.

Например, в китайской культуре считается кротким и послушным животным. 不论黑猫白猫能扎耗子就是好猫 *bu lun hei mao bai mao neng zha hao zi jiu shi hao mao* («несмотря на то, чёрный кот или белый, если может поймать мышь, то считается хорошим котом»). Мышь является символом трусости. Например, 胆小如鼠 *dan xiao ru shu* означает «трусливый, как мышь».

Особым значимым аспектом культуры является религия.

Конфуций как один из самых влиятельных теологов и авторитетных философов для китайского народа особое внимание придавал Небу как вершителю человеческих судеб. Он отмечал: «Разве Небо говорит что-нибудь? А четыре времени года идут своим чередом и все получается само собой: все сущее рождается и изменяется. Разве Небо говорит что-нибудь? Все течет так же, как вода, все бежит не останавливаясь, не зная отдыха». Судьба предначертана Небом и изменить ее практически нельзя. По

Конфуцию все должны беспрекословно подчиниться воле Неба: “Не зная судьбы, ниспосланной Небом, невозможно стать благородным мужем”.

Коль скоро все вложено в судьбу, то характер человека будет формироваться соответственно предначертанной судьбе. Отношение к жизни, внутреннее состояние человека, отношение к этическим нормам и многое другое будет способствовать реализации судьбы, предписанной Небом, то все это не могло не отразиться в языке, особенно в его фразеологической системе, на что ярко указывают следующие примеры:

善恶若无报, 乾坤比有私 *Shàn è ruò wú bào, qiánkūn bǐ yǒu sī* - Если за добро не платят добром, а за зло не платят злом, то между Небом и землей нет справедливости;

善人自有天保佑 *Shànrén zì yǒu tiān bǎoyòu* - Небо опекает доброго человека;

天辅善人 *Tiān fǔ shànrén* - Небо помогает добрым;

人有善念, 天必从之 *Rén yǒu shàn niàn, tiān bì cóng zhī* – Небо оберегает добрых людей.

Для усиления действенности фразеологических оборотов и разграничения роли Неба и человека в свершении добра и зла многие фразеологические единицы указывают на добродетель Неба и духовное несовершенство человека.

善人自有天保佑, 恶人自有恶人降 *Shànrén zì yǒu tiānbǎo gū, èrén zì yǒu èrén jiàng* – Небо защищает добрых людей, злых подавляют злые люди;

人恶人怕天不怕, 人善人欺天不欺 *Rén ě rén pà tiān bùpà, rén shànrén qī tiān bù qī* - Небо не боится злых людей, человек их боится, Небо не обижает добрых людей, люди их обижают;

天道无亲，常与善人 *Rén ě rén pà tiān bùpà, rén shànrén qī tiān bù qī* - Для Неба нет близких и неблизких, оно оберегает добрых;

苍天有眼，庇护善人 *Cāngtiān yǒu yǎn, bìhù shànrén* -У Неба глаза, оно может спасти доброго человека;

天道福善祸褴 *Tiāndào fú shàn huò gāo* - Небо платит добром за добро, а злым готовит наказание.

Достаточно огромное внимание в конфуцианстве уделено проблеме самой природы человека, которые концентрируются вокруг фундаментальной для китайцев категории «син». Син – это природные качества каждой отдельной вещи, в особенности человека.

Добро и зло являются являются одними из важнейших свойств и признаков природы человека, что также находит отражение в устойчивых сочетаниях. Такие обороты, которые приведены ниже, указывают на присущие человеку добрые качества, привитые с рождения:

人之初，性本善 *Rén zhī chū, xìng běnshàn* - Человек рождается добрым;

人无有不善 *Rén wú yǒu bùshàn* – Мир не без добрых людей.

侧隐之心，人皆有善之 *Cè yǐn zhī xīn, rén jiē yǒu shànzhī* – Каждый человек имеет чувство сострадания (проявляет доброту).

人皆有善心 *Rén jiē yǒu shànxīn* - В каждом человека теплится доброта.

Достаточно влиятельным течением для китайцев является даосизм, согласно которому добро продлевает жизнь не только тому, кто его творит, но и облегчает жизнь других поколений. Качество жизни будущих поколений

зависит от степени творения добра предыдущих, и наоборот, зло приносит зло и потомкам, что отражено в следующих фразеологических единицах.

善及子孙 *Shàn jí zǐsūn* – Влияние добрых дел отражается на потомках.

善如至宝, 一生用之不尽 自作良田, 百世耕之有余 *Shàn rú zhìbǎo, yīshēng yòng zhī bù jìn zìzuò liángtián, bǎishì gēng zhī yǒuyú* - Добро является неисчислимым величайшим сокровищем; это плодородные поля, которые можно веками вспахивать.

积善人家, 必有余庆 *Jīshàn rénjiā, bì yǒuyú qìng* – Семья, совершающая добро, обязательно достигнет величайшей радости.

Буддизм как достаточно распространенное религиозное течение отличается пристальным вниманием к процессу формирования личности человека, осуждает его пороки и обладает достаточно прочными идеями о всех аспектах формирования здорового в физическом и моральном отношении личности. По буддизму между «добром» и «злом» существует неизбежная связь. Добрые дела откликаются добром, зло обязательно подвергнется наказанию в будущем. Добро и зло как одни из самых важных составляющих морального облика человека предопределяются идеями буддизма, что повлекло появление следующих фразеологических единиц:

善人流芳百世, 恶人遗臭万年 *Shànrén liúfāng bǎishì, èrén yíchòuwànnián* - Добрый человек оставляет потомкам добрую славу, а злой - навеки оставляет дурную славу;

恶人有恶报, 好人都知道 *Èrén yǒu è bào, hǎorén dōu zhīdào* - Добрые люди отличают добро и зло;

恶有恶报，善有善报 如果不报，时后不到 È yǒu è bào, shàn yǒu shàn bào rúguǒ bù bào, shí hòu bù dào – Не останется ничего без возмездия: на добро ответят добром, на зло – злом;

行恶得恶 Xíng è dé è - Зло возвращается злом;

善恶之报，如影随形 Shàn è zhī bào, rúyǐngsuíxíng – Расплата как за добро, та и за зло преследует вас;

做善好消灾 Zuò shàn hào xiāo zāi -Добрые дела отводят беду;

善恶到头终有报，只争来早与来迟 Shàn è dàotóu zhōng yǒu bào, zhǐ zhēng lái zǎo yǔ lái tuì – Рано или поздно и за добро, и за зло придет вознаграждение и расплата;

善必受乐，恶必受苦 Shàn bì shòu lè, è bì shòu kǔ - Добро приносит счастье, зло – беду;

Совершение добра и зла может действовать не только на уровень и качество жизни, но и на ее продолжительность:

善必寿老，恶必夭亡 Shàn bì shòu lǎo, è bì tiān wáng - Добрые люди живут долго, а злые наоборот;

善盈而后福，恶盈而后祸 Shàn yíng ér hòu fú, è yíng ér hòu huò - У добрых людей благополучное будущее, у злых – наоборот;

白天不做亏心事，半夜敲门心不惊 Báitiān bù zuò kuīxīn shì, bàn yè qiāo mén xīn bù jīng - Злой человек не проживает в добре век;

玩火者必自焚 Wán huǒ zhě bì zì fén - От доброго дерева добрый и плод;

崇尚善良就会攀上高峰，崇尚丑恶则会跌入悬崖 *Chóngshàng*

shànliáng jiù huì pān shàng gāofēng, chóngshàng chǒu'è zé huì diē rù xuányá -
Добрые дела и после смерти живут.

Анализ фразеологических единиц, происхождение которых связано с религиозными идеями показывает, что, как и в любой другой религии, у китайцев рассмотренные обороты проповедуют высокие качества, связанные с добром, низкие качества, связанные со злом. Интересным является то, что в китайской мифологии утверждается, что человек по природе добр, доброта рождается вместе с ним, он не несет на себе изначальную печать греховности. Все приходит потом, когда человек начинает проявляться как личность.

Вопрос о «добре» и «зле» является одним из основных вопросов не только китайской философии. В философии добро и зло – «нормативно-оценочные категории морального сознания, категории этики, в предельно общей форме показывающее разграничение нравственного и безнравственного, должного и предосудительного в мотивации деятельности и поступках, моральных качествах и отношениях человека». [Философский энциклопедический словарь, 1983:178]

Философское учения Китая рождалось изначальное как религиозно-философское учение на основе даосизма. Согласно концепции даосизма нет абсолютного добра и абсолютного зла, нет абсолютной истины и абсолютной лжи – все понятия и ценности относительны. Добрые дела могут превратиться в злые на определенных условиях и так и злые дела. Его влияние на китайское общество было настолько великим и глубоким, что с помощью принципов этого течения формировались ценности общества. Основой китайской философии является Лао-Цзы (老子). В различных фразеологических единицах выражается глубина философских мыслей,

которые заставляют задуматься именно с философской точки зрения на казалось бы совершенно известные и понятные истины:

福兮祸所伏 祸分福所倚 *Fú xī huò suǒ fú huò fēn fú suǒ yǐ* - В счастье

живёт несчастье, в несчастье таится счастье;

善之与恶 , 相去若何 *Shànzhī yǔ è, xiāngqù ruòhé* - Между добром и

злом нет большого различия;

行善不当亦能成恶 *Xíngshàn bùdāng yì néngchéng è* - И добродетель

стать пороком может, когда её неправильно приложат;

因祸得福 *Yīnhuòdéfú* - Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Добро и зло - наиболее общие формы моральной оценки, разграничивающие нравственное и безнравственное. Добро - категория этики, объединяющая всё, имеющее положительное нравственное значение, отвечающее требованиям нравственности, служащее ограничению нравственного от безнравственного, противостоящего злу. В китайской философии утверждается дуализм, который существует в мире повсеместно. Не было бы света, не знали бы тьмы и наоборот, не было бы холода, не знали бы тепла, тоже и с добром и злом. Они познаются друг через друга. Только через проявление одного можно говорить о другом. Переживание зла может способствовать улучшению степени добра. Все философские мысли передаются через определённые фразеологические единицы:

善恶是共存的 *Shàn è shì gòngcún de* - Добро и зло живут вместе;

善可能转换为恶 , 恶也可能转化为善 *Shàn kěnéng zhuǎnhuàn wéi è, è*

yě kěnéng zhuǎnhuà wéi shàn - Добро может превращаться во зло, и зло может превращаться в добро;

善可以变为恶 *Shàn kěyǐ biàn wéi è* - Добро на худо меняют.

福榻相依 *Fú tà xiāngyī* - Нет худа без добра.

Следует отметить, что в китайском языке с понятием добра переплетается понятие «добродетель», под которым понимаются устойчивые положительные качества личности, указывающие на её моральную ценность. Добродетельная личность обладает положительными нравственными принципами, он творит добро. Этические и моральные качества добродетельного человека тесно связаны с убежденным процессом творения добра.

Анализируя концепты «善 *Shàn* добро» и «恶 *è* зло», на которые являются одним из основных этических концептов концептосферы любого языка, несут информацию об элементах национального языкового сознания. Представляя противоположные смыслы, они тем не менее, тесно взаимосвязаны и образуют концептуальную оппозицию, сложную по содержанию и структуре. При этом необходимо отметить особую роль ценностного сознания, которое продуцирует эти самые смыслы, а также критериев оценки для осуществления концептуального анализа. Они могут превратиться друг в друга. В определённой степени добро может стать злым, и злое тоже может быть добрым. Без противоположного другое не может существовать.

Концепты «善 *Shàn* добро» и «恶 *è* зло» являются исходными, ключевыми. К категории добра относят всё то, что ведёт к поддержанию жизни, к категории зла - всё то, что ведёт к подрыву жизни. «善 *Shàn* добро» и «恶 *è* зло» - наиболее общие формы моральной оценки, разграничивающие нравственное и безнравственное.

«善 *Shàn* добро» - категория этики, объединяющая всё, имеющее положительное нравственное значение, отвечающее требованиям нравственности, служащее отграничению нравственного от безнравственного, противостоящего злу. С древнейших времён добро и зло истолковывались как две силы, господствующие над миром, надприродные, безличностные. Религиозная этика видит добро как выражение разума или воли Бога. Например:

没有理性的善良是无用的 *Méiyǒu lǐxìng de shànliáng shì wúyòng de* -
Доброта без разума пуста;

上帝会帮助善良的人 *Shàngdì huì bāngzhù shànliáng de rén* - Доброму бог помогает;

上帝保佑善人 *Shàngdì bǎoyòu shànrén* - Милостивому человеку и бог подает.

В различных учениях добро принято выводить из природы человека, из общественной пользы, из космического закона или мировой идеи и т.д. Само определение добра достаточно сложно. Некоторые учёные отказываются от попытки дать определение добра, указывая, что это верховная, исходная и конечная категория, которая не может быть охвачена какой-либо дефиницией.

«恶 *è* зло» - категория этики, по своему содержанию противоположная добру, обобщенно выражающая представление о безнравственном, противоречащем требованиям морали, заслуживающем осуждения. Это общая абстрактная характеристика отрицательных моральных качеств. Моральное зло следует отличать от социального зла (противоположности блага). Моральное зло имеет место тогда, когда оно - проявление воли определённого лица, группы лиц, социального слоя. Обычно отрицательные поступки людей расценивают как моральное зло. Происхождение зла

объясняется по-разному. В религиозных учениях зло - фатальная неизбежность человеческого существования. Например:

恶言恶语是无法避开的 *È yán èyǔ shì wúfǎ bì kāi de* - От злого языка не уберёжешься.

С категорией добра связано и такое понятие, как добродетель - устойчивые положительные качества личности, указывающие на её моральную ценность. Добродетели противостоят пороку. Добродетельный человек не только признает положительные нравственные принципы и требования, но и творит добро, поступая в соответствии с ними. Представления о добродетели, как и о добре, исторически изменялись. Так, в Древней Греции в соответствии с учением Платона добродетель связывалась с такими нравственными качествами, как мужество, умеренность, мудрость, справедливость. Христианская вера в эпоху средневековья выдвинула три основные добродетели: веру, надежду, любовь (как веру в Бога, надежду на его милость и любовь к нему). При всей изменчивости взглядов в разное время и в различных слоях общества честность, гуманность, мужество, бескорыстие, верность и т. п. оценивались и оцениваются положительно.

В китайской этике и морали Благодарный человек «Цзюнь-цзы 君子»- был носителем совокупности добродетелей. Он противопоставляется «ничтожному человеку», «маленькому человеку» (сяо жэнь 小人), воплощению эгоистического прагматизма, неспособному выйти за рамки своей практической специализации и преодолеть духовно-нравственную ограниченность. Цзюань-цзы должен был быть человеколюбивым, добрым. В Китае существует некоторое количество поговорок и пословиц, восхваляющих Благородного человека.

Например:

小人非无小善，君子非无小过 *Xiǎo rén fēi wú xiǎo pǔ, jūnzǐ fēi wú xiǎoguò*

Хотя Благородный человек и совершает мелкие ошибки, а человек с маленькой буквы делает мелкое добро, но у них основная мысль не меняется.

君子莫大乎与人为善 *Jūnzǐ mòdà hū yǔ rénwéi pǔ*

Благородный человек не помнит старого зла.

君子成人之美，不成人之恶 *Jūnzǐ chéng rén zhī měi, bù chéng rén zhī è*

Благородный муж помогает человеку, делающему добро, но отказывается помогать тому, кто творит зло.

君子不以言举人，不以人废言 *Jūnzǐ bù yǐ yán jǔ rén, bù yǐ rén fèi yán*

Благородный муж не возносит человека только за его слова; но не отказывается верить в истину, только потому что её произнес неугодный.

君子抑恶扬善 *Jūnzǐ yì è yáng pǔ*

Благородный человек обуздывает зло и поддерживает добро.

君子坦荡荡，小人常戚戚 *Jūnzǐ tǎndàng dàng, xiǎo rén cháng qī qī*

У благородного человека широкая душа, но маленький человек учитывает каждую мелочь.

Китайская этика и мораль советуют людям делать добро с радостью, отойти далеко от зла. Делать добро может принести счастье и хорошую оплату для самого себя. На зло следует отвечать соответственно, добром же на добро, т.е. не предполагалось никакого всепрощения. Кто-то сказал раньше, что добро - самая нужная природа в мире среди всех моральных качеств. Доброта как нравственное качество человека проявляется, прежде всего, в любви, милосердии, альтруизме, терпимости, помощи, стремлении делать добро другим людям, не ожидая внешнего или внутреннего вознаграждения. В китайской культуре добро является самым дорогим

качеством человека. У добрых людей есть сочувствие, стремление к добру и ненависти ко злу, и они знают, что им нужно обдумать что-нибудь со стороны других, таким образом, никогда не приносит вред другим.

Например:

为普最乐 *Wèi pǔ zuì lè*

Наивысшая радость - это совершить добро.

乐普不偿 *Lè pǔ bù cháng*

С радостью делать добро, не чувствуя усталости.

乐普好施 *Lè pǔ hào shī*

Любить делать доброе дело.

尽普尽美 *Jìn pǔ jìn měi*

Быть превосходным, совершенным, идеальным.

别找漂亮的美人，要找心地普良的人。 *Bié zhǎo piàoliang dì měirén, yào zhǎo xīndì pǔ liáng de rén.*

Не ищи красоты, ищи доброты.

良言比钱财宝贵 *Liángyán bǐ qiáncái bǎoguì*

Добрые слова дороже богатства.

趁人之危非好汉 *Chèn rén zhī wēi fēi hǎohàn*

Лежачего не бьют.

И конечно, за добро не платят деньгами, за добро платят только добром. Таким образом в китайских пословицах понимание добра означает выражение положительного значения. Например:

以德报德 *Yǐ dé bào dé*

За добро платят добром.

С развитием морального сознания и этики вырабатывается более строгое понятие собственно морального добра.

Например:

勿以善小而不为，勿以善小而为之 *Wù yǐ pǔ xiǎo ér bù wéi, wù yǐ pǔ xiǎo ér wéi zhī*

Малая добродетель – всегда добродетель, а малое зло – всегда зло.

多行不义必自毙 *Duō xíng bù yì bì zì bì*

Творящего зло ожидает плохой конец.

一人作善千人遭殃 *Yī rén zuò pǔ qiān rén zāoyāng*

Зло делает один человек, а страдают тысячи.

善事可做，善事莫为 *Pǔ shì kě zuò, pǔ shì mò wéi*

К доброму мостись, а от худа пьтсь.

人生在世是为了做善事 *Rénshēng zàishì shì wèile zuò pǔ shì*

Жизнь дана на добрые дела.

利人之言，暖如布帛 *Lì rén zhī yán, nuǎn rú bùbó*

Ласковое слово, что весенний день.

一只坏苹果能坏掉一筐苹果 *Yī zhī huài píngguǒ néng huài diào yī gè píngguǒ*

От одного порченного яблока целый воз загнивает.

隐善扬善 *Yǐn pǔ yáng pǔ*

Скрывать чужие недостатки и восхвалять чужие достоинства.

行善能得乐，作善必受苦 *Xíng pǔ néng dé lè, zuò pǔ bì shòukǔ*

Делать добро и получить счастье, делать зло - получить беду.

普不可失, 普不可长 *Pǔ bùkě shī, pǔ bùkě cháng*

Человек не может употреблять добрую природу и развивать злую.

Китайские этика и мораль считают, что почтение является основой «добра». Уважение детей к родителям и старшим является самым важным из семи добродетелей. Именно уважение к старшим рождает все хорошие поступки и деяния, поскольку такой человек в Древнем Китае, был не только ... в комплексе представлений о мире имело для китайской культуры далеко идущие последствия: ... и уважения к родителям и старшим братьям, милосердия и любви к людям. ... Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым». Можно сказать, что морально-этический идеал китайца – «благородный», который думает о долге и морали. «На добро нужно отвечать добром, на зло – справедливостью». В то же время, были и некоторые нормы, странные для нас сейчас:

孝出于普, 而人皆有普心 *Xiào chū yú pǔ, ér rén jiē yǒu pǔ xīn*

Почтение родителей исходит из добра, и у каждого человека есть доброта.

白普孝为先, 万普淫为源 *Báipǔxiào wèi xiān, wàn pǔ yín wèi yuán*

Почтение родителей занимает первое место среди благочестие добра и распущенность занимает первое место среди многих зол.

孝普事父母者 *Xiào pǔ shì fùmǔ zhě*

Кто хорошо относится к родителям, тот является принципом «сяо» – почтительность к родителям, нужно благоговеть перед старшими и осознавать свое место в иерархии.

Вопрос добра и зла - один из вечных вопросов, мучивших человечество на протяжении многих веков. К теме добра и зла обращается много исследователей.

2.5 Сопоставительный анализ концепта ДОБРО/ЗЛО на основе языковой объективации в таджикском и китайском языках

Предметом лингвокультурологии является исследование фактов культуры в языке, а исследование культуры опирается, в свою очередь, на такой важный элемент общественного сознания как ценности. По принципу подобной связи эти ценностные ориентиры могут быть определены только через язык, его лексическую и фразеологическую системы. «Не результат творческой деятельности, даже не ее процесс, не говоря о «вещных» выразителях материальной и духовной культуры, а именно ценности, в

которых в концентрированном виде выражается смысл культуры» [Вебер, 1994: 644]. По мнению С.Х. Ляпина «система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную квинтэссенцию потребностей и интересов индивидов и социальных общностей. Она, в свою очередь, оказывает обратное влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Таким образом, каждая ценность и системы ценностей имеют двуединое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе» [Ляпин, 1997:193]. Факты языка подтверждают то, что эти ценности проникли в национальный менталитет, включены в национальную языковую картину мира, вербализованы. Перечень национальных ценностей, по-разному аранжирован как в плане иерархии расположения ценностей, так и в плане национального наполнения, объема. Сопоставляя ценности в двух лингвокультурах, достаточно просто создать представление об объеме и иерархии и само наличие ценности в национальной лингвокультуре. Для выделения национальных ценностей из национального кода культуры нужны специальные методики, и сопоставление концептуальных кодов разных национальных культур в этом смысле представляет собой наиболее актуальную методику, позволяющая выяснить, как культурные смыслы закрепляются в языковых единицах, отобранных для концептуального анализа.

Если на уровне лексики выяснить концептуальное представление о ценностях представляется менее сложным, то различие понимания фразеологии и фразеологизмов в таджикской и китайской языковых традициях в выделении и классификации, структурных, семантических и стилистических аспектах представляется сложным, о чем было неоднократно подчеркнуто выше. По мнению Ю. С. Степанова «нельзя переносить языковую модель на предметную область культуры и, напротив, модель культуры на предметную область языка - нужно выработать третий, более

общий аппарат понятий, приложимый к лингвистической теории, с одной стороны, и к теории культуры, с другой. Уровень корреляции между областью языка и культуры устанавливается методологическим принципом концептуализированной области смысла. Эта область образуется при слиянии языковых и культурных сем на более высоком уровне абстракции, чем языковая и культурная модели мира» [Степанов, Проскурин, 1993:14-15].

В китайской лингвокультуре система ценностей определена достаточно точно, благодаря Конфуцианству и его этической системе, книге диалогов «Лун-юй», в даосизме «Дао-дэ-цзин», буддизмом и древней китайской философией. В таджикской лингвокультуре ценностные ориентиры обозначены в принятых общественных отношениях, сформировавшихся через религиозные предписанные, отмеченные в Коране и неоднократно отраженные в классической таджикско-персидской литературе, фольклоре, традициях и культуре.

Проведенный анализ концертов «Добро» и «зло» в лексико-фразеологической системе таджикского и китайского языков показывает, что как таджики так и китайцы воспринимают данные понятия как одно из самых важных и характеризующих народ этических понятий. Практически близкое восприятия добра и зла дает основание говорить об общечеловеческом восприятия данных этических норм как с точки зрения их проявления, так и с точки зрения их особенностей в плане оценки носителей языка в преломлении данных качеств к тому или иному субъекту. Народы солидарны в том, что сделанное добро принесет добро, как и наоборот, воспринимают добро как важное положительное качество личности, и наоборот зло как отрицательное. Из многочисленных приведенных примеров как лексики, так и фразеологии видно, что народы настоятельно требуют творить добро и отойти как можно дальше от зла, за которое следует необратимое возмездие.

Вместе с тем следует отметить, что в восприятии и интерпретации этих понятий в национальных культурах и языковой картине мира этих народов существуют отличительные особенности.

«Добро» и «зло» являются одна из наиболее значимых базовых, центральных категорий китайской и таджикской культур, они не только отражают ментальность и морально-этическое состояние общества, верование и философию обоих народов, но и проявляют национальную культуру, образ мышления, этику и мораль, мировоззрение и мировосприятие носителей таджикского и китайского языков.

Трудно сказать, что лексичка привязана к иентальности,однако что касается фразеологической системе, то фразеологизмы являются языковыми единицами с доадекватно выраженным национальным колоритом, что позволяет этой единице отражать ментальность носителей языка. Анализируя проявления концептов «добро» и «зло» в китайских и таджикских фразеологизмах, мы заметили, что в китайском и таджикском языках концепты «добро» и «зло» имеют некоторые сходства, но и тоже отличаются друг от друга. Как с точки зрения буддизма, так и мусульманства, считают, что за добро платят добром, за зло злом. Для обоих народов это этическая норма представляется очень важной составляющей культурных традиций. И по отношению к этим этическим нормам сожно определить, насколько индивид, носитель языка отражает культуру народа.

ВЫВОДЫ КО 2 ГЛАВЕ

Анализ концептов добро и зло в лексико-фразеологической системе таджикского и китайского языков указывает на то, что По нашим данным, понятие ДОБРО в обоих языках варьируется по шкале ценностей с точки зрения его морального и прагматического назначения. Как в таджикском, так и в китайском языках представление о добре отражает моральные предписания и отражает культурные, философские и религиозные традиции. Концепт добро репрезентирован в лексической системе большим

количеством лексических и фразеологических единиц как признаковый концепт.

По мнению многих исследователей слово содержит в себе больше информации, чем наше сознание способно извлечь из него, а развитие значений обусловлено способностью языка задавать человеку стереотипы восприятия мира через систему языковых категорий (Дж. Лакоффом и Е.С. Кубряковой). В целях уточнения полевой структуры описываемого концепта в структуре ментально-языковой единицы следует выделить понятийный аспект, которая тесно переплетается с парадигматическими, синтагматическими сторонами, значимостный аспект, в поле которого входит выделение наиболее существенные для данной культуры смыслы и образный аспект.

Исследование лексико-фразеологической системы таджикского и китайского языков позволило в изучаемом концепте выделить следующие абстрактные признаки добра: степень нравственности аксиологической оценки; степень адекватности представления об идеале; объект оценивания; объем объектов нравственного оценивания.

В морфологической плане концепт ДОБРО в таджикском языке представлен в основном существительными и прилагательными, что отличает его от китайского языка в плане частеречного выделения в последнем. Что касается глаголов, в таджикском языке слово добро чаще употребляется со вспомогательными глаголами, а в китайском в большой степени связано с синтаксической функцией.

Анализ репрезентации концепта зло в словарных толкованиях позволило выделить его содержание: по действию - что-либо аморальное, по результатам - что-либо приносящее вред. Конкретным образом зла являются действия людей, осуждаемые моралью, нормами жизни. Сопоставительного анализа обобщенных словарных толкований лексики «зло» показало, что

сходство в восприятии зла в языковой картине китайцев и таджиков наблюдается по основным признакам – источнику зла и его результату.

В обеих лингвокультурах зло – градуированный феномен, зло может изменяться с течением времени, что репрезентирует признак временной обусловленности зла. Еще одним общим признаком для обоих концептов является национальная и религиозная обусловленность, что означает, что зло есть характерная особенность определенного этноса или религии.

Зло представлено большим количеством лексических единиц, что свидетельствует о значимости данного концепта в морально-этическом и нравственном аспектах культуры обоих народов. Анализ показал, что зло, сохранив универсальные базовые общенародные и специфические признаки, связанные с традиционной культурой, имеет склонность приобретать новые признаки или по иному расставлять акценты в связи с изменостных ориентаций в обществе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к изучению концепта как лингвокультурологического феномена все прочнее утверждается в практике многих как лингвистических, так и культурологических направлений и школ. Как точно определил Ю.С. Степанов, существуют две стороны анализа, с одной стороны концепт представлен как «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт -

это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нею» [Степанов,1995: 87]. Именно двойственная природа концепта поразила множество его определений, порой спорных, а иногда даже противоречивых. Этой проблеме посвящена первая глава нашей работы.

Несмотря на разное понимание концепта, все едины в том, что разделение аспектов изучения концепт достаточно условно. Когнитивный и культурологический аспекты изучения связаны между собой, они могут лишь дополнять друг друга, они различаются направлениями по отношению к концепту, а именно когнитивный подход движется от индивидуального сознания к культуре, а культурологический подход направлен от культуры к индивидуальному сознанию. В концепте достаточно прочно и детально отражается восприятие носителем языка окружающей действительности, что позволяет носителям языка понять и отложить в сознании окружающий мир.

В центре лингвокультурологического интереса исследовательское внимание акцентируется на изучении разного рода национальных культурных концептов, важнейшее место в среде которых занимают этические концепты абстрактного характера, каковыми являются концепты «добро» и «зло». Будучи явлением многомерным, концепт включает в себя «как рациональное, так и конкретное, как универсальное, этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное» [Арутюнова,1999:34]. Они конструируют нравственную и ценностную составляющие совокупной языковой картины мира всех народов, в том числе и таджикского и китайского. «В своем сознании мы отображаем и запечатлеваем действительность в виде определенной системы представлений, которую иначе называют картиной мира. Провербальная или паремическая картина мира содержит представления носителей данного языка о ценностных характеристиках мира, дает образец поведения человека в тех или иных ситуациях. Таким образом, семантика паремий описывает морально-

этический код того или иного народа, его основные моральные ценности» [Ветрюк, 2010:215].

Наиболее естественным, типичным средством репрезентации концептов являются лексические и фразеологические значения. Лексико-фразеологическая система обоих языков являются неоценимыми источниками сведений, в которых выражены ценностные ориентиры этноса, формирующие нравственные качества носителей языков, менталитет народа, его восприятие окружающей действительности, его объективные и субъективные выводы восприятия объективной действительности. Для нас особый интерес представляет рассмотрение семантической наполненности лексических и фразеологических единиц, представляющих варианты языкового воплощения изучаемых концептов. Каждый концепт выступает фрагментом знаний об окружающем мире. Известный исследователь И.С. Кон в словаре по этике следующим образом раскрывает сущность понятий ДОБРА и ЗЛА: «Добро - одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий этики. Вместе со своей противоположностью — злом ДОБРО является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставления нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что противоречит им. В понятии ДОБРА люди выражают свои наиболее общие интересы и устремления, пожелания и надежды на будущее...Зло - понятие морального сознания, которое служит наиболее обобщенным выражением представления о безнравственном, противоречащим требованиям морали, заслуживающим осуждения...» [Кон, 1981:72].

Отражение рассматриваемого концепта в лексической системе интересно при рассмотрении в приложении к частям речи. Так, адъективная лексика изображает доброту как качество характера человека, внутреннее эмоциональное состояние, внешнее выражение эмоций. Исследование

показало, что китайский язык комплекс качеств отражает содержательнее. В нем качества доброты соотносятся с интеллектуальными качествами. Что касается прилагательных таджикского языка, обязательное наличие субъекта.

Глаголы представляют доброту как сложный процессуальный признак и включают в значение указание на объект действия, образ, способ, следствие, цель и причину выполнения действия. Глаголы в лексико-семантическом поле ДОБРОТА следует разделить на 5 лексико-семантических групп: совершение добра, становиться добрым, проявлять доброту к другим, проявлять побуждение к добру, оказывать помощь. В глагольной лексике обоих языков доброта отображается в разнообразных ракурсах, однако в китайском языке доброта имеет особое значение в случаях проявления данного качества по отношению к родителям при уходе за ними.

Лексическое воплощение доброты в китайском языке богаче, чем в таджикском. Основное место в лексико-семантическом поле ДОБРОТА занимают имена существительные, которые втрое превосходят количество прилагательных и глаголов. В таджикском языке также существительные преобладают над прилагательными и глаголами, однако количество существительных не на много превышает количество прилагательных, что нельзя сказать о соотношении существительных и глаголов.

Как в китайском, так и в таджикском языках лексика имеет сложную семантику, которая выражает различные качества человека, связанные с добротой или злом. Носители обоих языков осмысливают доброту как действие, направленное на оказание какой-либо помощи, в противоположность злу, которое направлено на совершение аморальных поступков. Оба компонента представлены нерасторжимым единством противопоставленных по семантике социально активных этических норм, представленных в семантической наполненности лексических единиц, отражающих вербализацию концептов в различных типах словарях обоих языков. Они представляют обобщенную форму разграничения и

противопоставления нравственного и безнравственного. Именно анализ лексических единиц данного лексико-семантического поля дают возможность усмотреть национально-культурную специфику ценностного значения добра и зла в культуре таджикского и китайского народов, что лишний раз свидетельствует о том, что языковая картина мира, с одной стороны, универсальна, с другой, специфична для каждой национальной культуры.

Проведенный анализ лексико-фразеологической системы таджикского языка позволил выделить в лексической наполняемости добра следующие стороны: положительное, моральное качество; положительное действие, поступок; в пренебрежительном отношении нечто, плохое. «Зло» имеет следующие концептуальные признаки: нечто дурное, вредное; беда, несчастье, неприятность; плохое действие, противоположное добру.

Ядро концептов ДОБРО и ЗЛО содержат основные базовые, человеческие ценности, которые формируют морально-этические нормы культуры поведения вместе со специфическими особенностями национально-культурных моделей поведения, хотя этическое сознание не сводятся к ментальности. Специфичность данных концептов заключается в том, что представление этноса ни в коей мере не зависят от культурных и традиционных специфических особенностей, отношение к добру и злу приблизительно одинаков у всех народов, они содержат некий базовый компонент, который является одинаковым для многих народов.

Интерес лингвистов к проблеме изучения концепта обусловлен тем, что неоднократно было доказано способность хранить информацию, важную для этнической культуры, посредством чего формируется мировосприятие, мироощущение и менталитет носителей языка.

Анализ лексико-фразеологических систем таджикского и китайского языков дал основание для выделения общих и специфических явлений в отражении концептосферы. В обеих культурах ценностные ориентиры,

связанные с понятием добра, варьируется от абстрактного понимания, интерпретируемого как высшая духовная ценность, до конкретных понятий. Эти ориентиры определяются, прежде всего, национально-культурными особенностями носителя языка, хотя нельзя не брать во внимание при анализе социальные и возрастные критерии, которые как раз играют существенную роль особенно в китайской культурной традиции. В китайской культуре приоритетные моральные ценности добра представлены более выразительно, чем в таджикской. Выразительность выражается как в количестве отношении лексики и фразеологии, так и в ее связи с древними культурными традициями и традиционной философией народа. В обеих культурах явно прослеживается акцентирование на положительные качества человека, моральные ценности. Зло представителями обеих культурпредставляется как антиценность, противоположная добру.

Анализ лексико-фразеологических систем таджикского и китайского языков позволил сделать следующие выводы:

1. Анализ базовых концептов «добро» и «зло» дает основание определить оценочные ориентиры национального-культурного коммуникативного поведения носителей таджикского и китайского языков.

2. Ценностный аспект анализа таджикского и китайского лингвокультур показывает универсальность восприятия добра как моральной ценности, а зла как антиценности. Как в таджикском, так и в китайском языках, рассматриваемые концепты обладают достаточно развернутым набором лингвистических единиц.

3. Концепты «добро» и «зло» в обоих языках представлены совокупностью универсальных и национальных ценностей.

4. В силу различий в культурных, философских и, особенно, религиозных традициях достаточно прозрачно наблюдается неравномерная лексическо-фразеологическая наполняемость концептов в таджикском и китайском языках. Более широко концепты представлены в китайском языке.

5. В отражении добра и зла в рассматриваемых языках ценностные представления проявляются по-разному: в китайском языке основой во многом представляется конфуцианство, до сих пор являющаяся основой философии жизни китайского народа.

6. Восприятие ценностей, связанных с понятием добра, варьируется от абстрактного понимания, понимаемого как высшая духовная ценность, до конкретных понятий, что нельзя сказать о психолингвистическом значении, отличается от лексикографического.

7. «Зло» представителями обеих культур понимается как антиценность, противоположная добру. В восприятии зла в обоих лингвокультурах в ценностном аспекте никаких различий не наблюдалось, что нельзя сказать о количественном наполнении: в китайской лексико-фразеологической системе наполнена гораздо большим количеством единиц.

8. Анализ смысловой структуры фразеологических единиц с компонентом «добро» и «зло» дал основание выделить несколько семантических групп. В количественном отношении в обоих языках является группа фразеологических единиц, дающая оценку поведению и свойствам личности человека. Несмотря на то, что «добро» и «зло» взаимоисключают друг друга, они взаимосвязаны, соотносят реальное действие с нравственным идеалом добра и зла.

9. По представленным в языке лексико-фразеологическим единицам можно сделать вывод, что в обоих языках в рассматриваемых концептах понятие добра выражено гораздо беднее, чем понятие зла.

Литература

1. Абишева К.М. Основы теории межкультурной коммуникации. - Астана: "Туран-Астана", 2008. - 224 с.
2. Алимжанова Г.М. Роль картины мира в жизни человека. // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия Филологические науки. - №2 (20). Алматы, 2007. - 24-28с.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. - М.: Флинта: Наука, 2005. - 416 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.

5. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. ? 3-е изд., испр. и доп. ? М.: Издат. центр «Академия», 2007. ? 384 с.
6. Ангелова М.М. "Концепт в современной лингвокультурологии" сборник научных трудов. Выпуск 3. - М., 2004. - 210 с.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - 472 с.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. - 472 с.
9. Аристотель. Томика. М., 1978. С. 347-506.
10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
11. Арутюнова Н.Д. О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М.: Индрик, 2003.
12. Аристотель Риторика. // Античные риторика. М.: Изд-во Московского ун-та, 1978. - С.94 - 96.
13. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. В. П. Нерознака. — М.: Academia, 1997, с. 30.
14. Аскольдов С.А. Концепт и слово, Русская словесность. Антология. - М.: Academia, 1997. - 279 с.
15. Арутюнова, Н.Д. Введение / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991.
16. Бабаева Е.В. Монография. Волгоград: "Перемена", 2003. - 171с.
17. Балалыкина Э.А. Концептосфера лексико-семантического поля красоты в современном русском языке / Э.А. Балалыкина // Избранные вопросы русского языка и лингводидактики. Познань, 2002. С. 23-30.
18. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. - Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. - 104 с..
19. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. 397 с.

20. Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М: Наука, 1974. - 245с.
21. Бережан С.Г. К вопросу о диапазоне варьирования фразеологизмов // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней: Межвузовск. науч. сб. Башкирск. Ун -т. - Уфа, 1988.
22. Бердяев Н.А. Философия языка: в границах и вне границ , Око 1994 , с 174
23. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования / Е.Л. Березович. - М.: Индрик, 2007. - 600 с.
24. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек / Е.Л. Березович. - М.: Либроком, 2009. - 450 с.
25. Березович Е.Л. О специфике топонимической версии этнокультурной картине мира / Е.Л. Березович. - Екатеринбург: Прогресс, 2012. - 433 с.
26. Богданова Е.А. Концепты «добро» и «зло» в русской и французской лингвокультурах: дис... кандидат фил. наук : 10.02.19./Богданова Е.А. – Майкоп, 2012. – 162 с.
27. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. — М., 1998
28. Большой словарь китайского языка / Гл. ред. Ло Чжуфэн. Т. 1-12. Шанхай, 1986—1993: 190
29. Большой словарь китайского языка в 38 томах, 1986-1993: 586
30. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Л.: Наука, 1984 -133с.
31. Бочарова М.А. Семантическое поле как способ системного описания лексики// Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность, 2012, № 4, с. 63-67.
32. Богданович Г.Ю. Переосмысление слов уходящей эпохи в лингвистическом многомирии // Ученые записки ТНУ им.В.И.Вернадского. - Том 14(53). - № 1: Серия “Филология”. - 2001. - С.21-28.
33. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 25-36.
34. Бабайцева В.В. Явление переходности в грамматике русского языка: Монография. - М.: Дрофа, 2000. - 640 с.

35. Берестнев Г.И. слова добро, добрый в русской языковой картине мира//Русский язык в школе.- 2008.- №5.- С. 82-84
36. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. - М.: Высшая школа, 1990. - 176 с.
37. Васильев Л.М. Критика и библиография. Обзоры. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. - 1971. - № 5 - с. 105-113.
38. Вендина Т.И. Введение в языкознание: учеб. пособие / Т.И. Вендина. 2-ое изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. 391 с.
39. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1999.
40. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. - 704 с.
41. Ведерникова Ю.В. Тезаурусное моделирование английской терминологии когнитивной лингвистики: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Ю.В. Ведерникова. - Самара, 2013. - 23 с.
42. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. / А. Вежбицкая: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. - 416 с.
43. Вундт В. Проблемы психологии народов / В. Вундт // Преступная толпа. -М.: КСП+, 1998. - С. 201-231.
44. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: Опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: "КГТУ", 2002. - 142 с.
45. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. —2001. — №1.
46. Воробьев, В. В. Лингвокультурологическая парадигма личности / В. В. Воробьев. — М., 1996.
47. Воробьев В.В. Лингвокультурология. Теория и методы. М., 1997.
48. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. - М., 1959. - С. 207-226

49. Ветрюк К. А. К вопросу о языковой репрезентации культурно значимых смыслов «добро» / «good» и «зло» / «evil» в русских и английских пословицах / Вестник Орловского государственного университета, 2010 – с. 215-221
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 241с.
50. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. М., 1986. 244 с.
51. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт. - М.: Наука, 1994. - 274 с.
52. Горелов В.И. Проблемы современной фразеологии китайского языка / В.И. Горелов. - М.: Лада, 2000. - 400 с
53. Горелов КН. Невербальные компоненты коммуникации /И.Н.Горелов. -М: Наука, 1980.-104 с.
54. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // вопросы языкознания. - 1994 - № 4,4 - 15с.
55. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г., Л.Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов. - М. "Изд-во МГУ", 1996. - 245 с.
56. Денисов П.Н. Типология учебных словарей // Проблемы учебной лексикографии / Под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М., 1978, С. 23-42.
57. Дж. Лакофф. LakoffG; Fire and dangerous things." The University of Chicago", 1987. - 286с.
58. Е Фанлей Русско-китайский словарь пословиц и поговорок, 2005. – С 29
59. З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.И. Карасик, А.А. Кретов, О.О. Борискина, Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Введение в когнитивную лингвистику; Выпуск 4, "Кемерово", 2004. - 146с.
60. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование /А.А. Залевская. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1990.-204 с.

61. Зиновьева Е. И. 3-63 Лингвокультурология: от теории к практике. Рабочая тетрадь. — СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016. — 48 с.
62. Ивлева Г.Г. Семантические особенности слов в немецком языке. учеб. пособие. - М.: Высшая. школа, 1998. - 104 с.
63. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, Концепты, Дискурс, Волгоград "Перемена", 2002. - 375 с.
64. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. - Волгоград: Перемена, 2002. - 477 с.
65. Карасик В.И. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / В.И. Карасик. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1998. - 115 с.
66. Карасик В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методол. проблемы когнитивной лингвистики: под ред. И.А. Стернина. - Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. унта, 2001. - С. 75-80.
67. Кандель Э. В поисках памяти. Возникновение новой науки о человеческой психике / Э. Кандель. - М.: Астрель, 2012. - 736 с.
68. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград :Перемена, 2002.
69. Кезина С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки. - 2004 - № 4 - с. 79-86.
70. Колесов В. В. Концепт культуры: образ — понятие — символ // Вестник СПбГУ. Сер.2. СПб., 1992. Вып. 3., № 16.
71. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. М.: Наука, 1990. 104 с.
72. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003. 349 с.
73. Кожевников И.Р. Привычные выражения (гуаньюньюй) в современном китайском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук /И.Р. Кожевников. - М, 2002. - 23 с.

- 74.Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. "Волгоград", 2001. - 376с.
- 75.Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- 76.Кривченко Е.Л. К понятию «семантическое поле» и методам изучения // Филологические науки. - 1973. - № 1 - с. 99-103.
- 77.Кронгауз М.А. Семантика: учебник для вузов. - М.: Рос. гос. гуманитар. университет, 2001. - 399 с.
- 78.Кроль Ю.Л. Опыт описания структуры и классификации пекинских поговорок сехоуэй / Ю.Л. Кроль // Жанры и стили литератур Дальнего Востока: тез. докл. науч. конф. - М.-Л., 1966. - С. 18-20.
- 79.Кузнецова С.В., Михайлова О.А. Предикатные компоненты семантики глагола // Семантика слова и синтаксические конструкции. — Воронеж: ВГУ, 1987.
- 80.Кун О.Н. Лучшие китайские пословицы и поговорки (словарь-справочник) / О.Н. Кун. - М.: Язык, 2007. - 84 с.
- 81.Кубрякова Е. С. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
- 82.Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. - №1. – С. 6 – 17
- 83.Кучера С.Р.И. История, культура и право Древнего Китая / С.Р.И. Кучера // Тр. Ин-та востоковедения РАН. - М.: Наталис, 2012. - 416 с
- 84.Лихачев Д.С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1993. - 250 с.
- 85.Лихачев Д.С. "Добро всегда с другим...": Беседа с академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым/ Д.С.Лихачев; И.Михайлов// ЧИТАЮЩАЯ РОССИЯ И ВИТРИНА. КОМПЛЕКТ.-1997.-№2.-С.23-24.
- 86.Ляпин С.Х. К исследованию лингвокультурного концепта / В.А. Ляпин. - М.: Наука, 1997. - 198 с.

- 87.Ляпин С.Х. Концептология к становлению подхода / С.Х. Ляпин // Концепты. Вып 1. - Архангельск, 1997. - С. 11-35.Максимов Л.В. О дефинициях добра: логико-методологический анализ / Л.В. Максимов // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
- 88.Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. Репр. изд-ие (по 1929). М.: Мысль, 2001. - 558 с.
- 89.Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / В. А. Маслова. — М.: Флинта: Наука, 2004.- 296 с.
- 90.Маслова В.А. Лингвокультурология. - М. Изд-во. Академия 2001. - 183с.
91. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. - 760 с.
- 92.Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. - М.: Наука, 1993. - 188 с.
- 93.Новиков Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М., 1973. 145 с.
94. Новикова Н.А. Концептуальная диада «жизнь смерть» и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремиологии и афористике. Автореф. дис. . канд. филол. наук. Череповец, 2003. 22 с.
- 95.Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
- 96.Ошанин И.М. (ред.). Большой китайско-русский словарь. В 4-х томах. М.: Наука, 1983-1984.
- 97.Павлова А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера, Изд-во "БелГУ"2004. - 162с.
- 98.Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках / А.О. Пак . - Душанбе, 2009. - 170 с.
- 99.Пименова, М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / М. В. Пименова.— Кемерово, 2004. — Вып. 4.

100. Полевые структуры в системе языка. - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989. - 200 с.
101. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях, Воронеж: ВГУ, 1999. — 35 с.
102. Попова З.Д. Стернин И.А. Лексическая система языка. - Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1984. - 148 с.
103. Попова, З. Д. К проблеме унификации лингвокогнитивной терминологии / З. Д. Попова, И. прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.:, 1999. – 336 с.
104. Портнов А. Н. Интеллект и коммуникация в их взаимосвязном развитии // Мысль и текст: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1988.
105. Портнов А.Н. Язык и сознание: основные парадигмы исследования проблемы в философии XIX-XX вв. /А.Н. Портнов. Иваново, 1994. -370 с.
106. Прохоров Ю.Е.М. : Флинта : Наука, 2009. - 176 с.
107. Прядохин М.Г. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка / М.Г. Прядохин, Л.И. Прядохина. - М.: АСТ Восток-Запад, 2007. - 218 с.
108. Прядохин М.Г. Китайские недоговорки-иносказания / М.Г. Прядохин. - М.: Наука, 1977. - 148 с.
109. Прядохин М.Г. Лексикология китайского языка / М.Г. Прядохин. - М.: Наука, 1997. - 355 с.
110. Попович М.В. Философские вопросы семантики /М.В. Попович. -Киев: Наукова думка, 1975. 299 с.
111. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке. — Душанбе, 1972.
112. Решетнева У.Н. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок: автореф. дис. канд. филол. наук / У.Н. Решетнева. - Омск, 2006. - 22 с.
113. Режабек Е.Я. Когнитивный подход в науке о культуре / Е.Я. Режабек // Гуманитарные и социальные науки. - 2008. - № 1. - С. 39-46.

114. Рыбникова М.А. Этнопоэтика китайских пословиц и поговорок: автореф. ... дис. ... канд. филол. наук / М.А. Рыбникова. - М., 1961. - 15 с.
115. Рыбникова М.А. Китайские пословицы и поговорки / М.А. Рыбникова. -Изд-во АН СССР, 1961. - 232 с.
116. Сабитова З.К. Лингвокультурология. Изд-во " Флинта", 2013 - 528с.
117. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. –
118. Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. - М. Academia, 2000. - 128 с.
119. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : дис. ... д-ра филол. наук / Г. Г. Слышкин. — Волгоград, 2004.
120. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры — М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.
121. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — М.: Академический проект, 2001.
122. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования / Ю.С. Степанов. - М.: "Яз. Рус. Культуры", 1997. - 824 с.
123. Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия.- М.: Наука, 1993 – 160 с.
124. Стернин И.А. // Введение в когнитивную лингвистику. — Кемерово, 2004.— Вып. 4.
125. Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х. Словарь социолингвистических терминов. Изд-во "Алматы: Казак университеты", 2002. - 170с.
126. Серебрянников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.- С.87 - 108.

127. Серебренникова Е.Ф., Антипьев Н.П., Викулова Л.Г. и др. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: Коллективная монография. М.: Тезаурус, 2011. 352 с.
128. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука XX века. М., 1995. 953 с
129. Тарасова, И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект [Текст] / И.А. Тарасова.– Саратов: Саратов. ун-та, 2003.–С. 77-78
130. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический,
131. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. — М., 1996. — 284 с.
132. Телия В.Н. "Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты". - М: "Языки русской культуры", 1996. - 288 с.
133. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические
134. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. – М.: «Языки
135. Тейяр де Шарден П. (Шарден Пьер Тейяр де). «Феномен человека». - М 1987. 240 с.
136. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Астрель, 2000. Т. 1. 848 с.
137. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / Отв. ред. Ю. С. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1986. - 239 с.
138. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 240 с.
139. Фарханги забони тоҷики в 2-х томах, Издательство “Советская энциклопедия”. М.: 1969. – 1 том – 951 с. 2 том – 949 с.
140. Фесенко Т. А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сб. науч. трудов. — Рязань, 2000.- С. 141–144.

141. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной науки своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: Сб. ст. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. -С. 75-117.
142. Фрумкина Р.М. Самосознание лингвистики - вчера и завтра // Известия РАН. Сер.: лит. и яз. М: Изд-во РАН. № 4. 1999. С. 21-28.
143. Философский энциклопедический словарь, 1983:178
144. Ханьюй дацзыдянь — 汉语大词典 (Большой словарь китайского языка) / Гл. ред. Ло Чжунфэн (罗竹风). Т. 1-12. Шанхай, 1986—1993 [6].
145. Чжоу Югуан Модернизация китайского языка и письменности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Языкознание в Китае. - М., 1989. - С.376-398.
146. Черникова Л.П. Создание Большого русско-китайского словаря под руководством И. М. Ошанина. Участие востоковедов-практиков в коллективном труде, сотрудничество сквозь годы и расстояния // Труды Института востоковедения РАН / отв. ред. З. М. Шаляпина; ред.-сост. А. С. Панина. — М.: [ИВ РАН](#), 2018. — Вып. 19. — С. 55—80
147. Шахнович М. М. Парадоксы теологии Эпикура. СПб., 2000. – 152 с.
148. Шведова Н.Ю. Семантический словарь. - М: Изд-во "Азъ", 2005. - 603с.
149. Шоев Э. Суффиксальное словообразование относительных имен прилагательных в со-временном таджикском литературном языке (на материале суффикса -и, -ки, -ви). — Дисс. ... канд. филол. наук. — Душанбе, 1983. — 201 с.
150. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. А.Д.: Школа «Языки славянской культуры», 2002. - 224 с.
151. Шеньшина М.А. (сост.) Как не заблудиться в китайских словарях. Начальный уровень. — Москва: Восток-Запад, 2007. — 119 с.
152. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. -М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

153. Юлтимирова, С. А. Различные подходы к трактовке термина «концепт». [Электронный ресурс] / С. А. Юлтимирова // http://www.rusnauka.com/NPM_2006/Philologia/3_jultimirova.doc.htm
154. Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
155. Яхонтов С.Е. Китайско-тибетские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 226-227.
156. Цююань 辞源 «Источник слов». Первое издание 1915 г.
157. Цыхай 辞海 «Море слов». Первое издание 1936 г.
158. Чжунвэнь да цыдянь 中文大辭典 Большой словарь китайского языка в 38 томах и приложения в двух томах. Тайбэй, 1962—1968
159. 戴桂菊, 俄罗斯东正教探源—罗斯接受基督教的原因与后果[J]. 世界宗教研究, 1998年, 04期。
160. 杜维明 (美) 著。陈静译, 儒教[M]。上海: 上海古籍出版社, 2007。
161. 傅树政雷丽平, 俄国东正教会与国家 (1917-1945) [M]。北京: 社会科学文献出版社, 2001年,
162. 洪堡特, 论人类语言结构的差异及其对人类精神发展的影响[M]。姚小平译, 商务印书馆, 北京, 1999。
163. Ipsen, G. Der alte Orient und die Indogermanen [Текст] / G.Ipsen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft // Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg. – 1924. – S. 200-237.

